

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)

Д. Бэжман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, д-р ист. наук, доцент (декан Петрозаводского государственного университета)

Р. Жерелик, д-р ист. наук, проф. (директор Института истории г. Вроцлава, Польша)

Н. А. Копанев канд. ист. наук (зав. Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» РНБ)

Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (ген. директор РНБ)

Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США).

М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Исторический институт, Грайфсвальд, Германия)

Г. Оселиус, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)

М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (зав. кафедрой Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта)

Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Вроцлавский университет, Польша)

А. Г. Шкваров, канд. ист. наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председ.), д-р ист. наук, проф.

В. А. Ушаков, д-р ист. наук, проф.

В. Е. Возгрин, д-р ист. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент

Н. П. Евдокимова, канд. ист. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. ист. наук, доцент

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, ст. преп.

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, ст. преп.

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Faculty of History
The Chair of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE CHAIR
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

11

2013

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председ.); канд. ист. наук, ст. преп. *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, ст. преп. *Л. В. Сидоренко*.

Рецензенты: д-р философ. наук, проф. *А. Л. Вассович* (РИСИ)
д-р ист. наук, проф. *А. В. Смолин* (СПбГУ)

Т 78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11 /
Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург, 2013. – 282 с.

ISSN 2227-3824

В Трудах представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроника и т.д. Труды адресованы специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Faculty of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2013

© Исторический факультет СПбГУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Сидоренко Л. В.</i> Проблема постоянной армии и Славная революция в Англии 1688–1689 гг.	15
<i>Возгрин В. Е.</i> Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII–конец XIX в.) /часть II.	29
<i>Гончарова Т. Н.</i> Жан-Жак Руссо и женщины: парадоксальные отношения	54
<i>Соколов О. В.</i> Русско-французские отношения накануне войны 1805 г.	67
<i>Петрова А. А.</i> Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке: Перуанский поход Хосе де Сан-Мартина	85
<i>Евдокимова Н. П.</i> Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года ..	106
<i>Пленков О. Ю.</i> Консервативные немецкие политические представления и гитлеровское планирование войны на Востоке. ...	124

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Филимонов А. Е.</i> Генерал Конфедерации Томас Джексон и битва на Бивердем-Крик (битва у Меканиксвилля) 26 июля 1862 года: собственный просчет или влияние обстоятельств?	136

<i>Сапронов И. М.</i> Значение Первой мировой войны для развития нефтяной индустрии Великобритании и США	144
<i>Яковлева М. Г.</i> Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918–1939 гг.)	153
<i>Чепик В. Н.</i> Интеграционная политика Великобритании в Западной Европе и проблема реорганизации НАТО в начале 1960-х годов	159

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Барышников В. Н., Даудов А. Х.</i> Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.)	172
<i>Талья А. Ю., Ушаков В. А.</i> Томас Джефферсон и американская тематика в освещении М. М. Ковалевского	191
<i>Голуб Н. Б.</i> Российско-американские отношения в оценках украинских исследователей (новейший этап)	209

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

<i>Рок Б.</i> Путешествия поляков по Северо-Западу России в XVIII веке	214

V. РЕЦЕНЗИИ

<i>Возгрин В. Е.</i> Рецензия на книгу: Tilman Plath. Zwischen Schonung und Menschenjagden. Die Arbeitseinsatzpolitik in den Baltischen Generalbezirken des Reichkommissariats Ostland 1941–1944. Essen: Klartext Verlag, 2012. – 502 s.	224
<i>Щеголев С. И.</i> Рецензия на работы проф. В. А. Ушакова: «Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов». Санкт-Петербург: Полтораки, 2010. – 160 с.; «Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX века)». Санкт-Петербург: Нестор, 2006 (в соавторстве с Т. В. Партаненко) – 156 с.; «Томас Джефферсон и американская демократия	

(восприятие в России)». Санкт-Петербург: Полторацк, 2012 (в соавторстве с А. Ю. Талья) – 244 с.	231

VI. ХРОНИКА

Научные конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего времени (апрель – сентябрь 2013 г.)	239
Открытая лекция французского историка, преподавателя университета Париж VIII Сильвена Паттьё «Чернокожее население во Франции: новые исторические и историографические подходы»	245
Выступление на Историческом факультете последнего посла США в СССР Джека Мэтлока	249
<i>Ганзенко Д. С.</i> О деятельности СНО кафедры истории Нового и новейшего времени в 2012/2013 учебном году	258
<i>Яковлева М. Г.</i> Германия глазами университетских историков. Учебная поездка студентов и преподавателей кафедры истории Нового и новейшего времени в Германию летом 2013 года	262
РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ	267
ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	274
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	280

C O N T E N T S

PREFACE	13

I. SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Sidorenko L. V.</i> Standing Army problem and the Glorious Revolution of 1688–1689	15
<i>Vozgrin V. E.</i> German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (18 th – late 19 th century) /Part I/	29
<i>Goncharova T. N.</i> Jean-Jacques Rousseau and women: the paradoxical relationship	54
<i>Sokolov O. V.</i> Russian-French relations on the eve of the war of 1805 . . .	67
<i>Petrova A. A.</i> Military campaigns 1810–1826 in Spanish America: Peruvian campaign of Jose de San Martin	85
<i>Evdokimova N. P.</i> Clear space and cul-de-sac's in the French-German relations in the middle of 1920-s years	106
<i>Plenkov O. Y.</i> German conservative political views and Hitler's war planning in the East	124

II. SCIENTIFIC REPORTS

<i>Filimonov A. E.</i> General of the Confederation Thomas Jackson and the Battle on Beaver Dam Creek (Battle of Mechanicsville) on July 26, 1862: own miscalculation or influence of circumstances? . . .	136
<i>Sapronov I. M.</i> Importance of World War I for development of the oil industry of Great Britain and USA	144
<i>Yakovleva M. G.</i> The problems of education of children of Russian immigrants in France (1918–1939)	153

<i>Chepik V. N.</i> Integration policy of the Great Britain in Western Europe and the problem of reorganization of NATO in the early 1960s.	159

III. CRITICAL STUDY OF SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

<i>Baryshnikov V. N., Daudov A. H.</i> Study of History of the Nordic countries in St.Petersburg (18 th –21 st centuries)	172
<i>Talya A. Y., Ushakov V. A.</i> Thomas Jefferson and American subjects in the interpretation of M. M. Kovalevsky	191
<i>Golub N. B.</i> Russian-American relations in the estimates of Ukrainian researchers (new stage)	209

IV. HISTORICAL ANTHOLOGY

<i>Rok B.</i> Travels of Poles on the north-west Russia in the 18 th century	214

V. REVIEWS

<i>Vozgrin V. E.</i> Review on the book: Tilman Plat. Zwischen Schonung und Menschenjagden. Die Arbeitseinsatzpolitik in den Baltischen Generalbezirken des Reichkommissariats Ostland 1941–1944	224
<i>Schegolev S. I.</i> Review on the works by Professor V. A. Ushakov: Russia in the Interpretation of a Foreigner: Formation of Views and Stereotypes. St-Petersburg, 2010; Mutual Perception of Russia and of the West (18 th – the first half of the 19 th centuries). St-Petersburg, 2006 (in collaboration with T. V. Partanenko); Thomas Jefferson and American Democracy (perception in Russia). St-Petersburg, 2012 (in collaboration with A. Y. Talya)	231

VI. CHRONICLE

Conferences organized by the Chair of Modern and Contemporary history (April – September 2013)	239

Open lecture by a French historian, lecturer in the University Paris VIII Sylvain Pattieu «Black population in France: new historical and historiographical approaches»	245
Speech at the History Faculty of the last U.S. ambassador to the USSR Jack Matlock	249
<i>Ganzenko D. S.</i> Activities of the Student’s Scientific Society «Novist» in 2012/2013 Academic Year	258
<i>Yakovleva M. G.</i> Germany through the eyes of university historians. Study tour of students and professors of the Chair of Modern and Contemporary history in Germany in the summer of 2013	262
ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	274
PERSONAL DATA OF AUTHORS	280

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый выпуск «Трудов» по традиции содержит наиболее недавние и интересные исследования сотрудников и аспирантов кафедры, а также других ученых из России и зарубежья по актуальным проблемам истории Западной Европы и Америки от Великих географических открытий до настоящего времени.

На этот раз в выпуске нет доминирующей темы, и собранные в нем статьи касаются самых разных эпох, стран и народов. Военная история, однако, широко представлена на страницах выпуска, как в статьях уважаемых преподавателей кафедры, так и в эссе их учеников. Внимание авторов было привлечено такими проблемами, как постоянная армия в эпоху Славной революции (Л. В. Сидоренко), перипетии Перуанского похода Хосе де Сен-Мартина (А. А. Петрова), битва на Бивердем-Крик в период Гражданской войны в США (А. Е. Филимонов).

История международных отношений представлена статьей известного специалиста по истории Наполеоновской империи О. В. Соколова, посвященной вопросам восприятия Франции в России накануне войны 1805 г., и очерком о том, какие попытки были предприняты в 1920-е гг. для урегулирования франко-германской напряженности (Н. П. Евдокимова).

Проф. В. Е. Возгрин, автор недавно вышедшей 4-хтомной «Истории крымских татар», обращается к национальной политике Российской империи применительно к немецким колонистам и крымским татарам. Наконец, две статьи переносят нас в XVIII век. Т. Н. Гончарова предпринимает попытку объяснить, почему женоненавистник, каким был знаменитый парадоксами французский философ Жан-Жак Руссо, имел столь много поклонниц среди тысяч сентиментальных читательниц. Наш польский коллега профессор Богдан Рок из Вроцлавского Института истории рассматривает последнее десятилетие века, время, когда после образования Тарговицкой конфедерации, польские шляхтичи стали частыми гостями при дворе Екатерины II.

Рубрика «Источниковедение и историография» содержит три статьи. Неудивительно, что одна из них посвящена сюжету, особенно дорого-

му для историков города на Неве, хорошо известного как важный центр по изучению истории скандинавских стран и Финляндии: проф. В. Н. Барышников и проф. А. Х. Даудов анализируют процесс постепенного складывания и развития там интереса к северным странам. Две другие статьи, включенные в рубрику, имеют отношение к Северной Америке: проф. В. А. Ушаков и работающая под его руководством аспирантка А. Ю. Талья раскрывают роль выдающегося российского историка и социолога М. М. Ковалевского в становлении и развитии американистики в дореволюционной России. Другая студентка проф. В. А. Ушакова Н. Б. Голуб обращается к теме русско-американских отношений в оценках современных украинских исследователей.

Кроме того, три монографии В. А. Ушакова (две из них были написаны в соавторстве), изданные в 2006, 2010 и 2012 гг. и представляющие трилогию, ибо объединенные темой эволюции образа России в общественной мысли Запада и отношения россиян к Европе и США, рассматриваются в одной из двух рецензий, представленных в выпуске. Во второй анализируется книга немецкого историка из Грайфсвальда доктора Тильмана Плата о системе принудительного труда в оккупированной нацистами Прибалтике (Essen, 2012).

Завершается выпуск «Хроникой», повествующей о наиболее памятных кафедральных событиях за период с апреля по сентябрь 2013 г.: среди них июльская поездка в Грайфсвальдский университет группы наших студентов и открытые лекции, с которыми французский историк Сильвен Патгё из университета Париж VIII и последний посол США в СССР Джек Мэтлок выступили перед студентами факультета по приглашению кафедры.

Н. В. С материалами предыдущих выпусков «Трудов кафедры истории Нового и новейшего времени» можно бесплатно ознакомиться на нашем Интернет-сайте: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

Редколлегии приятно проинформировать наших читателей, что отныне Труды кафедры истории Нового и новейшего времени будут сопровождаться приложением, содержащим материалы конференций, проводимых кафедрой, таких как ежегодная «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» и декабрьская, в этом году это «Исторический опыт конституционного строительства в Западной Европе и Америке в Новое и новейшее время».

PREFACE

This 11th number of our Proceedings publishes one more some of the latest and most interesting researches conducted in our Department as well as a few contributions by some scholars from Russia or from abroad, dealing with various problems of European and American history, both modern and contemporary.

This time, one will not find a central subject, but a variety of eras, countries and peoples. Military history, however, is widely represented, as well in contributions by long established stars of the department, as in several essays of their pupils. They deal with such matters as the standing army in the era of the Glorious Revolution (L. Sidorenko), the vicissitudes of the Peru campaign of Jose de San Martin (A. Petrova), the battle on Beaver Dam Creek during the American civil war (A. Filimonov).

The history of international relations is also well represented with a paper by Oleg Sokolov on the perception of France by Russians on the eve of the war of 1805, and another one on how to remedy the Franco-German tensions of the 1920-s (N. Evdokomova).

As for Pr. Vozgrin, author of a newly published 4-volume “History of the Crimean Tatars”, he handles here the national policy of the Russian Empire in relation to German colonists and Crimean Tatars. Last, two contributions bring us back to the 18th century. T. Goncharova tries to explain why such a misogynist, the famous paradoxical French philosopher Jean-Jacques Rousseau, found so many admirers among thousands of sentimental female readers. Our Polish colleague, Pr. Bogdan Rok, from the Institute of History of Wroclaw deals with the last decade of the century, a time, when, after the formation of the confederation Targowica, the Polish nobles became frequent visitors to the court of Catherine II.

The section “Critical study of sources and historiography” contains three papers. One will not be surprised to find one in a field especially dear to historians of the Neva city, well known as an important center for the study of the Scandinavian countries and Finland: Pr. V. Baryshnikov and Pr. A. Daudov examine how the interest in these countries emerged and developed there. The two other papers included in this section deal with North America: Pr. Ushakov and his graduate-student A. Talia reveals the role of the outstanding Russian historian and sociologist M. Kovalevsky in the development of American Studies in pre-revolutionary Russia. Another student of Pr. Ushakov N. Golub handles Russian-American relations in the estimates of modern Ukrainian researchers.

Moreover, three monographies of V. Ushakov (two of them written in collaboration), published in 2006, 2010 and 2012, and representing a trilogy about both, the evolution of the image of Russia in the social thought of the West and the attitude of Russians towards Europe and the USA, are dealt with in one of the two reviews included in this issue. The second one considers a book of the German Greifswald historian Dr. Tilman Plat about forced labor in Nazi-occupied Baltic States.

The issue closes on a “Chronicle” relating some memorable events of this Chair between April and September 2013: among others, the visit of a group of our students, last July, to the University of Greifswald, and the successful lectures given us by Dr. Sylvain Pattieu from the University Paris VIII and by the last U.S. ambassador to the USSR Jack Matlock, both invited by our Chair.

N. B. All papers and documents published in the former issues of our Proceedings are now available free of charge on our Internet site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Л. В. Сидоренко

ПРОБЛЕМА ПОСТОЯННОЙ АРМИИ И СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ 1688–1689 ГГ.

Вопрос качественных и количественных характеристик института постоянной армии в Великобритании традиционно считался одной из важнейших конституционных проблем. Начиная со Средневековья, а особенно с эпохи военной диктатуры Оливера Кромвеля, армия подобного типа – постоянная армия – в течение долгих лет рассматривалась населением и политиками страны с большим недоверием, ибо у них имелось стойкое опасение, что корона может использовать вооружённые силы для вмешательства в политику. Это отношение изменялось настолько медленно, что, по признанию английского военного историка периода Первой мировой войны, его призрак всё ещё продолжал жить с англичанами¹. Целью данной статьи является анализ эволюции института постоянной армии в критически важный для всей истории Великобритании период Славной революции 1688-1689 гг.

Рассмотрение данной темы целесообразно начать с реставрации на престоле Карла II. **Несмотря на предшествующую практику существования вооружённых сил на Британских островах, согласно английской исторической традиции, армия, как постоянный институт, была учреждена лишь в 1660 г. именно Карлом II, распоряжением которого часть парламентской армии генерала Монка была реструктуризирована в новые боевые единицы, способные послужить защитой для нового режима².** Карл II настойчиво стремился обезопасить свой трон наличием мощных постоянных вооружённых сил. Он ошибочно (что позднее продемонстрировал печальный опыт Якова II) приписал все злоключения своего

отца (Карла I) отсутствию у того постоянной армии. При этом, возможно, армия являлась единственным институтом связанным с управлением государством, к которому Карл II проявлял хоть какой-то личный интерес, прежде всего в силу своей глубокой убеждённости в возможности защиты полками своей короны³.

Начался медленный, но неуклонный рост постоянной королевской армии, который сопровождался мерами повышения её преданности монарху: речь идёт о католизации личного состава в противовес старым протестантским идеалам эпохи Кромвеля. В начале своего правления Карл II произвёл в офицеры несколько католиков, либо в силу их способностей, либо из-за их лояльности в период гражданской войны. Однако по мере роста давления общественности, он делал это всё более нерешительно. Тем не менее, католики в армии считались надёжной силой, способной защитить своего суверена. В целом, в это время растущая регулярная армия не внушала доверия населению, чьи идеалы выражались в явном предпочтении защиты страны ополчением – милицией, которая уже с точки зрения короля считалась не соответствующей оборонным задачам королевства⁴. Впрочем, за период своего правления Карл не предпринял в армейской сфере сколь-нибудь масштабных шагов, благодаря чему и не вызвал всеобщей негативной реакции в стране.

Его брат, унаследовавший трон в 1685 г. как Яков II, стал самым военнизированным монархом в английской истории после Генриха VIII. Яков был участником нескольких военных кампаний и изучал военное дело с исключительным старанием. Он также дважды командовал флотом в больших операциях, показав себя в качестве адмирала и просто храброго человека. Более того, он чувствовал искреннюю гордость за отвагу английского моряка и солдата. Наконец, Яков демонстрировал способности и прилежание в качестве военного администратора⁵. Неудивительно, что при таком монархе регулярные вооружённые силы стали быстро увеличиваться, что имело и объективные причины.

К вступлению на престол Якова II английская армия насчитывала едва ли более 8700 человек, но восстания Монмута и Аргилла способствовали её росту. К окончанию восстания Монмута армия возросла до 16000 чинов, а к концу 1685 г. достигла 19778 человек. В следующие два года численность вооружённых сил колебалась в районе 20000 человек, но с возвращением в марте 1688 г. англо-голландской бригады сразу возросла на 2100 солдат, после чего продолжила расти⁶. Стоит отметить, что для повышения лояльности в армейской среде католик Яков II усилил прак-

тику привлечения в ряды вооружённых сил единоверцев. С марта 1685 г. католики и ирландцы стали активно замещать протестантов и англичан в ирландской армии: к сентябрю 1686 г. из 8629 их было уже 3409. К концу 1688 г. из их рядов был исключён последний протестант. Этот процесс совпал с отменой Нантского эдикта Людовиком XIV. Неудивительно, что у английских протестантов появились опасения, что Яков повторит опыт французского короля⁷. Стоит отметить, что для повышения лояльности Яков увеличивал в армии численность не только католиков, но и ирландцев. Хотя часто эти две категории совпадали, данные меры становились вдвойне непопулярными в связи с широко распространёнными антиирландскими настроениями в стране. Обычно это выражалось в острых противоречиях на местах, а в течение всех лет правления Якова II активно работали антикатолические агитаторы⁸. Однако, несмотря на рост недовольства в обществе, доля «антинародных» элементов в вооружённых силах увеличивалась. К концу 1688 г. 42 из 154 (около 27%) высших армейских постов были заняты католиками, одиннадцать – шотландцами и 7 – ирландцами⁹. Эти тенденции являлись очень тревожными для протестантской страны.

Количественный рост армии дополнялся реформированием системы базирования и боевой подготовки. С 1685 г. установилась традиция военных сборов в Харло Хит, что позволило собрать воедино разбросанные по стране части и гарнизоны для совместных тренировок и более консолидировать вооружённые силы. Впрочем, в этом были риски и для самого Якова. В единой армии информация передавалась быстрее, и упрощалась задача военного заговора, если бы он вдруг возник¹⁰. Тем не менее, для общественности армия стала более публичным, но и более угрожающим институтом, что только усиливало тревогу в стране. Постоянно росло напряжение между гражданским населением и военными, часто происходили инциденты. Зафиксировано и несколько случаев применения армии для решения политических вопросов: например, в 1686 г. в Глосестере кавалеристы были внесены в официальные списки, чтобы способствовать избранию мэра-католика¹¹. Таким образом, рост численности армии при Якове II **сделал её внутренней полицейской силой, способной запугивать гражданское население.** Это могло рассматриваться как разумный ответ на слабость милиции, показавшей свою беспомощность во время восстания Монмута в 1685 г., однако местные элиты и общество в целом чувствовали за королевским предпочтением большой постоянной армии более зловещую для них причину. Создание отдель-

ной законодательной системы для армии, расширение числа гарнизонов по всей стране породили широко распространённые страхи установления диктаторской власти монарха силой. Опора короля на католических офицеров была дополнительной причиной обеспокоенности в стране¹². Неудивительно, что представители нации предлагали свои идеалы системы обороны.

Речь идет о милиции, за которую активно ратовал парламент. Понимая, что ему вряд ли удастся убедить парламентариев ликвидировать милицию, Яков позволил ей придти в упадок. В связи с этим полицейские функции поддержания порядка ложились на регулярную армию, что она и делала. Лишь в Лондоне всё ещё сохранялась милиция из-за того, что это был самый большой город в королевстве, богатый своими традициями выступлений и насилия толпы¹³. Впрочем, нелюбовь Якова к ополчению имела и объективные причины: во время восстания Монмута милиция показала свою низкую эффективность при противодействии восставшим, в то время как силы армии выполнили задачу, что и сделало их фаворитами нового короля¹⁴. Поэтому не удивительны слова Якова в тронной речи при открытии парламента 9 ноября 1685 г., когда он, поблагодарив Всевышнего за успешное подавление восстания Монмута, отметил: «Но когда мы осознаем, какое незначительное число людей начало это восстание, и как долго они продержались безо всякого противодействия, я надеюсь, все будут убеждены, что милиция, от которой мы до сих пор сильно зависимы, не подходит для таких событий; и не остаётся ничего, кроме как доброй силы хорошо дисциплинированных войск на постоянном содержании, которые могут защитить нас от этого, как внутри страны, так и за рубежом...»¹⁵. Именно ссылка на неэффективное ополчение позволила Якову просить увеличить содержание на постоянную армию, что вызвало серьёзную дискуссию. В целом, парламентарии, находившиеся под впечатлением недавнего восстания, понимали необходимость усиления регулярных сил; соглашались в большинстве они и с неэффективностью действий милиции в ходе восстания, однако отменить институт ополчения не решались. В итоге, несмотря на несколько выступлений против роста армии по идейным, конституционным и религиозным соображениям, палата общин высказалась за предоставление дополнительного обеспечения королю, с одновременной разработкой билля по увеличению эффективности милиции¹⁶. Последнего достичь не удалось.

Впрочем, количественный рост армейских подразделений имел и обратную сторону, видную специалистам и историкам, но не населению.

Хотя к октябрю 1688 г. вооружённые силы короля достигали 40117 солдат и офицеров списочного состава, их максимальная единовременная концентрация не превышала 13000 бойцов¹⁷. Согласно другим данным, в реальности, без чрезвычайных пополнений, Яков II имел 29-30 тысяч солдат. Однако из них около 4400 были новобранцами, ещё не завершившими курс обучения, а поэтому не готовыми к боевым действиям. Ещё 4-5 тысяч солдат были связаны гарнизонной службой по стране. Более того, нужно иметь в виду 2964 шотландских и 2820 ирландских солдат, не способных к действиям в линейных порядках. Таким образом, в критические дни Славной революции Яков мог рассчитывать на силы в не более чем в 15000 опытных солдат¹⁸. Это заметно меньше, чем виделось простому обывателю. Впрочем, судя по всему во время Славной революции Яков прежде всего ставил на количественные характеристики своей армии. Современники отмечали, что его величество считал необходимым развернуть дополнительные силы пехоты и кавалерии, что виделось основным ответом на внешнюю угрозу¹⁹.

Показательно, что когда к сентябрю 1688 г. Яков осознал близость голландского вторжения, он вспомнил об ополчении, приказав мобилизовать хотя бы часть милиционных сил, прежде всего конных. Но милиция пребывала в плохом состоянии: годы пренебрежения сделали её дезорганизованной и нелояльной силой из-за часто наблюдавшихся противоречий на религиозной почве в милиционных отрядах, поэтому очень часто протестантские лорды-лейтенанты саботировали волю монарха²⁰. Поставив на армию, Яков пренебрёг милицией, в результате чего та не смогла, да и не захотела ему помочь в конце 1688 г.

Обострилась к 1688 г. и проблема религиозного состава армии. К концу 1687 г. стало ясно, что многие офицеры, несмотря на их желание служить своему королю лояльно, не готовы пожертвовать ради этого своей религией. Действительность казалась угрожающей для английских протестантов в армии. К 1688 г. католизация армии усилилась, как следствие возросли трения между Яковым и офицерским корпусом²¹. Судя по письму полковника Эмброуза Нортон, протестантские офицеры оказались очень чувствительны к католической предрасположенности Якова. Когда королём был отдан приказ учесть всех католиков в армии, в глазах протестантской её части (особенно командного состава) тут же стали рисоваться картины одна хуже другой, что уже заранее деморализовывало королевскую армию и делало её нелояльной силой²².

По данным современников, в ноябре 1688 г. в условиях революционной неопределённости появились первые сообщения о переходах королевских полков на сторону Вильгельма Оранского. Причём на местах всё зависело от командиров подразделений. Позже последовали и более резонансные предательства: королю не могли не пугать новости о таких перебежчиках как принц Датский, герцоги Ормонд, Графтон, Нортумберленд, лорд Черчилль, полковники Трелони, Беркли, сэр Ланьер и некоторые другие. По данным современника, суммарная цифра дезертиров достигала 4-5 тысяч. Показательно, что брожение коснулось и судебной системы, которая должна была наказывать предателей. Например, хотя лорд верховный судья Райт выписал ордер на леди Черчилль и имущество её супруга, констебль счёл его незаконным и фактически игнорировал его выполнение в революционное время²³.

Таким образом, прежде чем Яков успел подготовить свои войска и прибыть к ним, он столкнулся с проблемой нелояльности. Во время высадки Вильгельма Оранского армия потеряла значительную часть личного состава не в результате сражений или болезней, а из-за дезертирства. По оценкам историков суммарное число дезертиров достигало не менее 10000 человек, в то время как оставшиеся находились в деморализованном состоянии²⁴. Хотя в целом рядовой личный состав сохранял верность, лояльность офицеров была под вопросом. Эти подозрения подтверждались примерами знатных перебежчиков. В свою очередь низшие офицеры проявляли нелояльность менее предосудительными способами. Это не могло не подрывать дух короля. Последней каплей стало бегство из его лагеря его детей. После этого 11 декабря Яков II решил на побег, подписав приказ о расформировании армии²⁵.

Можно согласиться с вигскими историками, что причина такого поведения личного состава вооружённых сил заключалась в очевидных для войск негативных качествах Якова II, поэтому, когда на арене появился Вильгельм Оранский, армия была готова к этому и последовала за нацией²⁶. Рост численности личного состава, репрессивное использование практики постоя войск и очевидное желание применять в гражданских делах военное законодательство стоили Якову короны. Поэтому, несмотря на многолетнюю подготовку королевской армии, после высадки в Торбее принца Оранского, её мотивация к сопротивлению оказалась слабой. Голландские войска, наоборот, завоевали восхищение англичан своей дисциплиной, восхитительной амуницией и хорошим поведением²⁷. Труды Якова по усилению армии пропали даром.

В итоге к моменту вступления Вильгельма Оранского в Лондон под командованием королевского военачальника лорда Феверсхэма насчитывалось не более 4000 человек – всё, что осталось от военной машины Якова. В дальнейшем, после возвращения части старых сил, под командованием Вильгельма оказалось только около 10000 солдат старой английской армии, что вызывало недовольство нового короля, так как он изначально планировал получить войска Якова нетронутыми. Это желание было вызвано далеко идущими планами использования английских военных ресурсов в Европе. В любом случае Вильгельму пришлось реконструировать армию²⁸. К апрелю 1689 г., когда был подготовлен новый список армии, она насчитывала 30866 человек, без шотландцев и ирландцев, примерно равно распределённых по Англии, Ирландии и Нидерландам. Внешнеполитическая обстановка заставляла Вильгельма действовать энергично в вопросах мобилизации английских вооружённых сил, и к концу 1689 г. армия страны удвоилась, достигнув 60672 человек²⁹. А уже в 1690 г. английская армия насчитывала до 76506 человек. Разумеется, такие показатели достигались не только за счёт местного демографического потенциала. Начиная с 1689 г. Англия становится главным клиентом на наёмническом рынке Европы, оставаясь таковым весь XVIII век, вплоть до наполеоновских войн³⁰. Все эти новые тенденции и процессы привели к важным качественным изменениям в английской армии, что можно считать важными итогами Славной революции. При Вильгельме, благодаря участию армии в войнах на островах и на континенте, та стала более профессиональной силой, чем раньше. После Славной революции британский офицерский корпус становится национальным институтом, а не только монархическим. Кроме этого, именно при Вильгельме III отдельные армии Англии, Шотландии и Ирландии стали сливаться, образуя по-настоящему британскую армию³¹. Приходилось решать и ряд других сложных вопросов.

Постоянная армия, согласно британским идеям, порожидала две устойчивые проблемы – экономическую и политическую. Экономическая заключалась в необходимости выделения огромных ресурсов на обеспечение вооружённых сил. Политическая проблема считалась более опасной и заключалась в потенциальной угрозе трансформации постоянной армии в политического хозяина государства с установлением военного правления. Однако эти две проблемы были минимизированы в Англии в 1660-1871 гг. благодаря системе купли-продажи военных должностей, практике, пришедшей ещё от средневековых военных корпораций³².

Купля-продажа командных постов минимизировала угрозу военной узурпации, сэкономила финансовые ресурсы королю. Эта система являлась политической по сути, а не военной. Во многом она способствовала тому, что британская армия в течение почти двух столетий испытывала парламентское пренебрежение³³. В условиях войны Вильгельм Оранский стремился запретить практику купли-продажи должностей, во многом руководствуясь военной целесообразностью и голландским опытом. Однако с 1701 г. корона вновь согласилась с этой практикой по политическим соображениям защиты режима Оранского от наседающей оппозиции, ратовавшей за традиционные английские ценности³⁴.

Важнейшим последствием Славной революции стало конституционирование армии в государственной системе королевства и определение её юридической и практической зависимости от парламента. Основопологающим актом здесь стал Билль о правах, который запретил существование в мирное время постоянной армии без согласия парламента. Это положение означало на практике необходимость регулярных заседаний парламента. С целью соблюдения декларативных положений Билля о правах требовался конкретный механизм легализации имевшихся вооружённых сил. Таковым стало ежегодное обсуждение и принятие парламентом Акта о мятеже, санкционировавшего численность личного состава, который король мог легально держать под ружьём. При этом подразумевалась лишь максимальная цифра, которую нельзя было преодолевать, но не обязательно было достигать. Впервые Акт о мятеже был принят уже в 1689 г., а в следующие два десятилетия он трансформировался в парламентскую санкцию существования армии³⁵.

При этом показательно, что если Билль о правах принимался как заранее обдуманый документ, Акт о мятеже стал результатом во многом случайного прецедента. Акт был принят как реакция на восстание нескольких британских полков в Ипсвиче в марте 1689 г. Тогда по наущению якобитских офицеров, из-за назначения на командирский пост не шотландца (герцога Шомберга), восстал Королевский шотландский полк. Вместо отправки на континент восставшие двинулись в северном направлении на родину. Вильгельм смог быстро организовать преследование, и вскоре беглецы сдались без борьбы около Слифорда, а затем всё же были отправлены к Маасу, где всё равно дезертировали сотнями. Именно это выступление стало поводом для принятия Акта о мятеже, так как сильно обеспокоило парламент и свидетельствовало о том, что не вся старая армия безропотно перешла на сторону нового режима. Суть

акта заключалась в передаче в военное законодательство некоторых преступлений, которые не могли быть рассмотрены в рамках гражданского права, и этим легализовалась армия³⁶. В Англии с древних времён солдат был подсуден только гражданскому законодательству, за исключением проступков военного характера в период кампании за пределами страны. Таким образом, наблюдался законодательный вакуум в армейской службе в мирное время³⁷. Офицерам не позволялось налагать наказания на солдат, связанные с членовредительством и потерей жизни. Этим занимались гражданские суды, не учитывавшие военную специфику и зачастую пренебрегавшие этими делами, в силу чего дисциплина в частях оставляла желать лучшего. Акт устранял эту недоработку, давая такие полномочия королю и офицерам³⁸.

Также зачастую акт являлся ежегодным поводом для палаты общин обсудить необходимость существования армии, и всего лишь уполномочивал короля и его офицеров вершить военное правосудие на основе военных законов. Акт не регулировал армию, не учреждал её или даже формально признавал её. Акт регулировал вопросы военной юстиции, обозначал, кто под её действие попадал³⁹. То есть в целом акт носил ограниченный характер. Строго говоря, Акт о мятеже не вводил ничего нового, а закреплял то, что уже было в действии. Однако состояние общества было таково, что желательно было не только закрепить практику военного законодательства, но и более явно обозначить пределы прерогативы суверена в развёртывании постоянной армии, и в итоге продемонстрировать, что регулярные войска находятся под таким же практическим контролем парламента, как и милиция⁴⁰. Акт о мятеже 1689 г. также устанавливал нормы постоя солдат в трактирах и прочих подобных заведениях за вознаграждение. Однако это положение было крайне непопулярным, особенно среди владельцев подобных заведений, хотя нормы постоя в Британских островах были менее формализованы, чем в стране⁴¹.

Впрочем, Акт о мятеже 1689 г. не стал финальным итогом в определении положения вооружённых сил при Вильгельме Оранском. В конце 1690-х гг. отголоски Славной революции вновь дали о себе знать в проблеме постоянной армии. В 1697–1699 гг. Вильгельм III оказался втянут в борьбу с вигскими радикалами и коалицией тори в палате общин по вопросу численности английской армии мирного времени. По мнению короля, недавно подписанный Рисвикский мир не останавливал Людовика XIV в развязывании новой войны, а потому многочисленная постоянная армия ему казалась крайне нужной стране. Однако обоснование

необходимости таких сил (невозможность полагаться только на флот и береговые укрепления, угроза со стороны Людовика XIV и якобитского движения, отсутствие опасности свободам подданных при условии должного контроля армии со стороны парламента), высказанное Вильгельмом, едва ли было приемлемым для большинства английских парламентариев в ту эпоху⁴².

Дебаты в парламенте сопровождались не менее острой памфлетной кампанией. Памфлеты, написанные представителями обеих сторон, имели очень большое влияние на борьбу 1697–1699 гг. В прессе противоречия разворачивались между двумя группами виггов. Принципиально против армии мирного времени выступали Джон Тренчад, Уолтер Мойл, Эндрю Флетчер Салтун, преподобный Самуэль Джонсон и Джон Толанд. Королевские предложения защищали лорд канцлер, Джон Соммерс, Даниэль Дефо, Мэтью Прайор и Ричард Кингстон⁴³. Показательно, что в то время как противники армии выражали интересы широких слоёв общества, монарх в большей степени вынужден был опираться на платных памфлетистов. Дефо и другие писатели короля в целом так и не смогли убедить нацию и парламента во французской опасности и необходимости держать войска под рукой ради безопасности страны. Аргументы против армии отражали радикальную вигскую философию и во многом устаревшее отношение к военному делу и международной ситуации. Они страстно звали к многовековой приверженности англичан к правам и свободам и их едва ли не генетическому страху перед правительством. В 1697–1699 гг. королевским памфлетистам не удалось успокоить общество, а также убедить читателя в необходимости армии⁴⁴.

Победила точка зрения, что постоянная армия в мирное время будет представлять угрозу свободе подданных, увеличит власть короля, поставит под угрозу установившуюся форму правления. В теории радикалы вообще не хотели постоянной армии, но на практике были готовы согласиться на очень маленькие силы в 7–10 тысяч человек. Они считали, что в мирное время флот с милицией могли вполне адекватно справиться с угрозами, в то время как наёмные солдаты дороги, морально неотвественны и представляют опасность неприкосновенности собственности. Вызывало претензии и большое число иностранцев в армии Вильгельма (что косвенно касалось и внутренней политики)⁴⁵. В частности, мера парламента по сокращению армии до 7000 солдат, набираемых из прирождённых англичан, была особо болезненна для Вильгельма, так как ему в этом случае приходилось отказаться от своей голландской стражи

– ветеранов, деливших с ним долгое время все опасности и всю славу, и кого он мог считать единственными по-настоящему лояльными личными слугами (вместе с французскими протестантскими беженцами). Эти решения парламента отражали накопившийся к 1698 г. против короля и всех иностранцев дух враждебности⁴⁶. Королю оставалось лишь выразить сожаление в связи с таким решением палаты общин, но ради интересов общества он готов был пожертвовать этим дорогим для себя под-разделением⁴⁷.

В споре с парламентом король использовал каждую возможность, идя на разные уловки и схемы даже ради сохранения лишних нескольких сотен солдат. Но усилия Вильгельма ослаблялись несколькими факторами: у него не было министерского органа который мог бы влиять на палату общин, ни сильного политика, способного обеспечивать его политику, ни безусловной поддержки среди лордов⁴⁸. Хотя в верхней палате и были сторонники короля по армейскому вопросу, в целом она опасалась давить на палату общин из-за боязни последствий этого противостояния⁴⁹. Хотя парламент в итоге утвердил уровень постоянной армии примерно в 10000 человек, сам Вильгельм держал 16000, рассчитывая на изменения в позиции парламента. Антиармейская кампания в стране усиливалась возродившимися антиголландскими настроениями, а также раздачей коронных земель в целом (и голландцам в частности). Кроме этого, парламент не сталкивался с угрозой войны⁵⁰.

Противостояние 1697–1699 гг. закончилось компромиссом. Принцип гражданской армии был заменён созданием постоянной армии в мирное время, но её размер был настолько малым, что опасность свободам была сведена к минимуму. Желание радикальных вигов предотвратить установление постоянной армии в мирное время было частью большей атаки на короля, которого они ассоциировали с абсолютизмом⁵¹.

Таким образом, подводя итоги статьи, стоит признать, что проблема постоянной армии играла важную роль в событиях Славной революции. Устойчивый рост вооруженных сил и активное привлечение католиков и ирландцев на службу, что наблюдалось при Якове II, стали одними из причин поднявшегося недовольства в королевстве. Этими действиями Яков задел религиозные и конституционные чувства населения, что, в конечном итоге, стало причиной слабости его армейской машины в критические дни высадки Вильгельма Оранского. В то же время, вопрос сильной регулярной английской армии был важен и для Вильгельма, которому нужны были военные ресурсы Англии для противостояния Людовику

XIV на континенте. В силу этого численность английской армии возросла до рекордных величин. Однако её конституционная угроза нивелировалась при Вильгельме и в дальнейшем новой конституционной практикой – положениями Билля о правах и ежегодно принимавшимися Актами о мятеже, регулировавшими армейские вопросы. Однако попытка Вильгельма в мирное время пойти наперекор парламенту, сохранив значительные вооружённые силы, провалилась в 1697–1699 гг., что обозначило настоящее торжество сил английского парламентаризма и утвердило практику ничтожно малого числа солдат, постоянно находящихся на службе в мирное время. В итоге армия стала парламентской силой.

¹Clifford W. G. The British Army. London, 1915. P. 6–7.

²Hollinger A. G. The Forgotten Army: The British Army System, 1716–1746. A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School of Emory University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master of Arts. 1976. P. 2.

³Walton C. History of the British Standing Army. A.D. 1660 to 1700. London, 1894. P. 11, 15.

⁴Miller J. Catholic Officers in the Later Stuart Army // The English Historical Review. Vol. 88. № 346 (Jan., 1973). P. 38.

⁵Fortescue J. W. A History of the British Army. First Part – to the Close of the Seven Years' War. Vol. I. London, 1899. P. 298.

⁶Stapleton Jr. J.M. Forging a Coalition Army: William III, the Grand Alliance, and the Confederate Army in the Spanish Netherlands, 1688–1697. Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University. The Ohio State University, 2003. P. 122.

⁷Miller J. Catholic Officers... P. 36, 39.

⁸Fortescue J. W. Op. cit. Vol. I. P. 302–304.

⁹Miller J. Catholic Officers... P. 49.

¹⁰Moore D. The British Army Officer's Corps and the Foundations of the British Nation-State, 1689–1700. A Thesis Submitted to The Eberly College of Arts and Sciences at West Virginia University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in History. Morgantown, West Virginia, 2000. P. 48–49.

¹¹Miller J. The Militia and the Army in the Reign of James II // The Historical Journal. Vol. 16. № 4 (Dec., 1973). P. 664.

¹²Goodlad G. Before the Glorious Revolution: The making of absolute monarchy? // History Review. September, 2007. P. 11.

¹³Miller J. The Militia and the Army... P. 662–663, 664.

¹⁴Moore D. Op. cit. P. 45.

¹⁵Cobbett's parliamentary history of England, from the Norman Conquest, in 1066 to the year, 1803: from which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled, «Cobbett's parliamentary debates». Vol. IV. Comprising the period from the res-

toration of Charles the Second, in 1660, to the Revolution, in 1688. London, 1808. Col. 1369–1370.

¹⁶*Ibid.* Vol. IV. Col. 1371–1375.

¹⁷*Miller J.* Catholic Officers... P. 47.

¹⁸*Glozier M.* The Huguenot Soldiers of William of Orange and the Glorious Revolution of 1688. The Lions of Judah. Eastbourne – Portland, 2008. P. 106.

¹⁹CXCI. London, September 25th, 1688 // The Ellis Correspondence. Letters Written during the Years 1686, 1687, 1688, and Addressed to John Ellis, esq. / Ed. from the originals with notes and a preface by the Hon. George Agar Ellis. In Two Volumes. Vol. II. London, 1829. P. 216.

²⁰*Miller J.* The Militia and the Army... P. 667–668.

²¹*Moore D.* Op. cit. P. 56–57.

²²A Letter from Colonel Ambrose Norton // *Ward R. Plumer.* A Historical Essay on the Real Character and Amount of the Precedent of the Revolution of 1688: In which the Opinions of Mackintosh, Prince, Hallam, Mr. Fox, Lord John Russell, Blackstone, Burke, and Locke, the Trial of Lord Russell, and the Merits of Sidney are Critically Considered. Vol. II. London, 1838. P. 42–43.

²³November 28, 1688. *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Vol. I. Oxford, 1857. P. 475, 479.

²⁴*Stapleton Jr. J. M.* Op. cit. P. 123.

²⁵*Fortescue J. W.* Op. cit. Vol. I. P. 306.

²⁶*Walton C.* Op. cit. P. 48.

²⁷*King C. C.* The Story of the British Army. London, 1897. P. 62.

²⁸*Moore D.* Op. cit. P. 75.

²⁹*Stapleton Jr. J. M.* Op. cit. P. 123.

³⁰*Ibid.* P. 124–125, 130.

³¹*Moore D.* Op. cit. P. 4–5.

³²*Basset J. H.* The Purchase System in the British Army, 1660–1871. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Boston University, 1969. P. 1.

³³*Ibid.* P. 2–3.

³⁴*Ibid.* P. 48–49.

³⁵*Danley M. H.* Military Writings and the Theory and Practice of Strategy in the Eighteenth-Century British Army. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. Department of History College of Arts and Sciences Kansas State University. Manhattan, Kansas, 2001. P. 18; Basset J.H. Op. cit. P. 5.

³⁶*Fortescue J. W.* Op. cit. Vol. I. P. 334–335.

³⁷*Foote W. A.* The American Independent Companies of the British Army, 1664–1764. A Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in History. University of California, Los Angeles, 1966. P. 86.

³⁸*Moore D.* Op. cit. P. 127.

³⁹*Hollinger A. G.* Op. cit. P. 26–27.

⁴⁰*Walton C.* Op. cit. P. 538.

⁴¹*Hollinger A. G.* Op. cit. P. 45.

⁴²*Schwoerer L. G.* The Role of King William III of England in the Standing Army Controversy – 1697–1699 // *Journal of British Studies*. Vol. 5. № 2 (May, 1966). P. 76–77.

⁴³*Schwoerer L. G.* The Literature of the Standing Army Controversy, 1697–1699 // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 28. № 3 (May, 1965). P. 188–189.

⁴⁴*Ibid.* P. 197, 205.

⁴⁵*Schwoerer L. G.* The Role of King William III... P. 78.

⁴⁶*Grew E. S., Grew M. S.* The Court of William III. London, [1910]. P. 334–335.

⁴⁷*Cobbett's parliamentary history...* Vol. V. Comprising the period from the revolution, in 1688, to the accession of Queen Anne, in 1702. London, 1809. Col. 1193.

⁴⁸*Schwoerer L. G.* The Role of King William III... P. 87, 89.

⁴⁹*Ibid.* P. 92.

⁵⁰*Fortescue J. W.* *Op. cit.* Vol. I. P. 386.

⁵¹*Schwoerer L. G.* The Literature of the Standing Army Controversy... P. 211.

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII – КОНЕЦ XIX вв.)

Первыми крымскими германцами стали готы, племя, жившее в низовьях Вайкселя (Вислы). Готы появились на полуострове в III в. н. э. Вначале в северо-западной части Крыма, по которому они «прошлись сокрушительным валом»¹, впоследствии основав своё государство в горном Крыму (VI в.). Но во временном промежутке между этими событиями северные варвары приняли христианство. И уже на Никейском соборе (начало IV в.) мы встречаем готского епископа Кадма из Крыма². Затем это южно-германское государство распалось, но готское население сохранилось и в Новое время, хотя культурно уже частично ассимилировавшись – то есть, заговорив на смешанном тюркско-готском языке³. Показательно, что ещё в первой половине XVIII в. учёный швед Самуэль Скрагеншерн обнаружил в речи горного населения Крыма не только большое количество германских лексем, но и целые обороты речи того же происхождения⁴. И на рубеже XVIII и XIX вв. потомки германских переселенцев в Крыму сохранили как неясную память о своих предках, так и христианские «духовные книги, писанные буквами, употреблёнными Ульфилой. Они читали их на том же языке, на котором говорили их предки, по преданиям их, во времена Овидиевы», писал о своих крымских современниках академик С. Сестрэнцевич-Богуш⁵. О том, что часть этого населения сохранила свою веру, по крайней мере, в последней трети XVIII в. говорит и тот факт, что в числе крымских христиан, депортированных Екатериной II в 1778 г. в приазовские степи, были потомки готов – об этом свидетельствует, среди прочего, официальный титул их духовного отца, епископа Готфейского и Кафинского.

Готы были не единственным германским племенем, переселившимся на крайний юго-восток Европы в I тысячелетии нашей эры. Выходцы из немецких земель появились на территории современной Украины в

IX в., через столетие они уже селились в Киеве и близлежащих землях. Позже, с XII в., они оседают также в Новгороде и Пскове, а с XVI в. – и в окрестностях Москвы (Немецкая слобода). С первого десятилетия XVIII в. по Манифесту от 16 апреля 1702 г.⁶ начинается переселение немцев в Петербург. Однако численность их была сравнительно невелика, так как эта миграция носила частный характер. Плановое же, организованное и поощряемое властями переселение относится к екатерининской эпохе и связано оно было с Крымом.

Подданными российских государей крымские немцы и татары стали почти одновременно. Аннексия Крымского ханства состоялась в 1783 г., а «новые» немцы появились на полуострове чуть позже – в самом конце XVIII в. Собственно, первая попытка приглашения немцев в Россию, как говорилось выше, была сделана много раньше, но при этом сюда звали далеко не всех. Известно, что ещё при Петре I немецкие специалисты играли одну из первых ролей в молодой российской науке и искусстве, ещё большую – в военном и морском деле, в административном управлении державы. Значение образованных иностранцев, среди которых по-прежнему преобладали немцы, не снижалось в России и при последующих императорах и императрицах. Поток иммигрантов усилился при Екатерине II, которая своими манифестами (4 декабря 1762 и 22 июля 1763) начала настоящую кампанию по приглашению в Россию европейцев, предоставляя им значительные льготы. На этот зов откликнулись прежде всего немцы, причём невысокого социального статуса. Именно в 1760-х гг. крестьяне государств Ост-Эльбской Германии находились в бедственном социально-экономическом положении⁷, отчего их не могло не привлечь радушное приглашение русской царицы. Переселенцев направляли прежде всего в Поволжье, но и на Украину, и в Молдавию тоже – в уезды, где ещё оставались незанятые («пустопорожние») земли, годные к введению их в хозяйственный оборот.

Особенно много таких площадей оказалось в Крыму – но несколько позже и по особым причинам, которые требуют специального рассмотрения.

Крымская кампания как составляющая Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а затем гражданская война на полуострове, закончившаяся лишь в 1783 г. подавлением народного движения российской военной силой, стоили местному населению, татарам, огромных человеческих жертв. Пагубные последствия имело и выселение 31 000 крымских христиан, предпринятое в 1778 г. Ранее основной производительной силой в

национальном хозяйстве являлись татарские крестьяне и ремесленники, тогда как товарный рынок целиком находился в руках христиан – греков и армян. Поэтому их тотальная депортация разрушила одну из опор традиционной экономической структуры бывшего ханства, что, как и предполагалось, значительно облегчило его аннексию. Поэтому и после 1783 г., уже при новой власти, возрождение народного хозяйства начаться не могло именно из-за невозможности быстрого воссоздания старой системы внутреннего рынка – простые крестьяне не могли в одночасье стать коммерсантами. Товарообмен между экономически монокультурными ареалами полуострова прекратился. Теперь горные животноводческие районы страдали от бескормицы, степняки, не имевшие ничего, кроме зерна, не могли его продать, а виноградарям и табаководам Южного берега вообще нечего стало есть – всё по той же причине невозможности сбыта своей и закупок сторонней продукции. И некогда цветущий Крым превратился в зону бедствия, из которой волей-неволей приходилось бежать.

Собственно, эмиграция местного населения началась ещё в военные годы, когда рушились древние храмы и целые города, а над мусульманским населением нависла реальная угроза иноверного владычества. Теперь этот великий исход продолжился, чему в немалой мере содействовали и российские власти. Английский путешественник кратко перечислил основные деяния русских в период аннексии полуострова: «Они разорили эту страну; рубили её деревья; разрушали дома; ниспровергли религиозные святыни коренного народа, в том числе и общественные здания такого рода; они уничтожили городские водопроводы; ограбили местных жителей; надругались над крымскотатарскими памятниками всенародного почитания; вынули из могил тела их предков; выбросили их реликвии на свалки; они кормили свиней из [каменных] татарских гробов; они уничтожили все памятники старины; разрушили склепы как мусульманских святых, так и язычников и развеяли их прах по ветру. *Anferre, rapere, trucidare, falsis nominibus, imperium atque ubi solitudinem faciunt pacem appellant!*⁸ И понятно, отчего бедные татары, после того, как у них однажды помёрзли сады, говорили: — «Мы никогда не знали таких жестоких зим, это русские принесли мороз с собой»⁹.

Но имело место и не столь умышленное, так сказать, бытовое разорение Крыма. Для армии, вступившей на полуостров, стало не хватать топлива — чего здесь, особенно вне степной части, всегда было в избытке. Однако для того, чтобы обогреться и приготовить пищу, нужно было идти в лес или подниматься в горы или (в степи) собирать кизяк, как

это испокон века делали коренные жители. Занятие это было слишком хлопотным, отчего солдаты и офицерские денщики находили повсюду самый лёгкий выход — **они разбирали опустевшие дома и сжигали деревянные конструкции на кострах или в печах.** И даже при желании (а его, кажется, не было) самый зоркий плац-майор не мог бы за этим варварством уследить. «Иногда солдаты поджигали дом, после чего сбегались остальные, как для тушения, так и для разборки его на дрова. Иногда, когда полк стоял в одном месте достаточно долго, и всё вокруг пустело, то солдаты отправлялись в другую часть города и принимались рушить строения там. Кто мог бы предотвратить такие дела в большом, пустом городе, где живут только солдаты?»¹⁰.

У Судака «...в ограде крепости ютились татарские сабли, но после занятия Крыма русскими несчастных принудили выселиться из ограды, и в настоящее время их можно видеть в ущелье... Там они долго не останутся — 37 семей уезжает в Анатолию. Им не позволяют рубить дрова в лесу, опустошают их сады, они не могут мирно пользоваться их плодами; естественно, что они уходят искать покоя и безопасности в другое государство. Русская казна получит при этом 98 садов или виноградников. Из двух других мест уезжает 23 семьи»¹¹. Ещё через несколько лет ранее цветущий город окончательно превратился в «деревню с несколькими татарскими домишками»¹². Другое крупное село, расположенное у подножья Судакской крепости, при аннексии опустело наполовину, а чуть позже и остальные жители его «после постройки казарм должны были также перейти на новое место»¹³.

«В конечном счёте полуостров потерял 9/10 своего населения, его города стали добычей мародёров, его поля опустели. И в течение нескольких месяцев целый регион, остававшийся в цветущем состоянии и при последнем хане, превратился в огромную театральную площадку, на которой разыгрывались сцены угнетения, разорения и опустошения... Политические события конца XVIII в. ввергли Крым в глубокую депрессию. Жизненные и производственные силы населения полуострова резко сократились, его торговля и агрикультура полностью расстроены, а его безграничное отчаянье (выражающееся и в постоянном сокращении численности татар) всё более возрастает. Причина этому — лишь расточение всех материальных ресурсов и распыление всей этической и умственной энергии, которое вполне устраивает господствующую русскую администрацию»¹⁴. «Полностью расстроенной» оставалась агрикультура и двадцатью годами позже, что было вызвано запустени-

ем ранее густо населённых областей полуострова. Русский обозреватель, посетивший Южный берег Крыма в 1815 г. записал: «К сожалению должно сказать, что малое число жителей, населяющих сии Армидины сады, едва ли тысячною частию произведений их пользуются: плоды, коими Италия и Греческие острова могли бы похвалиться, большею частию остаются без употребления и согнивают на деревьях»¹⁵.

Итоги эмиграции последней четверти XVIII в. подвести непросто, они могут быть только приблизительными. Согласно служебной справке Новороссийского военного губернатора В. В. Каховского, в конце XVIII в. на полуострове насчитывалось 500 000 душ населения¹⁶, а в 1816 г. по столь же официальной и «закрытой» справке осталось всего около 150 000¹⁷. Правда, тут необходимо учитывать и эмиграцию более позднюю, 1812 г. Тот же В. В. Каховский писал дефтердарю Мегмет-паше в 1770 г., то есть до начала Первой эмиграции, о 500 000 проживавших в Крыму местных жителях, а по ревизии 1802 г. насчитывалось всего 99 195 душ¹⁸. То есть утраты населения в результате физического уничтожения и, главным образом, эмиграции, равнялись 400 000 чел. Таким образом, приходится согласиться с тем, что всего Крым покинуло до начала XIX в. от $\frac{3}{4}$ до $\frac{9}{10}$ населения полуострова¹⁹.

Понятно, что в результате этого исхода крымского народа освободилась основная часть ранее обрабатываемых или пастбищных земель. Вот на них-то и предполагалось разместить немецких переселенцев. Они стали появляться и в Крыму практически сразу после подписания императрицей манифеста 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крыма, острова Тамань и всей Кубанской стороны под российскую державу». При этом германские власти особенно не препятствовали крестьянской эмиграции; едва ли не единственным исключением в этом смысле были швейцарские немцы. Им приходилось мигрировать нелегально, так как администрация Цюрихского кантона наотрез отказывалась выдавать им выездные документы. Но и для них уже в 1830-х гг. Крым стал вполне доступен, после чего переселение вновь стало весьма интенсивным²⁰.

Что же касается социального и профессионального состава немецких иммигрантов, то со времён Петра он сильно изменился. Первый император отбирал, прежде всего, толковых ремесленников и образованных людей (учёных, медиков, зодчих и пр.), тогда как через век российскую границу пересекали в качестве будущих колонистов почти исключительно обездоленные крестьяне: «Если из Германии и выходили к нам не одни батраки и бездомные, то это почти исключительно может отно-

ситься только к менонитам²¹... Колонистов... гнала с родины одна лишь материальная нужда»²². Пока Екатерина сознательно закрывала глаза на далеко не идеальный состав её новых подданных, очевидно надеясь, что со временем пример первопроходцев привлечёт их более способных, деловых и квалифицированных соотечественников. Впрочем, в смысле трудовой этики и профессиональных навыков даже самые обычные немецкие крестьяне стояли в ту пору на голову выше своих великорусских собратьев, инициативность и трудолюбие которых были давно уже подавлены крепостной неволей.

Поэтому значение немецких колоний в России далеко не сводилось лишь к заселению пустующих земель Крыма и других регионов. Правительство считало необходимым привить современную культуру земледелия, тогдашним российским крестьянам несвойственную. Достаточно сказать, что в Нечерноземье урожай пшеницы составлял в ту эпоху едва 3 к 1 и даже (за вычетом семян) 2 к 1, тогда как в ост-эльбской Германии он был в два-три раза выше – как, впрочем, и в Скандинавии с её малопродуктивными почвами и не менее суровым климатом, чем в России²³. Особенно перспективным в этом смысле представлялся Крым, где ситуация была иной. В России было известно, что здесь уже в Средневековье пшеница давала урожай сам-50, просо — сам-100, а иногда, утверждали современники, он здесь удаётся настолько обильным, «что оставляют его в степи», не будучи в силах убрать целиком²⁴. Правда, таких показателей добивалось исключительно местное население, татары, издревле привычные к непростым почвенно-климатическим условиям полуострова, чего от переселенцев с севера ждать не приходилось.

По удивительному капризу истории первыми в Крыму появились крестьяне из Западной Пруссии, с низовьев Вислы и из окрестностей Данцига. То есть они пришли именно из тех мест, откуда происходили крымские готы. Однако переселенческое движение XVIII в. оказалось неизмеримо слабее, чем мощная остготская волна, двинувшаяся на юг в III столетии. Теперь на миграцию решилось всего с десятков крайне бедных семей, которые первоначально даже собственного хозяйства завести в Крыму не могли, а нанимались подёнщиками или кормились нехитрым сельским ремеслом²⁵. Судя по имеющимся данным, это были городские бедняки, непривычные к самостоятельному труду на земле, хотя казна оказывала им помощь в основании собственных хозяйств. Переселенцам бесплатно предоставлялось 60–70 десятин на семью и заём в 250–500 рублей (в зависимости от величины семьи и понесённых путевых расходов) с

десятилетней рассрочкой, а также сельскохозяйственный инвентарь и семена. Кроме того, они освобождались на 10 лет от всех повинностей, включая воинскую, а также от податей. И, что не менее важно – немцы, хоть они и относились по новообретённому сословному признаку к государственным крестьянам, пользовались широкими правами местного самоуправления, а школьные программы никак не контролировались вездесущим Министерством просвещения. Наконец, им предоставлялась свобода вероисповедания, промышленной деятельности, а также ведения внутренней и внешней торговли. Несколько позже, к середине XIX века, на территории Украины в различных губерниях, в том числе и Таврической, возникли немецкие колониальные округа, в которых существовало собственное управление, своя, внутренняя юрисдикция, делопроизводство на немецком языке, национальная школа, свои молитвенные дома и иерархия священнослужителей, не зависящих от имперского духовного управления.

Не всё ладилось у иммигрантов-колонистов, особенно поначалу. Сказывалось их незнакомство с природой и климатом южного края, не было нужных навыков для сложного в условиях Крыма земледелия или садоводства в предгорьях, хотя кое-где (колония Гельбрунн, Феодосийский уезд) они унаследовали старые татарские сады. Хуже было с виноградом, который в местах расселения немцев за десятилетия войн и послевоенного запустения одичал. Там же, где виноградники перешли в руки русских помещиков (речь идёт о предгорье, а не о Южном берегу, где они занимали уцелевших татар-виноградарей), культура производства также пришла в упадок. Здесь иммигрантам заимствовать было нечего, как, собственно и в отношении других аграрных отраслей – также по особой, местной причине.

Дело было в том, что новые, российские хозяева стремились получить от своих крымских имений максимальную прибыль, которая могла бы в кратчайший срок покрыть сделанные затраты (перевоз собственных крепостных, скота и т. д.). Так, например, для повышения доходности виноградников они практиковали чрезмерные поливы междурядий во вторую половину лета. Это, в самом деле, увеличивало массу, но не качество урожая и вина, из него получаемого. Что было заметно даже людям посторонним, которые понимали, что если бы так много не поливали виноградники в том же Судаке, «то можно было бы получить вино лучшей доброты. При делании его не разбирая сорта винограда, спелой, неспелой и гнилой, всё кладут под пресс и по сим причинам судакское вино,

которого в урожайный год продаётся до 100 тыс. вёдер, водяно и скоро киснет». Это не смущает новых хозяев, которые «...два или три раза в продолжение лета, особенно перед собиранием винограда, наводняют виноградники до того, что оные в сие время уподобляются болотам»²⁶.

Другой современник более резко заметил по тому же поводу, что судакская «обетованная земля... — в руках людей, которым весьма худо знакомо виноградное садоводство, а ещё менее делание вина. Вся цель их, кажется, в том только, чтобы как можно более надавить соку, не заботясь о том, выйдет ли из него хорошее или дурное вино. Для этого они непомерно поливают сады свои...» и так далее²⁷. Третий свидетель точно называет виновных в этом насилии над древней крымской лозой — это русские помещики, которые «не следуя уставу других народов, чтобы плоду дать переспеть, несколько высохнуть...» заливают виноградники водой, а потом любого сорта виноград, «алый, красный, белый, пёстрый, тонкокорый, толстокорый, недозрелый, перезрелый, всё идёт под одни тиски...»²⁸. Поэтому, повторяю, если пришлые немцы и заимствовали такой местный опыт, то ни к чему хорошему он привести не мог.

Также не могли они, прибывшие в Крым буквально «на своих двоих», обзавестись здесь ни современным сельскохозяйственным инвентарём, ни породистым скотом. Знаменитая крымская лошадь рабочим скотом не являлась (это были исключительно верховые кони, в хомут не годящиеся), а молочный скот, прекрасно приспособленный к местному климату и скудным кормам, продуктивностью не отличался. И даже татарская каракулевая овца породы *малыч*, чьи шкурки ранее ценились в Стамбуле и Смирне выше всех иных, вырождалась из-за резких перемен в экологии края, вызванной грубым вмешательством завоевателей в традиционную модель крымского природопользования. И уже в начале XIX в. прибывший на полуостров немецкий учёный «не обнаружил в степи знаменитых старинных пород овец Крыма, повсюду встречались лишь обычные жёлто-грязные овцы, даже мельче кубанских»²⁹. Именно поэтому 13 августа 1797 г. был издан именной указ «Об учреждении в Тавриде Овчарного завода (т. е. разведения — *В.В.*) испанских овец»³⁰.

Что же касается вышеупомянутых льгот и реальной экономической помощи, которую местная администрация оказывала колонистам, то она не достигала своей цели. Очевидно, правительство объясняло причину стагнации колоний, их постоянную затратность для казны чисто человеческим фактором. Именно поэтому власти, не отменяя старых льгот,

ужесточили требования к новым немецким кандидатам на получение российского подданства.

Имеется в виду указ Александра I от 20 февраля 1804 г.: теперь одним из главных критериев при отборе желающих поселиться в Крыму стал имущественный ценз. В дополнительных правилах по отбору прямо указывалось:

1. Допускать к переселению в Россию и водворению на казенных землях исключительно хороших земледельцев и людей, приобретших навык к возделыванию винограда и разведению шелковичных деревьев и других полезных растений, а также сведущих в скотоводстве, особенно в содержании и разведении улучшенных пород овец.

2. Равным образом допускать мастеровых, полезных собственно в сельском быту.

3. К переселению в Россию никого не подговаривать и не склонять, а напротив, требовать от эмигрантов надлежащих свидетельств, что они добрые хозяева и могут, каждый из них, вывезти с собою в наличном капитале или товаре не менее 300 гульденов³¹.

Тем же числом датирован получивший силу указа Высочайше утверждённый доклад Министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов». В нём число принимаемых Россией колонистов ограничивалось 200 семьями. Объяснялась в докладе и причина этого лимитирования: «ибо при других переселениях больше сего числа водворить прочно невозможно». Любопытно, что люди творческих профессий при этом объявлялись нежелательными: «художники и мастеровые, кои для деревенской жизни бесполезны, в число колонистов поверстаны не будут»³².

В том же году колонистов стали наделять землёй из расчёта 20 десятин на семью. Конечно, это было немного – ведь речь шла не о Южном берегу, а о степи и предгорье, где занимались хлебопашеством и разводили скот, а обе эти отрасли, особенно последняя, требуют куда больших площадей. В ответ на просьбы переселенцев увеличить наделы, им было предложено докупать землю у местного населения. Однако татары-крестьяне и сами, за немногими исключениями, нуждались в земле, а мурзы, владевшие огромными территориями, запрашивали за десятину непомерные деньги. Так, если у крестьян цена на неё не превышала 6 рублей, то помещики оценивали десятину в «10, 12 и даже 16 рублей»³³.

Через некоторое время неукоснительное исполнение упомянутых правил привело, среди прочего, к увеличению числа зажиточных немец-

ких иммигрантов. Хуже обстояло дело с определением качественно-профессионального уровня переселенцев. И если такой отбор легко было осуществить среди «своих», то есть давно натурализовавшихся немцев из Петербургской и Екатеринославской губерний (ехали в Крым и такие), то эта задача решалась гораздо труднее на границе – раздобыть упомянутые свидетельства было легко, а требуемую сумму можно было взять взаймы. Поэтому было решено прибегнуть к помощи агитаторов-вербовщиков, которые осуществляли при этом и функции контроля на местах. В Швейцарии своей энергичной деятельностью такого рода известен майор Каспар Эшер, а в юго-западных немецких землях – Франц Циглер. Благодаря им иммиграция в Крым заметно оживилась, да и народ ехал куда лучше подготовленный к хозяйствованию на новых местах.

Так, после упомянутых привислинских немцев на полуострове в 1803–1810 гг. появились хлеборобы и садоводы Вюртемберга, а также отдельные немецкие семьи из винодельческих регионов Швейцарии. Первые получили земли в Симферопольском уезде, вокруг опустевших татарских сёл Чокурча, Кантакуз и Шабан-оба (где основали колонии Нейзац, Фриденталь и Розенталь), вторые zaloжили колонию Цюрихталь (в заброшенной татарской деревне Джайлав, Восточный Крым). Более смешанной была немецкая переселенческая масса феодосийских колоний Гайльбрунн (быв. Темеш-Эли), Герцогенберг, Отузы и Судак (к югу от одноименного селения). В 1810 г. в брошенном татарами селе на берегу р. Булганак (Симферопольский уезд) была основана колония Кроненталь. Её первыми жителями стали лютеране и католики из Бадена, Эльзаса, Пфальца и Рейнской Баварии, а земельный участок для нового селения был приобретён и передан колонистам главноуправляющим южными колониями империи герцогом А. Ришельё³⁴.

Все перечисленные селения являлись «материнскими колониями» (Mutterkolonien), от которых впоследствии отпочковывались колонии дочерние (Tochterkolonien), иногда расположенные на весьма значительном расстоянии от упомянутых первичных центров оседания иммигрантов. Но в 1816 г. вызов в Россию иностранцев (любых, не только немцев) был запрещён. Причину этого запрета отчасти освещает несколько более позднее донесение Херсонского военного губернатора графа А. Ф. Ланжерона статс-секретарю графу К. В. Нессельроде от 12. 12. 1817 г. В результате посещения некоторых дочерних колоний в Крыму, он был поражен гораздо более тяжёлым положением новопоселенцев по сравнению с процветающими старыми. И граф так изложил своё мнение: «я желал бы,

чтобы их не иначе принимать, как все уже будет для них изготовлено: земли, дома, разный скот, всякая упряжь и прочее; без чего участь их будет весьма прискорбна. Вначале Виртемберцы уверяли графа Головкина, что они ни в чем не имеют нужды, а ныне оказалось, что они во всем нуждаются... Страдания, претерпенные ими в дороге... неимоверны. Все они больны, будучи одержимы жестокими дунайскими лихорадками... и сверх того кровавым поносом; на пути погиб из них [каждый] пятый человек, а прочие находятся в ужасном изнеможении... Я принужден был приказать, чтобы самым беднейшим, особливо ж старикам и проч. отпускаемо было 20 коп. в день до 1 Апреля»³⁵. Однако для столь дорогостоящего проекта денег, видимо, не нашлось. И, чтобы не подвергать иммигрантов жестоким страданиям, въезд им вообще запретили. На этом завершился первый, но не последний этап переселения немцев в Крым.

Шаг за шагом, постепенно труд и быт немецких переселенцев стал налаживаться – не без помощи властей и соседей-татар. Характерен в этом смысле пример колонии Кроненталь. Целых три года её жители, бывшие ремесленники и виноградари, не могли собрать урожай зерна, достаточный даже для собственного потребления. И наверняка не выжили бы, если бы не помощь созданного к тому времени Управления колониями, которое снабжало их мясом и другими видами продовольствия. Ситуация нормализовалась, когда колонистам помогли обзавестись овцами, саженцами плодовых деревьев, виноградными чубуками и винодельческим оборудованием. Постепенно площадь садов колонии достигла 170 десятин, а виноградники насчитывали 360 000 кустов, что давало ежегодно от 8 000 до 12 000 вёдер вина. На остальной территории кронентальцы научились снимать неплохие урожаи пшеницы. И колония стала процветающей³⁶.

То же можно сказать и о Цюрихтале. Здесь на каждую швейцарскую семью было выделено по 33 десятины, но уже в 1829 г. цюрихтальцы смогли прикупить 1329 десятин, а в 1887 г. ещё 6 294 десятины – не только соседних земель, но и довольно удалённых, где было основано несколько дочерних колоний. На этой обширной территории колонистам хватило места, чтобы разбить сады и виноградники, а также поднять целину под зерновые культуры³⁷. Поэтому, когда колонию посетил эстонский писатель Эдуард Вильде, он сделал вывод: «Пшеница и вино – вот что сделало немцев Крыма богачами»³⁸.

По отношению же к другой группе новых российских подданных, татарской, российские власти не проявили не только аналогичной забо-

ты, но напротив приложили массу усилий к её буквальному ограблению. Прежде всего, это касалось основного богатства полуострова – его земли. Начавшийся процесс обезземеливания татар облегчался особыми правовыми традициями землевладения, сложившимися в ханский период истории Крыма. Специфичность ситуации заключалась в том, что у большинства местных землевладельцев не оказалось на руках документов, подтверждающих их право на недвижимость. То есть, у беев и мурз, городских землевладельцев и распорядителей вакуфов³⁹ они, конечно, были – в ханстве издавна велась соответствующая документация (так наз. *кадиаскерские тетради*).

Но когда эти магнаты пускали на свои земли крестьян (или получали в дар обширные угодья вместе с крестьянами, жившими там), которые затем оставались на одном месте из поколения в поколение, буквально столетиями, то документально такое положение никак не оформлялось. И от этого никто не страдал, так как сохраняло свою действенность старинное шариатское право «Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает»⁴⁰, в свою очередь основанное на конечной принадлежности Аллаху всего сущего на земле. Дополнительно вступление новопоселенца в право обладания землёй фиксировалось местным кадием. И хотя очень многие записи такого рода были утрачены ещё в ханский период в результате нашествий, правовая основа владельческих отношений от этого не страдала, поскольку в любой общине-*джемаат* всегда имелись старики, лично знавшие покойных владельцев конкретного участка и готовые на Коране подтвердить право на землю их наследника. Таким образом, в Крыму традиционно действовало обычное право.

Но обычное право не вписывалось в законоположения Российской империи, не имело в них юридической силы, чем и пользовались новые претенденты на татарскую землю. После аннексии ханства сложилась совершенно дискриминационная практика: если крестьянин не мог предъявить владельческих документов на свой участок, то он объявлялся казённым, а казна была вправе продать его кому угодно – часто за символическую плату. А если крестьянин, которому угрожал сгон с земли его предков, обращался в суд, то дело решалось исключительно в пользу нового владельца, уже имеющего документы, подтверждающие законность приобретения им земли.

Правда, через некоторое время, когда основная часть татарской земли была таким образом расхищена, суды и присутствия (в том числе столичные) оказались заваленными жалобами обезземеленных крестьян,

а крымские чиновники из наиболее совестливых (встречались и такие) писали в Петербург доклады и справки, в которых просили обратить внимание на бедственное положение татар (один из таких источников приводился выше). Возможно, эти сигналы снизу оказали влияние на работу специальной «Комиссии для разбора споров по землям и определения повинностей на Крымском полуострове», созданной в 1801 г. в Петербурге. Официально её целью было всё, «принадлежащее настоящим хозяевам возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение»⁴¹. О том, кто такие эти «настоящие хозяева», имелось уточнение – те, кто имеет преимущество на владение по праву давности.

Под председательством сенатора И. В. Лопухина члены Комиссии выехали в 1802 г. в Симферополь. В первый же месяц жалоб было принесено столько, что ни о каком разборе их силами пяти членов комиссии не могло быть и речи, если бы даже они работали непрерывно несколько десятков лет. И они, очевидно убоившись бездны головоломных дел, всячески тянули с их разбором. «Медленность комиссии и порядок, несносно отяготительный, [стал] причиною, что в три года ее существования ни одного дела не решено и даже половины бумаг не разобрано и не прочтено»⁴².

После этого правительство приняло соломоново решение – Комиссии предписывалось в противоположность первоначальной инструкции не возвращать татарам земли, отданные новым помещикам, если последние успели возвести там здания, мельницы и т. п. Этот же документ подтверждал право помещиков на взимание с крестьян, живущих на их земле, десятины и 8-дневной (в год) барщины. Ободрённые подобным признанием их прав, помещики установили по отношению к татарскому крестьянству порядки, не отличавшиеся от традиционно крепостнических. От захватов земель и садов они перешли к ужесточению эксплуатации татар, попавших к ним в зависимость; комиссия буквально потонула в новых жалобах на бар, которые крестьян «разоряют и немилосердным боем тиранят»⁴³.

И дело было даже не в том, что у крымско-татарских крестьян в большинстве случаев документов на землю не имелось. Их не было практически у всего населения степной части Крыма, то есть бывшей кочевой, потом оседлой, но преобладающе животноводческой сельскохозяйственной зоны, неважно кому – мурзам, беям или хану эти земли принадлежали. На Южном берегу и в горах, где издавна более развитым было садоводство и виноградарство, хозяева участков чаще всего *имели* правильно

оформленные владельческие документы. Но, что главное, наличие или отсутствие документа на участок у крымско-татарского крестьянина на практике абсолютно ничего не значило. Менялась лишь процедура отъёма (она незначительно усложнялась), но не обычный результат этого насилия: так или иначе, но татарина земли лишали.

Приведу один такой пример: в 1787 г. по предложению Г. А. Потемкина так называемая Соблынская дача, то есть несколько сёл со старым названием Соблы — (3 000 десятин удобной и 470 — неудобной земли в 15 км к юго-востоку от Симферополя) была отдана жене будущего министра Н. С. Мордвинова и капитану Плещееву. То, что на территории дачи находилось две деревни (Ашага-Собла и Юхары-Собла) с населением в 310 человек, испокон века жившим на этой земле, никого не смутило⁴⁴. Туземцев вообще в расчёт не принимали, поэтому они и остались без земли все, до единого.

Вот краткое описание этого и ряда иных процессов, сделанное добросовестным чиновником, хорошо знавшим суть дела и лично знакомым с государственными землемерами, руками которых это преступление и совершалось: «Землемеры, чтобы не увеличивать своего труда обозначением межи каждого дробного участка, обращались к несведущим татарам с вопросом: не принадлежат ли эти земли всему обществу? Татары, не понимавшие большей частью сущности вопроса и последствия, какие могли для них от этого произойти, отвечали обыкновенно утвердительно, и тогда эти земли вносились в план с обозначением общественной, то есть принадлежащей такому-то аулу. Вот каким образом множество татарских участков перестали быть частной собственностью и превратились в собственность казны»⁴⁵. То есть после этого казна со спокойной совестью награждала этой землёй кого считала нужным, или продавала её, ничуть не заботясь о судьбе крымских татар, издавна ею владевших.

Так и шло великое ограбление крымского народа, в ходе которого почти всё досталось царским чиновникам и их приближённым. Уже в первые после аннексии годы пришлым, а также местным дворянам было роздано 380 000 десятин земли, причём лучшей. Г.А. Потемкин отрезал себе 13 000 десятин в Байдарской долине. Мехмет-шах Ширинский получил Коккозскую округу (27 300 десятин), Батыр-ага — Салгирскую (14 600 десятин). Секретарь Потемкина В. С. Попов — 27 900 десятин и дачу в Тавеле (4 300 десятин). У графа Безбородко оказалось земли 18 000 десятин; у полковника Куликовского — 2 900 десятин у деревни Кокташ; у Н. С. Мордвинова — «всего» 5 500 десятин, но зато не только под Симферо-

полем, но и в Байдарской долине, и на Южном берегу; у майора Каховского — 7 500 десятин; у контр-адмирала Ушакова — 8 500 десятин и т.д. (*Щербаков, Рагацкий, 1939. С. 13*). Надворному советнику Оспурину достались земли сёл Ускут, Айгуль, Кучка, Мустафа-ага-Кой, Сарча, Кият, Карло, Кизилташ, Дегирменкой и др. — всего 1 000 десятин⁴⁶.

Не были обижены и мелкие чины. Титулярный советник Колчигин получил земли при дер. Улу-Сала и Ласпи (500 дес.), капитан Тибекин — землю южнобережных деревень Алушта, Кучук-Ламбат и Биюк-Ламбат (800 дес.), его родственник коллежский ассесор Тибекин — «1 000 дес., да на полуденном берегу 200 десятин, из числа оных назнач[ено] при деревнях Хадин-Эли, Айсерез и Ворон, да на речке Фундукле при протоке по сложности дер. Ченя — 1 200 дес.»⁴⁷. Крупные участки получали царские фрейлины, фаворитки и тому подобные барышни и дамы.

Впрочем, земли раздавала не только Канцелярия её/его величества, но и новая администрация Таврии. Такие полномочия имел, к примеру, фаворит Екатерины II, Новороссийский генерал-губернатор князь П. А. Зубов, причём в его распоряжении оказались первоклассные участки и целые местности Южного берега. Именно через него некий полковник Лесли получил «деревню Гурзув и к ней 4 000 десятин»⁴⁸ — это не просто более 4 000 га золотой южнобережной земли, а огромная площадь живой крымской природы с её неотъемлемой частью — крымско-татарскими сёлами!

А в 1809 г. последовало новое, также законодательное утверждение навязанного русскими помещиками коренному населению фактически крепостного права. Причём в самой жёсткой форме, а именно личной зависимости. Отныне татары не могли покидать места жительства в период с декабря по март. Но и в остальное время года такого права им фактически не предоставлялось: в этом случае не только земля, но и имущество их равно отходили к помещику-землевладельцу. Установилась уже не восьмидневная в году, а полноразмерная, еженедельная барщина, которая должна была отправляться по первому понуждению помещика⁴⁹. И ещё одна черта, свойственная феодализму какого-то вовсе дремучего, средневекового типа — крымским крестьянам запретили входить в крымский лес. Впрочем история этого запрета требует особого рассмотрения.

В конце XVIII в. на территории полуострова находился природный памятник мирового значения. Имеется в виду знаменитый Крымский лес, который современники описывали кратко, основательно полагая,

что в таком контексте достаточно сильное впечатление производят не красоты стиля, а цифровые данные: «Позади хребта (Главного — В.В.) лежат поросшие лесом долины, которые тянутся приблизительно на 100 вёрст с востока на запад»⁵⁰.

При этом речь идёт не о какой-то стокилометровой лесополосе: форма этого леса была овальной, близкой к кругу, то есть он имел огромную площадь приблизительно 90 на 100 км. Я подчёркиваю этот факт, так как именно он может прояснить постоянное почтительное удивление путешественников, видевших или слышавших об этом сплошном лесном массиве. Дело в том, что Крымский лес был уникальным природным феноменом, являясь величайшим в Европе (не считая, конечно, Скандинавского полуострова), последним из уцелевших древних лесов, на Западе давно уже сократившихся по площади⁵¹ и поредевших.

Российские солдаты и казаки начали фактическую ликвидацию Крымского леса ещё до аннексии, в ходе военных действий. Уже в первые месяцы после вторжения «надобный для землянок лес стали рубить без разбору. Тут погибли высокие раины (пирамидальные тополя — В.В.) и развесистые тополи, крымские сады украшающие. Не пощажены огромные деревья ореховые, грушевые, яблонные и прочие... Как осину и березу, рубили они все, что находилось поближе. Офицеры, разлакомившись иметь походные мебели из орехового дерева, много их истребили»⁵².

Да и не только обычные офицеры были замечены в этом варварстве. Екатерининские князья и графы, крупные и мелкие землевладельцы подавали в том пример подчинённым, продавая лес на вывоз⁵³. Но это было попозже, а в 1770-х гг. дубравы и рощи губились без всякой пользы для кого бы то ни было. Одно лишь путешествие Екатерины прокатилось по Крыму как огненный смерч. И эта метафора — не преувеличение. Дело в том, что августейший караван продвигался и в вечерней темноте. Для того, чтобы её разогнать, Г. А. Потёмкин приказал на протяжении всего маршрута расставить не только вдоль дороги, но и на склонах близлежащих гор бочки с дёгтем, плошки со смолой и разложить костры из цельных стволов заранее срубленных и высушенных деревьев. В старательных подчинённых у князя недостатка никогда не было, поэтому «шествие» происходило ночью как бы днём. Другой вопрос, во что это обошлось природе Крыма? Есть и ответ: «Целые леса горели для освещения пути вечернею порою»⁵⁴.

Но гораздо интенсивнее власти стали сводить лес ещё позже, уже в вовсе мирное время, когда начались целевые его заготовки, в том числе и

на вывоз. «Дрова и лес здесь дороги. И если бы и то и другое не доставалось людьми nepозволительным образом (очевидно, речь идёт не о браконьерстве, а о прямом грабеже топливных ресурсов татар-крестьян — *B.B.*), то в них был бы совершенный недостаток. Можжевельник, который рос прежде на Херсонесе, уже весь вырублен и должен быть вывозим для обжигания кораблей из местности, лежащей выше Инкермана...»⁵⁵.

Притом было бы ошибкой списывать этот тотальный лесоповал на военные (межвоенные, послевоенные и пр.) годы, когда человек бывает вынужден махнуть рукой на окружающую среду ради спасения своих близких. *Двадцать лет* прошло после захвата Крыма и *десять* — после Второй турецкой войны, а ценные лесные и садовые деревья всё так же безоглядно вырубались. Крымский судья простодушно записывал: «Камин и печи у меня топились айвовыми, кизиловыми и грушевыми поленьями, и цена им не превосходила цены простых дров»⁵⁶. Тогда же и о том же писал французский гость Крыма: «Здесь разоряют леса, брёвна идут на экспорт, в результате край обезвоживается»⁵⁷. Понятно, что в результате не только горный лес, но и с античных времён окультуренная Байдарская долина была полностью вырублена: росшие там «превосходные дубы, служившие лучшим корабельным лесом.. были вывозимы для надобностей Черноморского флота»⁵⁸. «В окрестностях Севастополя не осталось и следов бывшего леса»⁵⁹ — подобные свидетельства нового варварства можно приводить десятками.

Очевидно, понятно, что Крымский лес был уничтожен *исключительно пришлым населением*. Татары не только никогда — ни раньше, ни позже — не были способны к этому нравственно. Но теперь их как бы нарочно изолировали от участков кошунственного надругательства над величайшим сокровищем полуострова: «Значительные леса покрывают все эти горы, но татарам под страхом ужаснейших наказаний воспрещено рубить в них себе топливо. Они жаловались на то, что зимой им придётся умереть от холода и что скоро они не будут знать как строить свои хижины, которые все деревянные»⁶⁰. Та же картина наблюдалась в Восточном Крыму, близ Судака, где местные ремесленники издавна зарабатывали на хлеб, собирая арбы и мажары из местного делового леса. «Теперь это оказалось невозможным» — **сразу же после аннексии «леса вдруг сделались запрещёнными»**⁶¹.

На этой печальной теме не стоило бы останавливаться столь подробно, если бы она не имела отношения к экономике крымских немцев и татар. О том, что татарские (а значит и немецкие) ремесленники были

лишены деловой древесины, говорилось выше. В несколько раз взлетели цены на дефицитную теперь строительную древесину, что серьёзно тормозило возведение домов в немецких дочерних колониях. Но ещё более пагубным для садовых, виноградных, животноводческих и табачных хозяйств было обезвоживание целых регионов предгорного, горного и прибрежного Крыма, наступившее в результате вырубки лесов казёнными ведомствами. А о том, что оба эти процесса были тесно связаны, есть множество свидетельств, из которых приведём лишь некоторые.

Трудно поверить в то, что мелкая ныне Альма была гораздо полноводней, в ней водилась крупная рыба, а современники отмечали, что в ней «год не проходит, чтобы кто-нибудь не утонул»⁶². Но вырубка леса в речных верховьях и среднем течении не проходит бесследно, и вот мы уже встречаем горькое замечание: «бьёт эта речка, однако без особого шума, так как воды стало значительно меньше»⁶³. Были разрушены старинные *чешме*⁶⁴. Так, даже в Шуме, «в местности, изобилующей водою», внимание учёного привлёк «в особенности один источник, вода которого, смешанная с землёю, стремится из ямы, похожей величиной на лисью нору»⁶⁵. С тех пор многие родники той местности утрачены, и ныне в Шуме (Верхней) существует всего один источник, медленно истекающий из глубокой пещеры.

Абсолютно схожая история случилась и с Кефе-Феодосией, окружённой ныне безлесными и безводными холмами. Ранее в её окрестностях росли леса, причём настолько густые и влажные, что даже речка какая-то там струилась, и сам «город кроме того славился обилием фонтанов. С неразумным уничтожением деревьев источники усыхали, и, наконец, с окончательным истреблением русскими войсками лесов, Феодосия очутилась совсем без пресной воды»⁶⁶.

Та же картина наблюдалась на Южном берегу. Между Туаком и Ускутом протекала раньше «большая речка Канака... которая осенью и вообще после дождей разливалась саженой на 30», то есть, на 65 м. После «освоения» склонов Караби «речка Канака с развалинами старой деревни совершенно исчезла по причине вырубленных вокруг нея и у ея истоков лесов». И далее публикатор Палласа сообщает, что все упомянутые учёным «леса между Алуштой и Судаком, – вовсе не существуют, – всё вырублено и истреблено; – и все эти обнажённые горы теперь очень печальные и без воды, за исключением немногих долин, заселённых татарами»⁶⁷.

Ещё одна черта, характерная для национальной политики имперского правительства в Крыму – в корне неординарное отношение властей

к немецким католикам и протестантам с одной стороны и к мусульманам-татарам с другой. Как уже говорилось, немецкие колонисты пользовались полной свободой совести. Они не только возводили кирхи в материнских колониях, но и, сообразуясь с материальными средствами, основывали небольшие, но многочисленные молитвенные дома в дочерних колониях и даже совсем небольших селеньях – на это не требовалось разрешения со стороны ни администрации, ни епархиального управления. Резким контрастом к такому либеральному порядку выглядела ситуация с мусульманскими храмами, число которых со временем не росло, а катастрофически уменьшалось – естественно, не по воле татар.

Явно вопреки букве екатерининского манифеста 1783 г., декларировавшего свободу вероисповедания, наступление на Мечеть началось сразу после введения нового порядка. Первый удар ощутил на себе Эски-Юрт, святая святых для каждого крымского татарина, столица ханства в до-бахчисарайский период, знаменитый древнейшими кладбищами и мавзолеями в Крыму. Он был практически полностью разрушен, а камень надгробных памятников, мавзолеев и храмов использован на нужды нового строительства. Побывавший через несколько лет на месте этого древнего города мёртвых русский путешественник не мог удержаться от гневного восклицания: «Но какая варварская рука разрушила прекрасные мавзолеи? Какое было зверское сердце у тех, которые не пощадили ни живых, ни мёртвых! Какая адская ярость могла вооружить руку человеческого против мирного праха!»⁶⁸.

Вторым ударом по исламской традиции стала реформа духовного управления Крыма. С одной стороны, почти все муфтии и кадиаскеры, оставшиеся в живых и не эмигрировавшие, сохранили свои места. Но с другой – все они оказались отныне в подчинении (в вопиющем противоречии с мусульманским правом) главному муфтию Крыма⁶⁹, который с 1784 г. стал назначаться русскими колонизационными властями. Теперь вероучители Крыма получали денежное содержание из российской имперской казны.

Таким образом, руководство не только духовной практикой, но и всей мусульманской культурой целого народа оказалось в руках русских, контролировавших созданный ими муфтиат — особое подразделение административного управления краем. Именно через муфтиат теперь можно было осуществлять управление вакуфной недвижимостью. На момент аннексии к ней относилась треть хозяйственной земли полуострова,

не считая массы приносивших доход построек различного назначения, мельниц и прочих объектов хозяйственной инфраструктуры.

Кроме того, многие мечети уже в течение первых десяти лет российского владычества были закрыты или превращены в христианские храмы, — подробнее об этом речь пойдёт ниже, поскольку этот процесс продолжался в течение всего имперского периода истории России (да и после него тоже). Здесь упомяну лишь о том, что такое превращение оскорбляло не только татар, но и наиболее честных и откровенных из русских священнослужителей. Так, иеромонах Мелетий, проезжавший через Крым в 1793 г., то есть, через десять лет после аннексии, с прискорбием и явным сочувствием к местным мусульманам отмечал, сколь тяжко было ему и его спутникам слышать в Крыму «при церкви, обращённой из мечети», колокольный звон, сзывающий крымчан «к молению в то место, где прежде Магометанство их водворялось»⁷⁰.

По окончании войны 1812 г. в Крыму возобновились земельные реформы. Их первым объектом стала не только мелкая собственность трудового населения, но и ханские, и турецкие земли, бывшие государственные и принадлежавшие эмигрантам. Поскольку раздаче пришлому элементу подлежали только незанятые, пустые земли, то все упомянутые территории, отчасти заселённые местным крестьянством, и были объявлены «пустопорожними» — по отсутствию верховного владельца. Крестьяне таких земель подлежали немедленному выселению. Очевидно, эту часть крымского населения имел в виду художник И. К. Айвазовский, заметивший, что «одной из причин неудовлетворительного экономического положения в степной части Крыма нужно признать неограничение прав землевладельцев выселить их (т. е. татарских крестьян — *В.В.*) со своих земель... Вследствие такого произвола татары периодически разоряются, будучи принуждены скитаться по полуострову, приискивая приют у другого землевладельца, который пользуется подобным случаем, чтобы выговорить себе непомерно выгодные условия»⁷¹.

Самые крупные площади отнимались ещё проще, особенно после 1813 г., когда окончательно улеглась волна эмиграции. В Крыму действительно появляются земли, по распоряжению эмигрантов-хозяев переходящие в вакуф. Вот здесь эти уголья, часто обширные, а также «затерявшиеся» между ними крестьянские участки, перехватываются местной администрацией, благо бывшим владельцам из-за моря проследить за этим нелегко. Дальше всё просто:

«В Петербург шлются представления и ходатайства о награждении пустопорожними землями, никому не принадлежащими, таких-то и таких-то чиновников, за такие-то и такие-то услуги. Петербург, конечно, не знает Крыма; распоряжение следует, и под именем пустопорожней, никому не принадлежащей земли, отходят в руки цивилизаторов Крыма сады и виноградники татар. Землемеры ошибаются, и по ошибке вместо 5 000 десятин, отмежёвывают 13 000. Какой-нибудь татарин вдруг, к изумлению своему узнаёт, что он продал своё имущество такому-то барину и получил за него столько-то денег, а за неграмотностью его, при таких-то свидетелях, расписался такой-то»⁷².

При этом «стародавние поземельные права ставились ни во что. Земли татарские захватывались чуть ли не каждым, кто хотел – судьями, чиновниками, мурзами и так далее... Помимо этого у татар отбирали земли и другими путями, ещё более незаконными: огромные участки просто-напросто вымеживались из владений татарских аулов, и робкий крымский татарин и помышлять не мог о принесении жалоб в высшие инстанции. А... гражданской палате было выгоднее решать дело не в пользу слабого... в конце концов побеждённый народ очутился на земле русских помещиков, причём ему приходилось отбывать крайне тяжёлые повинности в пользу своих новых господ»⁷³.

¹Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 135.

²Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 10; Harnack A. Mission und Ausbreitung des Christentums in die ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1906. S. 203.

³Adelung I. Ch. Mitridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Schprachprobe in beynache finfhundert Schprachen und mundarten. Berlin, 1817. Bd. IV. S. 168. О том же в 1692 г. говорит русский автор, отмечая, что в горном Крыму «и донныне яко тамо так и в иных местех много родов знатных иже идут от немец... живших тамо» (Лызлов А. И. Скифская история. М., 1990. С. 116).

⁴Sven Lagerbergs Dagbok under vistelsen hos Tartarhanen Dowlet-Ghierey 1710–1711. Utg. av Magnus Lagerberg, 1896. S. 194.

⁵Сестренцевич-Богуси С. История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. Т. I–III. СПб., 1806. Т. I. С. 281–282.

⁶Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Том 4. С. 192–195. Далее: ПСЗ- I.

⁷Ко второй половине XVIII в. относится массовое обезземеливание крестьянства Ост-Эльбской Германии. Лишённые средств к пропитанию, бедняки превращались в

нищих, толпами бродили по дорогам. Других всеобщая нужда толкала на разбойный промысел – некоторые банды в это время достигали немислимого числа в 1 000 человек (*Schilfert G. Deutschland von 1648 bis 1789*. Berlin, 1980. S. 143). Естественно, все эти бывшие селяне были согласны ехать куда угодно и на любых условиях ради возможности обрабатывать свою землю – а этот выход предлагала им Россия.

⁸Расхищают, разграбляют, разоряют империю, а когда [сами] ослабеют, зывают к миру! (*искаж. лат.*)

⁹*Travels in various countries of Europa, Asia and Africa by Edward Daniel Clarke LL.D. Part I. Russian Tartary and Turkey*. London, 1810. P. 472. Далее: *Clarke*, 1810.

¹⁰*Bemerkungen über Russland und die Krimm, nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland von J. G. King, Dr. der Gottesgelehrtheit*. Leipzig, 1788. S. 249–250. Далее: *King*, 1788.

¹¹*Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. / Перевод, вступ. ст. и примеч. К. И. Раткевич. Л., 1941. С. 46. Далее: *Ромм*, 1941.

¹²*Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. Vol. I. London, 1825. P. 339.

¹³Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XII. 1881; Т. XIII. 1883. С. 197–198. Далее: *Паллас*, 1793.

¹⁴*Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et La Russie méridionale. Voyage fait 1838 par Hommaire de Hell*. Vol. II. Paris, 1845. P. 409–410. Далее: *Hommaire*, 1847.

¹⁵*Броневский В.* Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822. С. 151. Далее: *Броневский*, 1922.

¹⁶*Куртшев Р.* Крымские татары: этническая история и традиционная культура. Симферополь, 1998. С. 28.

¹⁷Российский Государственный Исторический архив. Ф. 560. Оп. 7. Д. 28. Л. 9. Далее: РГИА.

¹⁸*Лашков Ф. Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887. С. 125.

¹⁹*Маслов П. В., Миллер М. Е., Никольский П. В.* Крым. Хрестоматия по истории края. Симферополь, 1930. С. 57. Далее: Крым, 1930.

²⁰*Marion Weisbrod-Bühler.* Zürichthal. Eine Bauernkolonie in der Krim. Die Tragödie der AEmtler Auswanderer von 1803 // <http://forums9.ch/dorfplatz/saeuliamt/Geschichte/Zuerichthal1.htm>.

²¹Менониты основали на Юге России (в Бердянском уезде) в 1804–1821 гг. 27 колоний, а в 1842 г., когда правительство прекратило назначение льготных казенных наделов вновь создаваемым колониям, они уже были в состоянии покупать землю на собственные и общественные, ставшие довольно значительными средства (главным образом в Крыму). РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Е. х. 308 «а». Л. 38 об.

²²*Клаус А.* Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 387–388. Далее: *Клаус*, 1869.

²³*Какх Ю. Ю.* Крестьянство восточно-немецких земель в XVI – середине XIX в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. М., 1986. С. 277. *Возгрин В. Е.* Датское крестьянство в XVI – середине XIX в. // Там же. С. 302.

²⁴Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини. Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 150.

²⁵Клаус, 1869. С. 141–142.

²⁶Броневский, 1822. С. 120.

²⁷Муравьев-Апостол И. Г. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 205.

²⁸Сумароков П. Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1–2. СПб., 1803, 1805. Ч. 2. С. 225. Далее: Сумароков, 1803, 1805.

²⁹Die Krim und Odessa. Reise-Erinnerungen aus dem Tagebuche des Prof. Dr. Karl Koch. Leipzig, 1854. S. 29. Далее: Koch, 1845.

³⁰РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 215. Л. 10.

³¹ПЗС-І. Т. 28. № 21 160.

³²ПСЗ-І. Т. 28. № 21 163.

³³РГИА. Ф. 383. Оп. 23. Е.х. 35684. Л. 50 об., 51 об.

³⁴РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Е. х. 308 «а». Л. 38. См. также: Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг. / Сост. и ред. О. В. Коновалова. Одесса, 1999. С. 159.

³⁵РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Е. х. 616. Л. 30-31 об.

³⁶Брандес Д. Крымские колонии до 1917 г. // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 241. Далее: Брандес, 2004.

³⁷Брандес, 2004. С. 240.

³⁸Цит. по: Лаптев Ю. Н., Лагода Е. А. «Путевые заметки» Эдуарда Вильде и их значение для исследователей крымской истории // История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX–XX вв.: Материалы Международной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Крым / Сост. Ю. Н. Лаптев. Симферополь, 2007. С. 150.

³⁹Вакуф (от *арабс.* вакф – приостановление, удержание) – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и неделимое. Вакуфные доходы в Крыму расходовались главным образом на содержание мечетей, школ и медресе, а также на оказание помощи неимущим.

⁴⁰Во владениях крупных землевладельцев всегда имелись земли пустопорожные или необработанные (*меват*). Любой крестьянин мог селиться на таком участке и приобретал на него наследственное право, если он в течение 3 лет расчистил меват или провёл туда воду. Если же этого не произошло, то он был обязан уступить такую землю любому желающему (*Торнау Н.* Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850. С. 451).

⁴¹Цит. по: Лашков, 1897. С. 137.

⁴²Записки Дмитрия Борисовича Мертваго (1760–1824 гг.) // Русский архив. 1867, № 8/9. С. 185–186. Далее: Мертваго, 1867.

⁴³Лашков, 1897. С. 185.

⁴⁴Ранее, то есть в самые первые годы после аннексии полуострова, была составлена так называемая «Выписка, какие из назначенных к отводу особам из состоящих в Таврической области земель, дачах имеются уголья и сколько в них содержится десятин земли». В разделе Выписки, относящемся к обеим Соблам, *вся* пашенная

земля и все лесные угодья («лес дровяной») были выведены из собственности местных жителей и отнесены к «землям казённого ведомства». Если же учесть собольские земли целиком, то к отводу русским переселенцам было предназначено 2 770 десятин, а местным татарам оставлено всего 207 десятин, то есть менее десятой части из того, чем они владели раньше (Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 1. Д. 601. Ч. 1. Л. 4. Далее: РГВИА).

⁴⁵Цит. по: *Левицкий Г. П.* Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. Кн. X. 1882. С. 600.

⁴⁶Известия Таврической ученой археографической комиссии, 1897. № 26. С. 26. Далее: ИТУАК, 1897.

⁴⁷ИТУАК, 1897. № 26. С. 28.

⁴⁸Повеление кн. Зубова от 05. 12. 1794 — ИТУАК, 1897. № 26. С. 26.

⁴⁹*Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения: Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897. С. 190–191. Далее: *Лашков*, 1897.

⁵⁰*Ромм*, 1941. С. 63.

⁵¹Знаменитый Тевтобургский лес на северо-западе Германии был длиннее Крымского разв. в полтора (148 км), но это была узкая, всего в 7–15 км шириной полоса, значительно уступающая последнему в площади.

⁵²*Мертваго*, 1867. С. 178.

⁵³Так, морской министр Н. С. Мордвинов (1754–1845) планомерно сводил дубравы, раскинувшиеся на дарованных ему холмах и горных склонах Байдарской долины, увеличивая своё богатство и этим малопочтенным путём (после того, как были вырублены вековые деревья, он указал рубить и подрост) – дубовая древесина сбывалась агентам-заготовителям базировавшегося в Севастополе флота. Свидетелями этой повсеместной ликвидации древних лесов становились не только соотечественники чиновных порубщиков, но и иностранцы: «Мы видели по пути огромную массу стволов, готовых к отправке. Все они были очень тонкие и могли бы годиться лишь для изготовления незначительных по размеру деталей судовых конструкций» *Reisen in Südrußland von J.G. Kohl. B. I-II. Dresden und Leipzig, 1841. S. 267.*

⁵⁴Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. Составлено и издано Ф. В. Ливановым. М., 1875. С. 17.

⁵⁵*Паллас*, 1793. С. 91.

⁵⁶*Сумароков*, 1805. С. 7.

⁵⁷*Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant année 1803 ; suivi d'un Mémoire sur le Commerce de cette Mer, et de Notes sur les principaux Ports commerçans par J. Reuilly, Auditeur au Conceil d'Etat, Membre de la Légion d'Honneur, Sous-Préfet de Soussons. Paris, 1806. P. 197.*

⁵⁸*Паллас*, 1793. С. 141.

⁵⁹*Броневский*, 1822. С. 16.

⁶⁰Граф де Людольф. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Март. Т. 2. С. 195.

⁶¹*Чеглок А.* Красавица Таврида. Вып. I–III. М., 1910. Вып. II. С. 71. Далее: *Чеглок*, 1910.

⁶²*Паллас*, 1793. С. 76.

⁶³*Ромм*, 1941. С. 43.

⁶⁴Чешме – каменное сооружение на выходе источника, представляющее собой чаще всего резную плиту с отверстием для истечения воды и мощёной отводной канавкой. Как правило, плита украшалась орнаментом, кратким священным текстом или надписью с именем строителя чешме.

⁶⁵*Паллас*, 1793. С. 175.

⁶⁶*Чеглок*, 1910. Вып. II. С. 57.

⁶⁷*Паллас*, 1793. С. 183.

⁶⁸*Измайлов В. В.* Путешествие в Полуденную Россию. Ч. I–III. М., 1805. С. 5.

⁶⁹Муфтий в мусульманском праве не обладал никакими административными или религиозно-иерархическими властными прерогативами. Это – признанный знаток шариата, дающий разъяснение основным его положениям и выносящий решения по спорным вопросам. В ханский период истории Крыма главный муфтий лишь иногда принимал апелляции на решения остальных муфтиев, утверждая (или осуждая) их законность с позиции шариата.

⁷⁰Путешествие в Иерусалим Саровския Общежительныя Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798. С. 7.

⁷¹Цит. по: *Секиринский С. А.* Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII в. – начало XX в. // Советская тюркология, 1988. № 4. С. 92.

⁷²*Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Симферополь, 1995. С. 306–307. Далее: *Марков*, 1995.

⁷³*Гольденберг М.* Крым и крымские татары // Вестник Европы, 1883. Т. VI. Ноябрь. С. 70.

ЖАН-ЖАК РУССО И ЖЕНЩИНЫ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Парадокс, синоним противоречия общепринятому мнению, ассоциируется в обыденном сознании с неожиданностью и нелогичностью ситуации или явления. Как правило, парадокс идет вразрез со здравым смыслом, кажется странным, невероятным и вызывает удивление. Странности, говорят, присущи гениям. Невозможно быть гениальным и при этом ordinarily мыслить. Вот и великому национальному поэту России А. С. Пушкину парадоксальность мышления представлялась непрременным признаком гениальности. Свидетельством тому знаменитое его стихотворение 1829 г.:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...¹

Как будто в подтверждение пушкинских слов один из величайших философов Просвещения Жан-Жак Руссо, гениальность которого вряд ли кто-то возьмется оспаривать, имел репутацию приверженца самых, что ни на есть, странных парадоксов. С самого начала своей литературной славы, по выходе в 1750 г. «Рассуждения о науках и искусствах», удостоенного премии дижонской Академии, тезисы Руссо шли вразрез с доминирующей идеей эпохи о бесконечном прогрессе. Возрождение наук и искусств не способствовало очищению нравов, отнюдь, утверждал он в своем сочинении. Науки и искусства, цивилизовав дикие народы, привили им тщеславие и потребность в роскоши. Неоправданные потребности развратили их нравы, поработили их умы, изнежили и лишили воинской доблести². В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) цивилизованному обществу, погрязшему в пороках, Руссо противопоставил картину естественного состояния людей,

когда живя в неведении, непорочные и не испытывающие страстей и желаний, они были равны и счастливы. Чего стоит одно его заявление о том, что «*состояние размышления – это уже состояние почти что противоестественное и что человек, который размышляет, – это животное извращенное*»³. Эксцентричный Жан-Жак! Его безапелляционные суждения возмущали современников. Тем не менее, успехом своих книг Руссо был во многом обязан именно духу противоречия, который в них находили. Ведь, как известно, парадокс это еще и умелый литературный прием, рассчитанный на пробуждение читательского интереса, и Руссо, писавший в ритме пафоса и декламации, частенько к нему прибегал.

Более того, Руссо был так искусен, что не брезговал противоречить самому себе на страницах одного и того же произведения. За бурной частью сочинения, которую можно было бы сравнить с резвым музыкальным темпом *allegro*, следовали, как правило, благоразумные размышления сравнимые с неторопливым темпом *andante*. В этом чередовании ритмов, в переходах от парадоксов к рассудочности, безусловно, определенную роль играло увлечение Руссо музыкой. Так, осудив науки и искусства за их порочность, Ж.-Ж. Руссо внезапно становился на их защиту, приводя в пример Цицерона и Бэкона и советуя государям чаще прибегать к советам ученых⁴.

Но Ж.-Ж. Руссо – это не только парадоксы в сочинениях. Его поведение зачастую шло вразрез с отстаиваемыми им тезисами. В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758) Руссо, уроженец Женевы, приняв позу аскетичного ее гражданина, строго осудил театральные постановки как развращающие зрителей, чтобы, в конечном счете, признать их необходимыми. Романы также подверглись его осуждению, что не помешало ему впоследствии сочинить роман в письмах «Юлия или Новая Элоиза» (1761). После всего вышесказанного вовсе неудивительно, что тема «Руссо и парадокс» послужила пищей для целого ряда исследований⁵. Вот как Реймон Труссон, французский биограф Ж.-Ж. Руссо, резюмировал от первого лица противоречивые заявления философа из «Письма к д'Аламберу»:

*«Правда, что я люблю комедию, хотя нещадно ее критикую, что мне нравится бывать в обществе женщин, хотя обличаю их недостатки, что я восхищаюсь Мольером, Расином и Корнелем, хотя предупреждаю об их вреде, что я обвиняю комедиантов, хотя один из них был моим другом. Это доказывает лишь то, что я предпочитаю общественное благо собственным слабостям»*⁶. Противоречивый Жан-Жак!

Отношения Ж.-Ж. Руссо с женщинами были столь же парадоксальны, как и остальные стороны его жизни и общественной мысли. Руссо был женоненавистником, во всяком случае, такая у него была репутация, имевшая истоком его же заявления, но при этом он любил женщин и искал их общества. Так в юности Руссо отказался от блестящих перспектив, которые открывало перед ним продолжение службы у графа Гувона только потому, что, как он писал впоследствии:

«Мое безумное честолюбие искало счастья только в приключениях, и так как здесь не была замешана женщина, этот путь к успеху казался мне слишком медленным, скучным и унылым, между тем как я должен был бы считать его тем более достойным и надежным, что дело обходилось без женщины, поскольку те качества, которым обыкновенно покровительствуют женщины, мало стоят в сравнении с теми, присутствие которых предполагалось во мне»⁷.

Руссо, казалось, ни во что не ставил женщин, развивал в своих трудах, будь то «Письмо к д'Аламберу», «Эмиль» или «Новая Элоиза», мысли о том, что они должны быть в подчинении у мужчин и их ублажать, но при этом его сочинения имели большой успех среди прекрасного пола. И в этом парадокс и проблематика данной статьи. Как можно объяснить феномен популярности сочинений Ж.-Ж. Руссо среди женщин? Был ли отмеченный парадокс действительным или только видимым? Иначе говоря, был ли Руссо таким уж женоненавистником, каким его выставляют?

Отметим, что не только сочинения Руссо, но и он сам не был обойден женским вниманием. В его жизни было много женщин, о многих из них он упомянул в своей «Исповеди». Но на заре своего существования он был лишен внимания и заботы самой важной в жизни каждого человека женщины – матери, которая умерла при родах. И как следствие в нем с ранних лет сформировался комплекс вины. *«Я стоил жизни моей матери, – напишет Руссо, – и мое рождение было первым из моих несчастий»⁸.* Неудивительно, что впоследствии в отношениях с женщинами он искал ей замену.

Не углубляясь в детали биографии Руссо, упомянем только тех женщин, которые имели наибольшее значение в его жизни. Луиза-Элеонора де Варанс была ему особенно дорога. 16-летний скиталец, бежавший из Женевы, праздный и невежественный, Жан-Жак нашел в ней своего ангела-хранителя. Милосердная дама, помогавшая обращению протестантов в католичество, она встретила его на пороге церкви кордельеров в

савойском городке Анси (Annecy) 21 марта 1728 г., в вербное воскресенье, недалеко от дома, в котором жила. Произведенное ею впечатление оказалось неотразимым:

«Я вижу исполненное прелести лицо, прекрасные, полные нежности голубые глаза, ослепительный цвет кожи, очертания обольстительной груди. Ничто не ускользнуло от быстрого взгляда молодого прозелита, так как я тотчас же обратился в ее веру, убежденный, что религия, проповедуемая подобными миссионерами, может вести только в рай»⁹.

Когда много лет спустя, в 1765–1770 гг., Руссо писал свою «Исповедь», он как будто вновь переживал тот момент и выразил желание окружить место своей встречи с мадам де Варанс золотой балюстрадой¹⁰. Без сомнения, философ был чувствителен к женской красоте и придавал много значения женской привлекательности. Неслучайно впоследствии, рассуждая о составляющих воспитания Софи, невесты Эмиля, он желал, чтобы девушка научилась следить за собой и быть красивой, а для этого ей нужна была кукла. Красота, очарование – вот та власть, которой располагают женщины, считал он.

В Луизе де Варанс, этой прелестной даме, жившей на пенсию сардинского короля, выплачиваемой ей для содействия распространению католичества в пограничной с протестантской Женевой Савоие, он встретил интерес к своей «незатейливой истории». После ряда разочарований и унижений, испытанных им в Турине, после опыта службы лакеем-секретарем, в ее лице он нашел просвещенную покровительницу, о которой мечтал. В течение более десятка лет, с 1729 по 1740 гг. Руссо делил кров с мадам де Варанс, сначала в Анси, затем в Шамбери (**Chambéry**) и в загородном доме в ложбине Шармет (Les Charmettes). Разумеется, за столь длительный срок их отношения претерпели некоторые изменения. Руссо встретил Луизу де Варанс, будучи совершенным юнцом, она же, хоть и молодая женщина, была на 13 лет его старше и заменила ему мать. Он называл ее *taman* (маменька), она называла его *petit* (маленький). В Савоие было принято называть *taman* хозяйку дома, но в данном случае в слово это вкладывался больший смысл. По признанию Руссо, мадам де Варанс была для него «самой нежной матерью, никогда не думавшей о собственном удовольствии, а всегда о моем благе»¹¹. Впоследствии, когда он возмужал и вступил в любовную связь со своей благодетельницей, их отношения приобрели двусмысленный характер. Как бы то ни было, Луиза де Варанс, женщина, достаточно раскрепощенная для своей эпохи, любившая петь и играть на клавесине, сумела обеспечить Руссо

необходимую эмоциональную и финансовую стабильность, которая способствовала формированию его гения.

Ж.-Ж. Руссо был автодидактом. Его «идейный багаж» был сформирован упорным чтением и размышлением, которым он предавался в Шамбери, а летом в Шармет. Руссо, по собственному его признанию, никогда не расстался бы с мадам де Варанс, не найди она ему замену в лице молодого Винценрида. Впоследствии, создавая образ Юлии, он наделит ее харизмой своей благодетельницы, не говоря уже о светлых волосах, атрибуте романтической героини, и поместит события в селение Веве (Vevey) на берегу Женевского озера в кантоне Во (Vaud), где прошла юность его покровительницы.

Белошвейка парижского отеля «Сен-Кентен» Тереза Левассёр стала спутницей жизни Руссо после того, как прежние узы были разорваны. На этот раз он сам выступил в роли покровителя и благодетеля по отношению к бедной девушке и к ее многочисленной родне. Как же так? Ведь, по словам Руссо, его нисколько не интересовали связи со служанками?! Портнихи, горничные, торговки нисколько его не прельщали. Его живое воображение требовало пищи, и только девицы благородного происхождения, хорошо одетые, с холеными руками, вдохновляли его на грезы. После таких заявлений его привязанность к Терезе, простой женщине из народа, которая читала с трудом, писала так, что ее каракули едва поддаются расшифровке, так и не научилась считать и распознавать цифры на циферблате, выглядит как странный парадокс. Как мог Руссо, столь гениальный, начитанный и умный, связать свою жизнь в течение долгих 33-х лет, вплоть до гробовой доски, с неграмотной женщиной? И заявлять вдобавок ко всему в «Исповеди», что «благодаря ей я прожил жизнь счастливо, насколько это возможно было по ходу обстоятельств»¹²? Ведь Руссо, по собственному его признанию, «ни разу не почувствовал ни малейшей любви к ней»¹³.

Объяснение, скорее всего, в том, что в Терезе он обрел преданность верного пса. Она вела хозяйство философа, готовила ему *pot-au-feu* (вареную говядину с овощами), штопала его поношенную одежду, обустроивала его быт, ухаживала за ним, когда он был болен. Друзья-философы не одобряли выбор Руссо, и он сам представлял Терезу то служанкой, то гувернанткой, то сиделкой. Женевский друг Руссо Жан-Венсан Гофкур называл Терезу и ее сварливую мать «*les gouverneuses*» (он образовал это слово, отталкиваясь от «*gouverneur*» (управляющий), поставив его в женский род, в переводе на русский язык получится «управляющие»).

Ж.-В. Гофкур, который, заметим, сам был уличен в галантном отношении к Терезе, желал передать тем самым стремление семейства Левассёр, особенно матери, управлять философом.

В ответ на вопрос, что первое вам приходит на ум, когда называют имя Ж.-Ж. Руссо, многие вспоминают о том, что он сдал пятерых своих детей в сиротский приют, бросил их на произвол судьбы. Невероятно, до какой степени неприглядное поведение философа-моралиста шокирует общественное мнение до сих пор! Так сильно оно противоречит его концепции семьи и материнского вскармливания, изложенной в «Эмиле». Многие современники отказывались верить в то, что Руссо был способен на такой жестокий поступок. Так, Жорж Санд (Аврора Дюпен), приходившаяся правнучкой мадам Дюпен, хорошей знакомой философа, слышала в детстве от прабабки, что Ж.-Ж. Руссо не бросил своих детей, что их у него никогда и не было, и что все это выдумка. Трудно в данном случае утверждать что-либо. Вполне понятно желание читателей таланта Руссо стереть некоторые факты из его биографии, чтобы подогнать ее под принципы, изложенные в его трудах. Многие доходили до того, что оспаривали наличие у Руссо влечения к женскому полу. Известно, что он страдал проблемой мочеиспускания, а это физический недостаток, препятствующий полноценной жизни. К тому же у Руссо была женственная натура, в том смысле, что он не был мужланом. Слишком чувствительный, слишком ранимый, слишком сентиментальный... Он не был ни мускулистым, ни закаленным, одевался элегантно, имел пристрастие к армянским халатам. Как бы то ни было, даже если Руссо сурово обошелся со своими отпрысками и в основе его поведения – только чудовищный эгоизм, заметим все же, что в середине XVIII в. около 40% детей, рожденных в Париже, поступали в Воспитательный дом. Случай Руссо – самый известный, но далеко не единственный. Руссо неоднократно поверял свою вину знакомым дамам, приводя разные аргументы в свое оправдание. Наиболее поразительный из них, как представляется, – тот, что изложен в «Исповеди»: *«Я содрогнулся перед необходимостью поручить их (своих детей) этой дурно воспитанной семье (Левассёр), – ведь они были бы воспитаны ею еще хуже. Пребывание в Воспитательном доме было для них гораздо менее опасным. Вот основание принятого мной решения...; однако оно было единственным, о котором я не смел говорить»*¹⁴. Ж.-Ж. Руссо, без сомнения, стеснялся своей связи с Терезой Левассёр, но, обретя в ее обществе некий душевный комфорт и успокоение, не мог поступить иначе. С годами он приобрел привычку совместной жизни с ней.

Ясно, тем не менее, что его привлекал совсем другой социальный тип женщин – прямо противоположный Терезе – блестяще образованные, утонченные дамы из высшего света. В этом вся проблема. Несомненно, «без тени искусственности или кокетства»¹⁵, Тереза была ближе к природе, чем салонные дамы. Но с ней он испытывал скуку. Ибо, о чем он мог разговаривать с Терезой, которая элементарно путала значения слов («Слово, которое сходит у нее с языка в разговоре, часто противоположно тому, что она хочет сказать»¹⁶)? Софи Лалив де Бельгард, в замужестве д'Удето, в которую Ж.-Ж. Руссо без памяти влюбился в 1757 г., подходила ему несравненно больше. Это была единственная женщина, которую философ, по собственному его признанию, любил «настоящей любовью»¹⁷. Резвая, непосредственная, ветреная, любившая поэзию и сочинявшая стихи, она была замужем за бригадным генералом графом д'Удето, который, как водится, занимал мало места в ее жизни. Предоставленная самой себе, графиня д'Удето увлеклась маркизом Ж.-Ф. де Сен-Ламбером, поэтом и другом Ж.-Ж. Руссо. Когда Руссо признался Софи в своих чувствах, он был занят работой над своим романом «Новая Элоиза» и, вероятно, увидел в ней живое воплощение своей романтической героини Юлии. Софи д'Удето, хотя и польщенная его признанием, была слишком влюблена в Сен-Ламбера, чтобы поощрять его страсть, а после 1760 г. и вовсе прекратила с ним всякую переписку и встречи, заставив философа страдать.

Несмотря на отсутствие политических прав, женщины играли значительную роль во французском обществе XVIII века. Иезуит Кастель, изобретатель цветного клавесина, к которому у Руссо по его прибытии в Париж осенью 1741 г. было рекомендательное письмо, дал ему дельный совет: «В Париже можно добиться чего-нибудь только через посредство женщин; они – как бы кривая линия, по отношению к которой мудрецы – асимптоты: непрерывно приближаются к ним, но никогда с ними не соприкасаются»¹⁸. После неудачи в Академии, не признавшей пользу изобретенной им новой системы нотной записи, для Руссо оставался единственный выход из ситуации – посещение знатных дам. Мадам де Безанваль, мадам де Брольи, мадам Дюпен, его первые светские знакомые, были наслышаны о нем от отца Кастеля. Салонная жизнь была тогда в моде, как в столице, так и в провинции. В салонах создавались и рушились репутации, книги обретали ценность, сочинители получали признание. Там собирались люди разных социальных слоев и занятий, достаточно было приглашения хозяйки.

Следуя совету иезуита, Руссо стал посещать модные дома. Однако контакт со знатными дамами не был для него легким. Робкий, он ощущал дискомфорт в избранном обществе и предпочитал молчать, ибо в противном случае ему случалось говорить нелепости (*bafouiller quelque balourdise*). Его стеснительность объясняется отчасти социальным происхождением. Сын часовщика, выходец из мелкой буржуазии, он терялся в присутствии блистательных особ. Тем не менее, надо полагать, что испытываемая им неловкость была в первую очередь следствием психологических особенностей его личности, и, прежде всего, гордыни. Дени Дидро, к примеру, сын ножовщика из Лангра, вел себя раскованно в аристократических кругах, хотя и был женат на простолюдинке.

Знатные дамы проявляли интерес к Руссо уже в ту эпоху, когда он еще ничем не прославился! По некоторым свидетельствам, самое отсутствие изысканных манер делало его интересным. Безнадежный «медведь», он пытался компенсировать отсутствие манер обилием комплиментов. Но самая его неловкость притягивала к нему сердца, производила впечатление на дам, пресыщенных галантным вздором салонов. «Он не знает обычаев света, но легко видеть, что он необычайно умен»¹⁹, писала Луиза д'Эпине в своем автобиографическом романе «История мадам де Монбрийян», особенно акцентируя внимание на его живых и блестящих глазах. Франсуаза де Граффины, автор романа «Письма перувийки», принесшего ей успех и признание, тоже с восхищением описывала глаза Руссо, «черные, круглые, но живые как карбункулы»²⁰.

«Мне всегда везло на знакомства с женщинами-писательницами», читаем в «Исповеди». В этой фразе сквозит ирония. Действительно, мадам Дюпен, мадам д'Эпине, с которыми Руссо более всего водил дружбу, были писательницами, некоторые их эссе были посвящены модным тогда вопросам воспитания, Софи д'Удето писала стихи. Луиза Дюпен, имевшая репутацию одной из самых красивых женщин Парижа, была богатой и влиятельной супругой генерального откупщика. В принадлежавшем Дюпенам великолепном особняке Ламбер на острове Сен-Луи собиралась вся интеллектуальная элита того времени. В течение ряда лет, с 1745 по 1751 гг., Руссо исполнял обязанности секретаря при мадам Дюпен, которая с его помощью собирала материал для книги в защиту прав женщин. Подобно писательницам XVII в., вошедшим в историю французской литературы как *les précieuses* (прециозницы, жеманницы), она отвергала *à priori* идею о превосходстве мужского пола. Для нее Рус-

со компилировал, выписывал цитаты из книг, что позволило ему пополнить свой «интеллектуальный багаж».

В самом начале знакомства Руссо имел неосторожность вспылать к Луизе Дюпен нежными чувствами, но та восприняла его признание как афронт, как наглую выходку лакея. В ее намерения входило отлучить его от дома, но Руссо вымолил снисхождение. Лишиться таких связей было бы жестоким ударом для начинающего писателя. Инцидент послужил ему уроком. Хотя в интеллектуальном плане он как нельзя более соответствовал просвещенному обществу, сын ремесленника, он должен был знать свое место. Это унижение вкупе с ранее испытанными разочарованиями и подтолкнуло его, вероятно, к разработке морализаторской системы, изложенной им впервые в «Рассуждении о науках и искусствах» и состоявшей в утверждении вреда цивилизации. У истоков ее было понимание, что как бы ни были велики заслуги, они не стоят привилегий, которые дают рождение и высокие покровители. Ж.-Ж. Руссо прибег к известному психологическому приему: он перевернул ситуацию в свою пользу, отверг и опорочил то, что недоступно, в результате недоступное стало восприниматься как нечто лишенное ценности, как в известной басне Ж. де Лафонтена «Лис и виноград». Зрелый виноград в румяной кожице висел слишком высоко, чтобы лис мог им полакомиться. Так и не сумев дотянуться до него, лис заявил, что и не желает его: мол, зелен он еще и кислый, пусть им кормится всякий сброд²¹.

Ж.-Ж. Руссо укоряли в женоненавистничестве, более того из него сделали символ женоненавистника. Действительно, если утрированно взглянуть на события романа «Юлия или Новая Элоиза»: Юлия, влюбленная в своего учителя Сен-Прё, совершив падение, раскаялась, согласилась на супруга, навязанного ей отцом, прониклась «целомудренными и возвышенными обязанностями» брака. По наставлениям Руссо, изложенным в «Эмиле», Софи должно обучать традиционным женским занятиям: вести хозяйство, заботиться о муже и читать молитвы, не более того. Образец добродетельных женщин по Руссо – жительницы Женевы, которые подчиняясь природному порядку, в своем кругу рукодельничают и злословят, в силу полного отсутствия у них творческих способностей. Однако такой утрированный взгляд не может передать всего богатства мысли и чувств Руссо.

Желательно все же вывести проблему за узкие рамки противопоставления феминизм – анти-феминизм, да и сам этот термин появится только в XIX в. Думается, что руссоистское видение женщины, ее роли в обще-

стве, как оно предстает из его сочинений, напрямую связано с отстаиваемым им тезисом коррумпированного общества. Женщины для него – воплощение всеобщей коррумпированности, моральной деградации и чем выше их социальное положение, тем они безнравственнее. Так, мадам де Помпадур представляется Ж.-Ж. Руссо воплощением всех возможных пороков. Это совершенно явственно видно из письма, которое Сен-Прё адресует Юлии из Парижа (письмо XXI Вторая часть). Сен-Прё это Руссо собственной персоной, то, что говорит Сен-Прё, то Руссо думает. Сен-Прё описывает нравы парижанок из высших, в том числе придворных кругов, которые приходилось наблюдать и Руссо. *«Цель парижских женщин, – пишет Сен-Прё, – в том, чтобы обращать на себя внимание»*²². Он возмущен аристократическим бесстыдством их жестов и речей, их дерзким взглядом, встретившись с которым всякий порядочный мужчина опускает долу глаза, их *«солдатской выправкой»* и *«гренадерским тоном»*²².

*«Женщины живут отчужденно, обособленно друг от друга среди целого множества мужчин, и тысячи тайных связей – следствие такого образа жизни. <...> Скука – страшный бич для всего этого веселящегося общества, поэтому женщины стремятся не к тому, чтобы их любили, а чтобы развлекали; волокитство и угождения стоят больше, чем любовь... Весь порядок естественных чувств здесь опрокинут. Сердцу неведомы никакие узы любви: девушке иметь их возбращается, – а право на них дано лишь замужней женщине, причем эти узы могут соединять ее со всеми, кроме мужа. (...) У большинства дам любовник на положении лакея: если он с делом не справляется, его прогоняют и берут другого...»*²³. И так далее, все в том же духе.

*«Французская обходительность, – продолжает Сен-Прё, – предоставила женщинам всеобъемлющую власть, а для ее поддержки нежные чувства не требуются. Все зависит от женщин, все делается лишь ими и для них – Олимп и Парнас, слава и богатство также подчинены их воле. <...> Впрочем, власть эта основана не на привязанности, не на уважении, а всего лишь на вежливости и светских правилах...»*²⁴. В замечаниях Сен-Прё сквозит сарказм.

Отношения Ж.-Ж. Руссо с дамами из высшего света, как было упомянуто выше, были достаточно сложными. Вот почему в своих сочинениях он разрабатывает модель добродетельной женщины, отличной от тех, которых можно было наблюдать в парижском светском обществе, отличной от тех, с которыми он водил знакомство. Его героини, Юлия и Софи, это некий идеал женственности, конструкт воображения. Они

возвращают браку и любви всю их первоизданную сущность, исковерканную цивилизацией. Хотя человеческая природа и испорчена цивилизацией, женщина осталась ближе к природе, нежели мужчина вследствие своих специфических функций, утверждает Руссо. А раз женщина ближе к природе, то она – у источника истины, которая в любви, в совершенном единении с природой и ее творениями. Ей, следовательно, надлежит пройти меньшую дорогу, чтобы обрести первородную свою чистоту. В своей на шумевшей некогда книге «Жан-Жак Руссо: прозрачность и препятствие» (Париж, 1957) о культуре и природе в творчестве философа Женевский профессор Жан Старобинский как раз и продемонстрировал, что в учении Руссо женщины являют собой воплощение первоизданной прозрачности человеческих отношений, тогда как контакты с мужчинами неизбежно более опосредованы, носят социальный или политический характер²⁵.

Если посмотреть на проблему с этой точки зрения, то не покажется столь уж удивительным, что сочинения Ж.-Ж. Руссо имели большой успех среди женщин. «Письмо к д'Аламберу» и «Эмиль», сочинения теоретические, философские интересовали как мужчин, так и женщин, но беспрецедентным успехом своего романа «Юлия или Новая Элоиза» Руссо был обязан, главным образом, женщинам. Ведь женщины больше и чаще мужчин читают романы. За промежуток времени между первой публикацией в 1761 г. и Французской революцией 1789 г. роман выдержал без малого 72 издания. В свидетельствах восторга читательниц не было недостатка. Это и письма к Руссо от поклонниц, это и мемуары того времени. Рассказывали об аристократках, которые одевшись на бал, брали роман Руссо в руки в ожидании, когда карета будет готова, но увлекшись, проводили за чтением всю ночь. Такие прославившиеся на разных поприщах, как на литературном, так и на общественном и политическом, женщины, как Жермена де Сталь, Манон Ролан, Олимпия де Гуж в молодости увлекались сочинениями Руссо. Более того, героини Руссо, Софи и Юлия, оказывали влияние на поведение, как французенок, так и иностранок знакомых с его творчеством.

Женщины начали интересоваться собственными детьми, и если раньше было естественным отдавать ребенка кормилице, то под влиянием Руссо они начали сами вскармливать своих детей. Вопреки поучениям философа о долге и целомудрии, женщины вынесли из его романа урок, что любовь – единственный способ вдохнуть в их жизнь поэзию и свободу. Восторженность и изливания чувств вошли в моду. Руссо ли смог

изменить нравы и привычки женщин или желание перемен существовало в обществе в латентном виде, и Руссо лишь ускорил процесс, здесь трудно утверждать что-либо.

Как бы то ни было, в конечном итоге, нежелание Ж.-Ж. Руссо признать за женщинами общественной роли сыграло с ними злую шутку. Как известно, в 1793 г. на женские революционные клубы обрушились репрессии. Несмотря на активность, женщины в эпоху Французской революции не смогли провести свои требования в жизнь, единственным их завоеванием стало право на развод. Не виной ли тому Ж.-Ж. Руссо? Ведь деятели Конвента в своих гонениях оперировали традиционными аргументами о женском предназначении быть супругой и матерью и не более того. К тому же известно, что М. Робеспьер и Ж.-П. Марат были вскормлены идеями Руссо, он был их духовным учителем, кормчим и вдохновителем. Так нет ли тут связи?! Вопрос, вероятно, риторический, хотя и не исключает дальнейших обсуждений парадоксальности отношений великого мыслителя и женщин.

¹Пушкин А. С. Собрание сочинений. Том 2: Стихотворения 1825–1836 годов. М., 1974. С. 479.

²См.: Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 669–693.

³Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 719.

⁴Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С.

⁵См., например: *Grogiez M. Rousseau et le paradoxe*. Paris, 1997; *Salkever St. G. Interpreting Rousseau's Paradoxes // Eighteenth-Century Studies*. Vol. 11. № 2. Winter, 1977–1978. P. 204–226.

⁶*Trousson R. Jean-Jacques Rousseau*. Paris, 2003. P. 380.

⁷Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Сб.: Пер. с фр. М., 2004. С. 102–103.

⁸Там же. С. 25.

⁹Там же. С. 60.

¹⁰Желание Ж.-Ж. Руссо было исполнено в 1928 г. в честь двухсотлетия со дня его встречи с мадам де Варанс. Памятник находится на небольшой площади Анси № 10 по улице Жан-Жак Руссо и представляет собой бюст философа, окруженный позолоченной балюстрадой, на которой написано «прекрасным пасхальным утром Руссо встретил здесь мадам де Варанс».

¹¹Руссо Ж.-Ж. Исповедь... С. 109.

¹²Там же. С. 298.

¹³Там же. С. 368.

¹⁴Там же. С. 370.

¹⁵Там же. С. 369.

¹⁶Там же. С. 298.

¹⁷«...но мне было суждено любить настоящей любовью только раз в жизни».
Там же. С. 322.

¹⁸*Руссо Ж.-Ж.* Исповедь... С. 261.

¹⁹*Trousson R.* Jean-Jacques Rousseau... P. 194.

²⁰*Ibid.* P. 233.

²¹Лис-гасконец, а быть может, лис-нормандец
(Разное говорят),

Умирая с голоду, вдруг увидел над беседкой

Виноград, такой зримо зрелый,

В румяной кожице!

Наш любезник был бы рад им полакомиться,

Да не мог до него дотянуться

И сказал: «Он зелен –

Пусть им кормится всякий сброд!»

Что ж, не лучше ли так, чем праздно сетовать?

Fables de La Fontaine. Paris, 2011. P. 25 (Le renard et les raisins).

²²*Rousseau J.-J.* Julie ou La Nouvelle Héloïse. Lettres de deux amants habitants d'une petite ville au pied des Alpes recueillies et publiées par J.-J. Rousseau. Paris, 2002. P. 327.

²³*Ibid.* P. 329–330, 331.

²⁴*Ibid.* 335, 336.

²⁵См.: *Starobinski J.* Jean-Jacques Rousseau: la transparence et l'obstacle. Paris, 1957.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1805 г.

Русско-французский конфликт, который привёл к Отечественной войне 1812 года, невозможно рассматривать вне отрыва от вопроса: каким образом и почему началась русско-французская война 1805 года.

В отечественной исторической литературе эта проблема освещается крайне скупо: обычно историки обходятся несколькими фразами, говоря о том, что Россия вынуждена была помочь англичанам и австрийцам в их войне против Наполеона. Это в свою очередь объясняется, тем, что французский деспот чуть ли не с самого рождения стремился к мировому господству, а на пути у него стояла Россия, которую он, как если верить мемуарам аббата де Прадта, намеревался «раздавить». Наполеон якобы заявлял: «Через пять лет я буду господином мира, останется только Россия, но я раздавлю и ее».

Более чем некорректно – принимать за чистую монету фразы из мемуаров аббата, выгнанного Наполеоном с дипломатического поста за полную несостоятельность, мемуары, написанные тотчас после свержения империи в обстановке, когда вернувшимся Бурбонам требовалось всё, что могло представить низложенного императора в дурном свете и когда любая клевета против него оплачивалась политическими дивидендами.

Синхронные документы начисто отвергают тезис об исконной враждебности Наполеона к России. Достаточно привести пример речи 2 января 1801 г. Первого консула Наполеона Бонапарта в Государственном Совете, когда он твёрдо заявил: «У Франции может быть только один союзник – это Россия». А инструкции, данные французскому временному посланнику при русском дворе Коленкуру в 1802 г., сводились практически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему (*Александр*) от имени Первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо

установлены между двумя государствами»¹. Подобных примеров, взятых из корреспонденции Наполеона за 1801 – 1805 гг. можно привести сколько угодно, а вот хоть одну фразу о необходимости воевать с Россией, найти не удастся.

Какова же была причина военного конфликта 1805 года?

Как известно, в результате заключения французами Люневильского мира 1801 г. с Австрией и Амьенского мира 1802 г. с Англией, войны, начавшиеся в эпоху Великой французской революции, прекратились. Однако прошёл всего год, и правящие круги Англии пошли на обострение ситуации.

16 мая 1803 г. Великобритания официально объявила Франции войну. А еще через день в полдень 18-го числа адмирал Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Виктори». В этот же день английские военные корабли напали неподалеку от мыса Уэссан на французские торговые суда. Прогремели первые выстрелы пушек великой войны, которой суждено было длиться двенадцать лет.

Хотя раздались первые выстрелы, и повсюду шла подготовка к решительному столкновению, шанс спасти мир еще оставался. В июне 1803 г. Бонапарт обратился к российскому императору со смелым предложением: пусть Александр станет судьей во франко-английском споре. Первый консул заявил, что доверяет объективности царя и желает, чтобы его арбитраж был «как можно более неограниченный». Речь, таким образом, шла не о переговорах, а о том, чтоб Александр выступил третейским судьей и сам постановил, кто и на что имеет право. Англии и Франции оставалось лишь принять этот суд или от него отказаться и продолжить войну.

Однако русский арбитраж решительно отвергла Англия. Граф Семен Воронцов провел по этому поводу беседу с министром иностранных дел Хоуксбери, а затем сам за него сформулировал мотивы отказа англичан.

Мальта была для них лишь поводом. Вот как говорил по этому поводу Воронцов: «...ни Мальта, ни какой-либо другой отдельный вопрос не могли бы обеспечить этот необходимый всем народам Европы покой; что урегулирование должно быть общим, чтобы не оставалось никаких спорных вопросов, которые могли бы лишь породить новые распри и тем самым нарушить спокойствие в мире... Ввиду обид и величайших оскорблений, которые Бонапарт постоянно наносит королю и английскому народу»².

Иначе говоря, цель войны не отстоять английскую военно-морскую базу, а уничтожить Францию Бонапарта. По этому поводу С. Воронцов недвусмысленно выразился: «Будет ли, следовательно, безопасность Европы обеспечена тем, что на Мальте разместятся русские или английские гарнизоны? Надо спасти саму Европу от гнетущего ее ярма, которое раздавит ее, если в ней не будет установлен порядок»³.

Отказ англичан от русского арбитража был неожиданностью для Петербурга. Ведь Александр и его министр иностранных дел считали, что англичане являются самыми лучшими друзьями. Известный исследователь русско-английских отношений этого периода А. М. Станиславская справедливо писала: «Очень двусмысленную роль на этот раз сыграл С. Р. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»⁴.

Не смутившись, однако, этим, царь вместо арбитража предложил посредничество в переговорах между Францией и Англией. Причем, прежде чем начать переговоры, французы должны были вывести свои войска из Ганновера и Южной Италии.

На этот раз взорвался Бонапарт. «Арбитраж мог привести к миру, – написал он своему министру иностранных дел, – потому что речь шла об обращении к справедливому человеку, решение которого можно было принять, не подвергаясь бесчестию. Переговоры же в теперешних обстоятельствах не приведут ни к чему»⁵.

На место уехавшего из Франции русского посланника Моркова не был назначен новый посол. В Париже остался лишь временный поверенный в делах Петр Яковлевич Убри. Это было не просто жестом. За ним стояли важнейшие политические демарши, которые были предприняты Александром I летом – осенью 1803 г.

Уже в июле 1803 г. царь обратился с предложением к прусскому королю создать наступательный военный союз, направленный против Франции: «Я не могу видеть безразлично, как весь север Германии разорен, разгромлен, перевернут вверх дном... Я могу предположить, что французское правительство сделает все возможное, чтобы успокоить Ваше Величество и помешать согласию, которое я хочу установить между нами... Если же Ваше Величество не посчитает необходимым присоединиться к предложению, которое я делаю, оно может быть уверено, что это никак не изменит мою личную дружбу, которую я испытываю по отношению к нему, но я должен сказать тогда искренне, что я буду заботиться

о своих делах и приму необходимые меры для моей безопасности, а если надо, то все, что потребуется для того, чтобы спасти Европу от полной дезорганизации»⁶.

Получив уклончивый ответ, Александр 24 сентября (5 октября) 1803 г. написал прусскому королю уже угрожающее письмо: «Разумеется, не мне советовать Вашему Величеству, какое ему принять решение. Однако, я не хочу скрывать от него, что с одной стороны я вижу славу, честь и настоящий интерес его короны, с другой... катастрофу всеобщую и Вашу личную... С человеком, который не знает ни умеренности, ни справедливости (*Бонапартом*) нельзя добиться ничего, уступая ему. Есть много обстоятельств в жизни, личной и политической, когда спокойствие можно добыть только острием меча»⁷.

Однако Фридрих-Вильгельм совершенно не рвался в бой. Он считал, что для его государства нет в настоящий момент непосредственной опасности, зато, если он влезет в драку, тогда опасность точно настигнет его. Семен Воронцов, обижаясь на то, что пруссаки не горят желанием ложиться костью на защиту Лондона, с презрением написал о прусском короле: «Этот недостойный наследник Фридриха... Этот король, осторожность которого заставляет бояться всякой войны... будет делать все, что потребует Корсиканец, который знает насколько его бояться»⁸.

6 (18) октября 1803 г. по поручению императора канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов написал секретнейшее послание поверенному в делах в Вене И. О. Анштетту. После долгого и как всегда туманного вступления на многих страницах он перешел к делу: «Его Императорское Величество, постаравшись не упустить из виду самое неотложное, пытаюсь спасти Северную Германию от угнетающих ее бедствий, желает ныне с полной доверенностью объяснить по этим вопросам с германским императором... Вам поручается начать обсуждение с австрийским министерством настоящего положения дел в Европе. Мы весьма желаем знать, разделяет ли оно наше беспокойство и какие средства оно считает наиболее верным, как для того, чтобы остановить стремительный поток французской мощи, готовый выйти из берегов, так и для того, чтобы обеспечить общее благо и спокойствие Европы в будущем»⁹.

Все это было уже не просто рассуждениями об «агрессивности» Бонапарта и необходимости восстановить «гармонию», а конкретным предложением совместно начать войну. К удивлению Александра и Воронцова австрийцы не высказали бурного восторга по поводу русских предложений. В своем рапорте от 4 (16) ноября 1803 г. поверенный в делах в Вене

докладывал о своей встрече с графом Кобенцелем, министром иностранных дел Австрии. Напрасно русский дипломат пугал австрийца угрозой разгрома Англии. Кобенцель не только не выказал беспокойства по этому поводу, но весьма прохладно высказался о британской политике. Говоря о субсидиях, которые англичане обещали за военный союз, он выразился следующим образом: «Субсидии, которые Англия предложила нам, когда она хотела недавно **втянуть** нас в наступательный союз против Франции, слишком незначительны»¹⁰.

Осторожная политика Австрии никак не повлияла на русскую позицию. 12 (24) ноября 1803 г. министр иностранных дел канцлер А. Р. Воронцов представил царю докладную записку, где он снова настаивал на необходимости немедленных военных действий. Одним из главных мотивов, которые Воронцов выдвигал, объясняя необходимость войны, была угроза захвата французами турецких владений в Европе и расчленение Османской империи. Он даже точно указывал, что «французы намереваются учинить высадку одновременно в четырех местах».

«Политически корректный» в стиле своего времени канцлер не преминул указать и на идеологический вред перспективы появления отрядов Бонапарта на Балканах: «Если по отдаленности края сего французы признают удобным для себя учредить в оном демократическую республику, будут они тогда из смежных с нами провинций рассеять между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны; а потому все то, что может нас от оногo предохранить, упущено быть не долженствует. Когда же допустим мы французов водвориться в соседстве нашем, то никакой надзор не будет достаточен обуздать сопутствующий им разврат умов, который с толиким ухищрением обыкли они обращать себе на пользу»¹¹.

Мотив угрозы на Балканах выдвигался рядом историков как рациональное оправдание военных приготовлений против Франции. На самом деле трудно вообразить, что Бонапарт в тот час, когда судьбы Европы решались на берегах Ла-Манша, мог серьезно думать о вторжении в Турцию. Нужно сказать, что наоборот, франко-турецкие отношения в эту эпоху после трехлетнего перерыва стали самыми тесными и дружественными. С необычайной помпой был принят в Константинополе посол Франции генерал Брюн. Великий визирь, встречая почетного гостя 15 февраля 1803 г., выслал навстречу персоналу посольства сто двадцать прекрасных коней, чтобы французы могли достойно въехать в столицу Османской империи. Их сопровождал пышный почетный эскорт, и как

сам посол, так и его сотрудники были буквально засыпаны дорогими подарками. Через несколько дней генерала Брюна с еще большей pompой принял сам султан в своем роскошном дворце. В честь французского посланника был устроен торжественный парад султанской гвардии...

Это были, конечно, жесты, но они вполне соответствовали общему настрою франко-турецких отношений. Французы старались скорее поддерживать Турцию и особенно развивать с ней торговлю.

Зато в Константинополе все с большей подозрительностью смотрели на северного соседа. Действительно, разумные политики судят по делам, а не по словам. Несмотря на союзные отношения с Турцией и бесконечные заявления о том, насколько важно спасти Оттоманскую империю от недругов, Россия продолжала развивать свое давление на юг. Она поддерживала антитурецкие выступления в Молдавии и Валахии, фактически превратив Дунайские княжества в территорию под своим протекторатом. Россия помогала борьбе сербов за национальную независимость, старалась утвердить свое влияние в Черногории, ее агенты действовали на территории Греции. Наконец, русские войска, не останавливаясь, продолжали наступление между Черным морем и Каспийским, занимая владения князьков, находившихся в вассальной зависимости от Турции и от Персии. В 1802 г. Грузия вступила в русское подданство, в 1803 г. началось присоединение Азербайджана к России, в 1804 г. была взята крепость Гянджа, в 1805 г. заняты Карабахское и Ширванское ханство, в том же году будет занят Баку. Даже если многие из этих действий мотивировались искренним и благородным желанием помочь единоверцам, туркам от этого было не легче. Все это было куда более весомо, чем мнимые угрозы со стороны Бонапарта.

Отсутствие результатов первого зондажа австрийской позиции ничуть не обескуражило Александра и его канцлера. 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) А. Р. Воронцов написал пространнейшее послание послу Австрии в Санкт-Петербурге графу Стадиону. В этом послании старый канцлер снова живописует картину угрозы, которая нависла над Европой, и которую неразумные австрийцы никак не могут себе уяснить. Не смущаясь противоречием со своим предыдущим демаршем, он уже описывает не ужас вторжения французов на Британские острова, а кошмар, который начнется из-за неизбежной неудачи десанта.

«Не подлежит сомнению, что общественное мнение во Франции, которое до сих пор Бонапарту удавалось в целом заставить относиться к нему благосклонно, во многом изменится для него к худшему. Десант

в Англию, в подготовке которого он зашел слишком далеко, чтобы не попытаться произвести его, и осуществление которого, как он теперь видит, связано с большими трудностями, не обещает ему никаких вероятных шансов с успехом выйти из критического положения, в котором он находится. Какими средствами может поднять Бонапарт упавший гражданский дух страдающей и обманутой нации? Как успокоить возмущение ропщущей армии и алчных и недовольных генералов?»¹².

Интересно, что канцлер и, естественно, император, обращаясь к австрийцам, проявляют прагматизм, от недостатка которого страдал наивный Павел. Зная, что в Вене небезразличны к итальянским землям, царь и его канцлер, не смущаясь противоречиями с благими намерениями будущей коалиции, походя, бросают фразу о том, что в России с пониманием относятся к интересам австрийского двора: «Естественно, что Австрийский дом, будучи тогда вынужденным понести значительные расходы, пожелал бы также со своей стороны извлечь некоторую выгоду из создавшихся обстоятельств и постарался бы обеспечить себе на будущее лучшие границы в Италии (!)...»¹³

Часто, описывая процесс складывания антифранцузского союза в эти годы, историки говорят о событиях, связанных с арестом герцога Энгиненского, и обмене жесткими нотами, которые произошли в апреле 1804 г. Якобы эти события и резкий ответ Бонапарта на протест русского царя привели к разрыву между Россией и Францией. На самом деле из представленных документов совершенно очевидно, что Александр твердо настроился на войну с Бонапартом уже в конце 1803 г.

Это полностью подтверждают интересные документы из Российского Государственного исторического архива. Здесь хранится подробнейший дневник австрийского военного атташе полковника Штутерхайма, который он вел в период с января 1804 г. по апрель 1805 г. В отличие от многих старческих мемуаров, где авторы часто путают одну войну с другой, а высказывания, произнесенные в 1812 г., относят к 1805 г., здесь мы видим поистине стенографический отчет о беседах, которые Штутерхайм вел с первыми лицами империи и, прежде всего, с самим Александром. Судя по характеру дневника, все записи сделаны вечером того же дня, когда велась беседа, и все выражения переданы настолько дословно, насколько это вообще возможно. Изучение этих бумаг не оставляет ни малейшего сомнения в том, когда Александр принял решение о войне с Францией. Все беседы полковника с царем в январе – марте 1804 г. вертятся исклю-

чительно вокруг того, когда же, наконец, Австрия даст положительный ответ на настоятельные предложения царя о военном союзе.

На балу у императрицы 16 февраля Штутерхайм долго беседовал с Александром. «Ничто не возвышает душу так, как война, – внезапно сказал царь и затем после некоторого размышления, добавил: я знаю, что, быть может, сейчас уже не время сражаться с идеями, ставшими всеобщими, чтобы их победить. Но нужно, по крайней мере, остановить амбиции правительства, которое в конечном итоге уничтожит всех остальных, если из-за трусливого соглашательства или из слабости мы не поставим не его пути барьер». А потом император, буквально не переставая, твердил одно и то же: «Это поистине химера – надеяться на то, что мы сможем избежать общей судьбы, если мы не остановим амбиции Бонапарта. Нужно быть в такой же слепой апатии как Пруссия, чтобы надеяться на это»¹⁴.

На параде 26 февраля, где снова встретились император и австрийский полковник, Александр заявил: «Чтобы улучшить мою армию, ей нужна война, я надеюсь, что для блага обучения моих войск, это будет война в союзе с вами»¹⁵. 12 марта Штутерхайм записал в своем дневнике: «Уже восемь дней как император постоянно повторяет мне во время наших встреч на парадах, что ему не терпится узнать о нашем решении. Сегодня был большой бал-маскарад при дворе. Он (*Александр*) показался мне несколько рассерженным... более озабоченный, чем обычно, он произнес: «У вас теряют ценное время»¹⁶.

21 марта австрийский атташе опять беседовал с царем, который опять нетерпеливо спрашивал о решении австрийского правительства. Штутерхайм как мог выкручивался и, отвечая, что дело очевидно объясняется задержкой с набором рекрутов. «Его Императорское Величество показался мне не удовлетворенным этим ответом, и я чувствую, как в его разговоре начинают проступать нотки недоверия»¹⁷, – записал в своем дневнике полковник.

1 апреля в очередной раз Штутерхайм увидел во время парада императора, который начал беседу с того, что пожаловался на плохую погоду, мешающую получать удовольствие от экзерциций. А потом вдруг, словно самое сокровенное вырвалось у него из души, ни с того, ни с сего воскликнул: «Ради Бога, сделайте же что-нибудь, чтобы ваш ответ быстрее прибыл!» – «Я попытался его успокоить, – записал в дневнике Штутерхайм, – сказав ему, что я точно знаю, что курьер из Вены уже выехал, но, вероятно, эта ужасная распутица задержала его в дороге». Царь, поняв очевидно, что сказал очень эмоционально, произнес уже спокойнее: «Но

он мог постараться выехать до распутицы. Я жду его с безумным нетерпением!»¹⁸

Тема ответа из Вены стала поистине навязчивой идеей Александра. Буквально через несколько дней на очередном параде он опять заговорил со Штутерхаймом и недовольно произнес: «Вы теряете много времени»¹⁹.

Таким образом, Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был, буквально, одержим войной с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее, несмотря на то, что англичане не особенно просили русских бросаться на защиту Лондона. Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, нужна она интересам России или нет, желает ли ее или нет большинство элиты российского общества. Он не советовался уже практически ни с кем, кроме нескольких страдавших навязчивой идеей англофилов и, прежде всего, канцлера А. Р. Воронцова.

О последнем баварский посланник Ольри очень метко заметил: «Я никогда не видел человека столь странного, как старый канцлер, которому император вверил руководство внешними делами. Набитый всякими предрассудками, спесью, предубеждениями, гордый своею мнимую опытностью, он стал, так сказать, неприступен»²⁰. Кстати, именно потому, что война совершенно не соответствовала ни желанию большинства русской элиты, ни национальным интересам страны, а решение о ней принималось в, мягко выражаясь, узком кругу, о ее подготовке никак не мог догадываться Бонапарт. И более того, его дипломатические представители в России чуть не до самого момента разрыва будут упорно твердить о миролюбивых намерениях Александра.

Ряд современных историков, которые не могут допустить мысли о том, что намерения Александра начать войну против Наполеона являлись лишь мнением лично царя и узкой группы англофилов, приближенных к трону лишь по воле монарха, ищут глобальные геополитические интересы России в предстоящей войне. Однако намерение спасти Оттоманскую империю, с которой Россия вела постоянные войны и с которой она вновь начала конфликт в 1806 г., важность для русского народа ценой крови тысяч русских солдат восстановления на троне Сардинского короля звучат весьма малоубедительно.

Поэтому современные информированные историки, продолжающие утверждать, что война 1805 года была превентивной войной против неизбежной агрессии, пытаются доказать, что Александра толкало

на этот конфликт общественное мнение. Якобы российское дворянство пылало такой иступлённой ненавистью к Франции и к её лидеру, что оно буквально требовало войны с Наполеоном Бонапартом. Для доказательства этого тезиса приводятся многочисленные высказывания из мемуарной литературы, написанной после войны 1812 года, где действительно сплошь и рядом Наполеон описывается как чудовище, а война с ним, как неизбежное, само собой разумеющееся явление.

Не вызывает сомнения, что Отечественная война 1812 года, всколыхнувшая широкие массы русского народа вызвала впоследствии поток литературы, где враг описывался в самых чёрных красках и это вполне оправданно. Но совершенно неоправданно переносить чувства и мнения людей, охвативших их в период народной войны, на настроения дворянского общества России 1803 г., когда война была решена в голове Александра и узкого кружка англофилов. Для того, чтобы оценить, как дворянский Петербург смотрел на Первого консула в 1803 г., следует обратиться к синхронным источникам, а не к позднейшим свидетельствам.

Как выяснилось за период 1801 – 1803 гг. не найти русских печатных произведений порицающих Наполеона Бонапарта. В Российской Национальной Библиотеке значится 1795 печатных изданий на русском языке вышедших в свет за этот период, среди них сотни книг и брошюр переведенных с французского, множество книг, брошюр и журналов воспевающих деяния Первого консула и ни одного (!) враждебного ему произведения!! Напротив, русская пресса и брошюры о Наполеоне Бонапарте были в подавляющем большинстве благожелательны по отношению к молодому главе французского государства, а некоторые были проникнуты искренним восторгом.

Вот что, например, можно было прочитать в книге «История Первого Консула Бонапарта со времен его рождения до заключения Люневильского мира», вышедшей в 1802 году в Санкт-Петербурге:

«Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны сделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия приводящие их в отчаяние...

В недре покоя видим мы его размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого, и восстановить то равновесие властей, без которых общество не что иное есть, как пустое слово...

В пылкой и непоколебимой храбрости, присовокупляет он спокойное хладнокровие; к природным великим дарованиям и обширному разуму, ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Ганнибал против Римлян; к мудрой медленности в размышлении, всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет, опытность и зрелость старости; с познаниями воина соединяет он познание утонченного политика и добродетель, мудростию путеводимую; к чувствам человеколюбивого сердца и воздержанию, любовь к славе и отважность победителя...».²¹

В брошюре «Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте», вышедшей в 1803 г., можно найти такой портрет Первого консула: «В наружности своей с первого взгляда имеет Б. нечто мрачное и холодное; но нужно только пробыть вблизи его несколько минут, чтобы увидеть в нем после некоторую тихость и приятность. В чертах лица его изображается особливая кротость, и взор его есть красноречивое доказательство человеколюбивого и тихого характера... Он всякому, кто с ним говорит, смотрит в глаза прямо и спокойно, ожидая, что он ему скажет. Большие голубые глаза его, блистающие кротким небесным огнем, кажется говорят всякому: приблизься и полюби друга человеков!»²²

Совершенно особое место в русской публицистике этого периода занимает журнал «Вестник Европы», который с 1802 по 1803 год включительно издавался знаменитым русским историком и литератором Н. М. Карамзиным. «Любовь к Бонапарте дошла до высочайшей степени, – пишет Карамзин в первом номере журнала. – Со всех сторон пишут к нему благодарственные письма, в которых называют его «спасителем Республики», «первым Героем всех веков», «единственным»... Он, конечно, заслуживает признательность французов и почтение всех людей, умеющих ценить чрезвычайные действия геройства и разума. Его внешняя политика и внутреннее правление достойны удивления не менее Маренгской победы. Франция, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своих жителей, конечно, скоро загладит бедственные следы Революции, наслаждаясь тишиной под эгидой деятельного и благоразумного правления, которое печется о мудрой системе гражданских законов, о воспитании, об успехе наук, художестве и торговле, следственно о важнейших частях государственного благополучия»²³.

«Всякой портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно, – писал Карамзин о внешнем облике Бонапарта, – Можно ли кистью или резцом изобра-

зить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приеме и в обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор — потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов...»²⁴

А вот как выдающийся русский литератор оценивал внешнюю политику Первого консула: «Бонапарте дал французам имя *великой нации*, которым они теперь более всего гордятся, и которое для других народов не так страшно, как их прежние Якобинские титулы... Бонапарте сделал Этрурию Королевством, и если бы Король Сардинский был учтивее против Консула, то он давно бы уже царствовал в Турине. Бонапарте после Маренгского сражения объявил ему, на каких условиях может возвратить ему Пьемонт; но Король не хотел тогда отвечать решительно, под ничтожным предлогом, что с ним не было Министра его Ст. Марсана. Самая Швейцарская Олигархия, которая всячески оскорбляла французскую Республику, удостоилась великодушного прощения. Гишпанский Король радуется дружбою своею с Наполеоном. Ужасы Неапольские преданы политическому забвению^{1*}, и там, где Бертье за два года перед сим вызывал из гроба Катонов и Сципионов, там Республиканские Генералы с благоговением целуют ныне туфель Папы, заступивший место орлов Римских. Мир и спокойствие всего дороже»²⁵.

Если, как утверждает ряд историков, Александр I стал инициатором Европейской войны 1805 г. под давлением дворянства, яростно ненавидевшего Наполеона, можно задать законный вопрос — кто тогда покупал и читал эту печатную продукцию?

Интересные свидетельства об общественном мнении в России в этот период можно найти в донесениях ряда секретных агентов. Эти донесения хранятся в Архиве министерства иностранных дел Франции. Вот сообщал один из информаторов маршалу Бертье весной 1805 г., когда Александр уже самым активным образом готовился к войне: «Великие и малые стали бонапартистами, — можно прочитать в донесении относительно настроений в обществе под влиянием внешнеполитических и внутривластных успехов Наполеона, — так что женщины проводили ночи за вышивкой портрета непобедимого героя... Помещики, купцы и крестьяне поспешили раздобыть себе бюст или гравюру, изображающую миротворца Европы. Бонапарт во всех устах и во всех сердцах, даже тех,

^{1*}Имеются в виду зверские расправы неаполитанских ультрароялистов над местными республиканцами и пленными французами в 1799 г.

кто завидует его славе. Это чувство не изменилось с тех пор, как три месяца назад я покинул Москву, и я уверен, не утихнет, несмотря на слухи о скором разрыве, которые ходят в обществе»²⁶.

Конечно, это свидетельство агента, стремящегося изобразить лояльность к начальству, нужно как минимум поделить на пять, а то и на десять, но всё же пренебрегать этим синхронным источником было бы неправильно, ибо он подтверждается другими свидетельствами, пусть и не столь категоричными.

Вот что можно прочитать в другом рапорте: «Все те, кто занимаются политикой или считают себя политиками, ищут мотивы, которые могли заставить императора Александра начать войну против Франции. Те, кто не принадлежат правительству, не могут найти ни одного и честно признаются, что усилия англичан, направленные на создание новой коалиции, заставят, очевидно, сделать новую глупость Санкт-Петербургский кабинет. Спрашивают себя, как можно было так быстро забыть Голландию и Италию (*имеется в виду поведение англичан по отношению к русским войскам во время голландской экспедиции и австрийцев во время итальянского похода 1799 г.*)?. Говорят, что Петербургскому кабинету столь же мало подходит заниматься делами Италии, как в Париже спрашивать о том, что делается на границах Персии и Грузии... Жители Москвы сожалеют о выступлении в поход московского гарнизона. Они не разделяют ослепления офицеров, считающих, что они идут прямо во Францию»²⁷.

Другое донесение говорит следующее: «В Москве открыто порицают войну, потому что не видят никакой причины для нее... В августе 1805 г. сюда приехали фельдмаршал Салтыков, г-н. Трощинский и министр финансов Васильев – все члены Совета. Эти господа уехали из Петербурга под предлогом состояния здоровья или семейных дел, но говорят, что это из-за того, что они открыто выразились по поводу ненужности войны. С того момента как стало ясно, что война начнется, в Москве не скрывают недовольства: кто-то из патриотизма, а кто-то потому, что это помешает ему совершить путешествие в Париж... Париж для них первый город мира. Те, кто оттуда вернулись, дали желание другим совершить в свою очередь подобную поездку»²⁸.

Действительно, в русском обществе не было единого мнения по поводу предстоящей борьбы. Александра поддерживали англофилы и часть правительственных кругов. Воинственную позицию заняли ответственные дипломатические представители страны за границей: С. Р. Ворон-

цов в Лондоне, А. К. Разумовский в Вене, Д. П. Татищев в Неаполе, А. Я. Италинский в Константинополе. Однако даже среди высшего общества были и ярые противники вступления России в войну. К ним относились: министр коммерции граф Н. П. Румянцев, министр просвещения граф П. В. Завадовский, министр юстиции князь П. В. Лопухин, министр финансов А. И. Васильев, член Непременного совета князь А. Б. Куракин, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Ф. В. Ростопчин и многие другие. Каждый из них выдвигал свои резоны, согласно которым он считал, что России незачем ввязываться в европейскую драку. Так А. И. Васильев говорил о плохом состоянии русских финансов, П. В. Завадовский отмечал, что война будет сопряжена с огромными расходами, а Ростопчин вообще категорически заявлял: «...Россия опять делается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»²⁹.

С другой стороны, значительная часть дворянства поддерживала царя, не спрашивая, почему и зачем он начинает войну. В своем дневнике молодой чиновник Степан Петрович Жихарев записал: «Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности»³⁰. Молодые офицеры, как им и положено, храбрились, тем более что русская армия, овеянная победами Суворова, не сомневалась в успехе. «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»³¹, – вспоминал гвардейский офицер И. С. Жаркевич.

При этом какого-то серьезного антифранцузского чувства никто из этих отважных молодых людей не испытывал, впрочем, как и подавляющее большинство дворянства. Уже упомянутый Жихарев написал 3 (15) декабря 1805 г. в своем дневнике: «А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньи и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию “Les Conjectures ou le Faiseur des Nouvelles”»³².

Наконец, наиболее образованные слои дворянства, подобно Пьеру Безухову, смотрели на войну с непониманием. Уже упоминавшийся выдающийся русский историк и публицист Н. М. Карамзин написал тогда слова, которые Толстой, немного переработав, и вложил в уста своего героя:

«Россия привела в движение все силы свои, чтобы помочь Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее – известно богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего граф Морков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?»³³

Все приведенные выше цитаты (за исключением разве что Жаркевича) являются редкими синхронными свидетельствами, которые с трудом можно различить среди наслоений поздних мемуаров, где авторы не делают уже различия между тем, что говорили в 1805, 1807 или в 1812 г.

Люневильский и Амьенский мир завершили революционные войны. Идеологические противоречия между Францией и европейскими монархическими державами свелись в это время к минимуму. Разногласия по территориальным вопросам, несмотря на остроту отдельных споров, все же не были такими, чтобы ради них непременно нужно было начинать огромную европейскую бойню. Бонапарт искренне желал мира, а в отношении России его намерения вообще не вызывают никаких сомнений. Его единственной и давней мечтой был русско-французский союз. В этих условиях были все условия для того, чтобы в Европе в конечном итоге воцарился мир. Если этого не произошло, то в этом виноваты не столько объективные, сколько субъективные обстоятельства.

Без сомнения, франко-английские противоречия оставались очень острыми. Без сомнения, английская буржуазия жаждала устранить с мировой арены опасного торгового и промышленного конкурента в лице новой Франции. Без сомнения, английские купцы не переваривали Бонапарта, в котором видели человека, живущего совершенно в иной плоскости, чем они. Тем не менее, вся эта злоба и зависть не смогли бы вылиться в войну, если бы англичане не чувствовали за собой поддержки на континенте. По-пиратски в одиночестве рыскать по морям не имело никакой перспективы, если бы на суше правящие круги Великобритании не находили никакой опоры.

Если в 1803 г. английские олигархи решили растоптать Амьенский мирный договор, то только потому, что они видели, что Россия не только не будет противостоять их амбициям, но, наоборот, поддерживает и одобряет их.

Эта позиция целиком и полностью личная инициатива Александра. Ничто – ни геополитические интересы, ни даже общественное мнение не заставляли русского царя безоглядно поддерживать претензии британ-

ских толстосумов. Подавляющее большинство правящего класса России стояло за независимую внешнюю политику страны в стиле Петра Великого и Екатерины Великой, той, которая осмелилась заставить уважать на морях русский флаг и выступила инициатором «вооруженного нейтралитета».

Да, русские дворяне ненавидели французскую революцию, но Бонапарт был уже не революция. Это прекрасно, кстати, понял Павел I, **взявший** курс на сближение с Францией. Это прекрасно понимали и многие представители русского правящего класса. Не следует забывать, что все они жили под влиянием французской культуры, говорили, читали и писали по-французски. Безоглядная, забывшая все интересы страны поддержка Англии была совершенно не в интересах большинства русского дворянства. Если в правительстве и было несколько горячих англофилов, то только потому, что этого хотел царь. Захотел бы он по-другому – были бы другие люди, потому что, следует еще раз подчеркнуть, никакого императива во вражде с Францией у России не было.

Наоборот, приличные отношения с Францией при сохранении торговых отношений с Англией были самым лучшим способом для России сбить спесь британских олигархов и притормозить слишком честолюбивые стремления молодого консула. Но Александр выбрал совершенно другую политику. Он развязал англичанам руки. Как только началась англо-французская война, она обострила все противоречия, накалила обстановку на континенте. Однако и в этой ситуации война России с Францией никак не следовала автоматически из создавшейся ситуации. Александру потребовались поистине титанические усилия, чтобы заставить другую крупную державу континента, Австрию, вступить в антифранцузский союз. В отличие от первых двух коалиций, третья совершенно не была спонтанной. Австрию загоняли в нее пинками. В результате Россия получила ту войну, которую она должна была получить. В памяти русских офицеров и солдат австрийцы остались как дурные союзники, нерешительные и постоянно клонящиеся к «предательству». А как еще могли себя вести австрийцы, которых затащили в коалицию против воли не только большинства австрийского народа, но и против воли даже австрийского генералитета?

Синхронные документы убедительно доказывают, что теория превентивной войны не выдерживает ни малейшей критики. Война 1805 г. не предотвращала будущие военные конфликты, а, наоборот, их спровоцировала. Расширение Франции за счет Пьемонта или Генуэзской Ривьеры

мало затрагивало интересы России, а тем более не угрожало ее безопасности. Первый Консул, а впоследствии император, постоянно подчеркивал свою приверженность концепции русско-французского союза. Конечно, он делал это не по причине какого-то особого пристрастия к русскому народу, а искал в этом свои выгоды. Но что мешало России умело использовать хорошие отношения с Францией для того, чтобы найти в них выгоды для себя?

Буквально через несколько дней после битвы при Аустерлице в разговоре с Гаугвицем французский император сказал: «Россия будет со мной, быть может, не сегодня, но через год, через два, через три года. Время стирает все воспоминания, и из всех союзов это будет тот, который мне больше всего подходит»³⁴.

Александр судил иначе: «В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно один из нас должен уйти!» – заявил он чуть позже в беседе со своей сестрой Марией Павловной.

Однако желание обезопасить себя в будущем, извлечь максимальную выгоду из победы, завело Наполеона слишком далеко. Его империя и появившиеся вокруг нее вассальные государства стали слишком много весить в европейской политике. Баланс сил был нарушен, и с подобным государством стало весьма непросто поддерживать равноправные взаимоотношения. Поражение при Аустерлице разбудило также дремавшие силы. Русское дворянство и, в особенности, офицерский корпус отныне желали реванша. Конечно, все это было еще достаточно далеко от сильных антифранцузских настроений в русском обществе в период войны 1812 г. Однако это было уже не то в основном безразличное и иногда даже благожелательное отношение к Бонапарту в годы его Консулата. Всего лишь через несколько дней после Аустерлица в Москве так судили о происшедшем: «Конечно, потеря немалая в людях, но народу хватит у нас не на одного Бонапарте, как говорят некоторые бородачи-купцы, и не сегодня, так завтра подавится, окаянный»³⁵.

Неудивительно, что прелиминарные условия мирного договора, подписанные в Париже 20 июля 1806 г. русским посланником Убри, были отвергнуты Александром. Война еще только начиналась...

¹Сборник РИО. Т. 70. С. 70б.

²Там же. С. 480–481.

³Там же. С. 481.

- ⁴Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья, 1798–1807». М., 1962. С. 242.
- ⁵Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1858-1870. Т. 7. P. 486.
- ⁶Correspondance inedite du roi Frederic-Guillaume III et la Reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Leipzig-Paris, 1900. P. 30–31.
- ⁷Ibid. P. 44-45.
- ⁸Архив князя Воронцова. М., 1870–1897. Кн. 10. Бумаги князя Семена Воронцова. Ч. 3. С. 58, 186.
- ⁹Внешняя политика России... Т. 1. С. 522–527.
- ¹⁰Там же. С. 545–550.
- ¹¹Там же. С. 551–552.
- ¹²Внешняя политика России... Т. 1. С. 600.
- ¹³Там же. С. 602.
- ¹⁴Российский Государственный исторический архив. Фонд 549. Оп. 1. № 387. Tagebuch des Kaiserlichen Obersten Karl Freiherr von Stuterheim. P. 23–29.
- ¹⁵Ibid. P. 32.
- ¹⁶Ibid. P. 41.
- ¹⁷Ibid. P. 49.
- ¹⁸Ibid. P. 60.
- ¹⁹Ibid. P. 65.
- ²⁰Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I. «Исторический вестник». 1917. № 1 (январь). С. 128.
- ²¹История Первого Консула Бонапарта со времен его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб, 1802. С. III, IV, VII, VIII.
- ²²Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое. М., 1803. С. 41.
- ²³Вестник Европы. 1802. № 1 (январь). С. 77–78.
- ²⁴Там же. № 8. С. 343–344.
- ²⁵Там же. № 9. С. 75–76.
- ²⁶Archives de Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique, Russie, 144.
- ²⁷Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 2.
- ²⁸Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 3.
- ²⁹Деятнадцатый век. Кн. II. С. 87.
- ³⁰Жихарев С. П. Записки современника. Москва, 2004. С. 198.
- ³¹Жаркевич И. С. Записки И. С. Жаркевича // Русская старина. 1874. Т. 9 (февраль). С. 218
- ³²Жихарев И. С. Указ. соч. С. 137–138.
- ³³Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 52, 54, 58.
- ³⁴Цит. по: Sorel A. L'Europe et La Révolution française. Т. VII. Paris, 1905.
- ³⁵Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004. С. 137.

**ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ 1810–1826 гг.
В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ПЕРУАНСКИЙ ПОХОД ХОСЕ ДЕ САН-МАТИНА**

Одним из наиболее загадочных и неоднозначных с точки зрения военного искусства эпизодов в биографии Хосе де Сан-Мартина (1778–1850), как военачальника, является его Перуанский поход (1820–1822), ставший заключительным в его военной карьере: 20 сентября 1822 г. он добровольно ушел с поста главнокомандующего освободительной армией и покинул Южную Америку.

Историки, начиная с XIX в. и до сих пор, спорят как по поводу оценки результатов Перуанской кампании, так и относительно причин такого развития событий, акцентируя внимание главным образом на действиях Сан-Мартина, как политика и человека своего времени¹.

Между тем, к началу Перуанского похода, Сан-Мартин был известен по обе стороны Атлантического океана, прежде всего, как талантливый военачальник. Переход его армии через Анды в районе самой высокой вершины Аконкагуа (6800 м), сражения при Чакабуко (12 февраля 1817 г.) и Майпу (5 апреля 1817 г.) вошли уже в первой половине XIX в. в прусские учебники по истории военного искусства. Высоко оценивали заслуги Сан-Мартина в этой кампании и его современники — как роялисты (генерал Осорио и вице-король Перу Песуэла), так и участники освободительного движения. Например, Симон Боливар, узнав о победе Сан-Мартина при Майпу, заявил: «День Америки настал!»². А русский посланник в Рио-де-Жанейро после Чакабуко писал в Министерство иностранных дел об Андском походе Сан-Мартина: «Быстрота, с которой войска прошли столь большое расстояние, преодолев трудности похода в горах, а также успехи, которыми была увенчана эта восьмидневная кампания, неопровержимо доказывают: и готовность жителей Чили стряхнуть с себя ого метрополии... и умелую активность генерала»³.

В данной статье Перуанский поход Хосе де Сан-Мартина рассматривается, прежде всего, как военная кампания, в которой, как представляется, наиболее отчетливо проявились сильные и слабые стороны одного из лидеров Войны за независимость в Испанской Америке как военачальника.

Рассматривая Перуанский поход как военную кампанию, прежде всего, следует иметь в виду, что предшествующий ей Чилийский поход (1817–1818) был лишь частью стратегического плана Сан-Мартина, целью которого являлся разгром самой крупной группировки роялистов в Перу и, таким образом, окончательное завершение войны за независимость в Испанской Америке. Именно поэтому он, как опытный военачальник, понимавший необходимость сохранения стратегической инициативы, уже через несколько дней после победы при Майпу отправился в Буэнос-Айрес для получения разрешения на подготовку и осуществление нового похода в цитадель роялистов. Однако он сразу же столкнулся с множеством проблем политического и экономического характера, связанных, например, со слухами о готовящейся военной экспедиции Испании на Ла-Плату, финансовыми противоречиями между Объединенными Провинциями и Чили. В результате договор о сотрудничестве между Чили и Объединенными провинциями был подписан только 5 февраля 1819 г.⁴ Кроме того, в операции по освобождению Перу, задуманной Сан-Мартинем, большое место отводилось флоту, поскольку он предполагал переправить свою армию в Перу морем. Однако флот пришлось создавать с нуля из оставленных роялистами при бегстве из Чили кораблей. К тому же не было опытных морских офицеров, способных вести военные действия против тихоокеанского флота вице-короля, чтобы контролировать морские коммуникации. Только в ноябре 1818 г. в Чили, наконец, прибыл опытный английский морской офицер Т. Кокрейн (1775–1866), который в январе–ноябре 1819 г. совершил удачные крейсерские атаки на Кальяо, Писко и другие тихоокеанские порты Перу, благодаря которым к началу Перуанского похода Кокрейн контролировал морские коммуникации. Однако грабежи местного населения, которыми сопровождалась эти атаки, больше похожие на пиратские набеги, вызывали недовольство перуанцев. Это сводило на нет другую часть стратегического плана Сан-Мартина — завоевание на свою сторону общественного мнения Перу, поскольку он считал, что только экспедиция извне не сможет освободить вице-королевство — необходимо сотрудничество перуанцев. Поэтому применение насилия должно быть минимальным. К тому же он был сторон-

ником монархии, поэтому хотел сохранить структуру вице-королевства Перу. Таким образом, Сан-Мартин направлялся в Перу не только, чтобы вести освободительную войну на поле брани. Он, как истинный освободитель, хотел войны мнений, войны за умы перуанцев, войны между разумом и фанатизмом, между свободой и тиранией. Он предпочитал скорее ждать, пока перуанцы присоединятся к его силам, чем немедленно ввязываться в бой с противником, что также затягивало начало похода⁵. К тому же, и этот фактор также не следует забывать, накануне Перуанского похода армия Сан-Мартина насчитывала 4 118 человек⁶. И хотя ее ядро составляли уже опытные участники Андского похода, однако существовали разногласия между чилийскими и аргентинскими частями объединенной армии, а офицеры флота сплошь были иностранцами⁷.

В то время, как на начало 1820 г., согласно сведениям, приводимым перуанским историком Рубеном Варгасом Угарте, численность роялистской армии в Перу составляла 23 тыс. человек, которые были рассредоточены по всей территории вице-королевства. Самые крупные группировки находились в Лиме (6 000 чел.) и в Центральной части Перу (7 000 чел.)⁸. Таким образом, картина — довольно радужная, особенно если учесть ожидаемые подкрепления из Испании.

Однако другие документы позволяют сделать вывод, что реальная ситуация в роялистской армии была куда более драматичной. Об этом, в частности, сообщалось в письме вице-короля Перу Песуэлы госсекретарю Испании от 12 ноября 1818 г., в котором отмечалось, что население региона настроено не в пользу короля. А поскольку армия формируется за счет местного населения, то войска роялистов крайне ненадежны, неумелы и недисциплинированы. Первые же потери после столкновений с врагом приводят к панике и дезертирству. Это ярко продемонстрировала ситуация в Чили после появления там Андской армии. Появление в Калье испанского судна с офицерами и 200 солдатами в качестве подкрепления роялистской армии вселяло в Песуэлу определенные надежды. Тем более, что он знал о готовящемся походе Сан-Мартина в Перу⁹.

Однако Песуэла не ожидал, что армия патриотов начнет свое наступление, высадившись на побережье, т. е. с моря. Именно поэтому он приказал Ла Серне отвлечь врага наступлением на Сальту, а Санчесу — насмерть стоять в провинции Концепсьон.

Все эти факты, в общем, подтверждают, что Сан-Мартин, по крайней мере, на начало своего вторжения в Перу, избрал правильную тактику,

сделав ставку на плохое моральное состояние войск противника, хотя и более многочисленных, а также на отсутствие у испанцев возможности получить подкрепление и неожиданную для испанцев переброску своей армии в Перу морем.

И хотя поход в Перу, с точки зрения Сан-Мартина, привыкшего просчитывать до деталей любую военную операцию оказался менее подготовленным и проходил в условиях сильного противодействия и разногласий, как с чилийцами, так и с аргентинцами, тем не менее, он отдал приказ армии 20 августа 1820 г. отправиться из Вальпараисо в Перу морем.

24 августа 1820 г. флотилия задержалась на некоторое время в районе Кокимбо, а 7 сентября 1820 г. встала на якорь в бухте Паракаса. Уже 8 сентября началась высадка армии, которая, преодолев 3 лиги песчаного берега, сосредоточилась в перуанском порту Писко, оставленном местными жителями. Этот район должен был защищать со стороны роялистов М. Кимпер. Но он не был блистательным военным и предпочел со своими 5 сотнями солдат retirarse.

Вся армия Сан-Мартина высадилась на побережье Перу с 9 по 11 сентября. По мере отступления роялистов, хотя Сан-Мартин не предпринимал никаких военных действий, многие местные жители (особенно негры) стали вступать в освободительную армию.

Между тем возможности вице-короля Песуэлы оказать сопротивление противнику оказались скованными не только ситуацией анархии и нестабильности в его армии, но и инструкциями, полученными им от нового либерального правительства Испании, где в январе 1820 г. началась революция, как раз с восстания экспедиционного корпуса в Кадисе, предназначенного для отправки в Америку. Они предписывали Песуэле добиваться «умиротворения». Вице-король послал к Сан-Мартину парламентариев, присягнул на верность конституции 1812 г. и избрал депутатов в кортесы Испании. Собственно то же предлагалось сделать и Сан-Мартину¹⁰.

Однако Сан-Мартин от такой чести отказался, заявив, что его целью является независимость Перу. Правда, переговоры в Мирафлоресе все же начались, так как Сан-Мартину было необходимо время для обработки общественного мнения, да и брать Лиму своей небольшой, по сравнению с роялистской армией, он был не в состоянии. Именно этим и ничем другим (в частности, монархическими убеждениями Сан-Мартина) следует объяснять ведение этих переговоров. Так считает, как представляется

совершенно обоснованно, перуанский исследователь Р. Варгас Угарте¹¹. Более распространена точка зрения о том, что Сан-Мартин еще в Чили пытался пойти на соглашение с роялистами о прекращении войны на монархической основе (раздел Южной Америки между принцами наиболее крупных европейских домов). Таково, например, мнение английского исследователя Дж. Линча¹². Аргентинские историки Р. Рохас и Б. Митре не отрицают монархических взглядов Сан-Мартина, тем не менее, подчеркивают, что его главная цель состояла все же в провозглашении независимости Перу, а вопрос о форме правления в независимой стране был для него второстепенным¹³.

В любом случае для хода военных действий эти переговоры имели важное значение, так как позволили Сан-Мартину более подробно ознакомиться с ситуацией в Перу и в роялистской армии. Вскоре переговоры зашли в тупик, так как ни одна из сторон не верила в их успех. 4 октября 1820 г. они были прерваны. И сразу же дивизия патриотов под командованием генерала Ареналеса отправилась из Писко через пустыню в Ику (внутренние районы Перу). Их задача состояла в том, чтобы отрезать от Лимы внутренние районы Перу, «революционизировать» их.

Сам же Сан-Мартин, заявив 15 октября 1820 г. о возобновлении военных действий, направил главные силы морем в обход Лимы: сначала в Анкон, где он высадился 1 ноября, а затем в долину Уачо (70 миль севернее Калья), расположив, таким образом, свою армию между столицей и сельскохозяйственным районом северного Перу. Он намеревался блокировать Лиму с суши и с моря (с помощью Кокрейна), чтобы избежать необходимости лобовой атаки.

Впрочем, в конце 1820 г. Сан-Мартину скорее помогали ошибки роялистов, чем его собственная стратегия и тактика. Прежде всего, этому способствовала нерешительность и колебания вице-короля Песуэлы, который имел несколько возможностей, соединив свою армию, нанести победный удар по армии патриотов. Одной из таких упущенных возможностей был период пребывания армии Сан-Мартина в Уауре, самой плодородной долине севера Перу, куда его армия ушла из Анкона. Роялистский авангард располагался в это время в Чанкае (Chankay), отделенный от армии Сан-Мартина небольшой полосой земли и рекой. Тем более, что как раз в это время Сан-Мартин отправил часть своей армии под командованием Альварадо на помощь Ареналесу, и не был готов к генеральному сражению. Однако приказа об атаке на патриотов не последовало.

Пассивность вице-короля привела к росту недовольства им в рядах роялистов. 3 декабря 1820 г. весь нуманцийский полк (650 чел.) сдался патриотам. Этот полк прибыл из Испании вместе с экспедицией Морильо, понес большие потери в Новой Гранаде и Венесуэле, был доукомплектован юношами из венесуэльских провинций и в апреле 1820 г. прислан в помощь Песуэле¹⁴.

Впрочем, и осторожная тактика Сан-Мартина (мелкие стычки, переговоры, уход от генерального сражения) вызывала возмущение многих офицеров освободительной армии, но особенно Кокрейна. По его мнению, было слишком дорого держать военно-морской флот в бездействии. Он был не в состоянии влиять на действия Сан-Мартина на суше, но зато владел ситуацией на море. Пытаясь вынудить обе стороны к активизации военных действий, Кокрейн в ночь с 4 на 5 ноября 1820 г. провел блестяще организованную и смело осуществленную морскую операцию в бухте Кальяо. Удар был нанесен по испанским судам, находившимся в бухте под защитой крепостных батарей.

В ходе боя моряки Кокрейна захватили один из самых быстрых фрегатов испанской эскадры с провизией на долгую военную кампанию, запасом оружия и снаряжения на 3 месяца. 44-пушечный фрегат «Эсмеральда», переименованный в «Вальдивию», стал одним из основных судов эскадры патриотов, которая после этого сражения полностью контролировала тихоокеанское побережье Перу и Чили¹⁵. Победа, одержанная Кокрейном, вписала славную страницу в его биографию, но практически не изменила военной ситуации в Перу.

Сан-Мартин, по-прежнему, возлагал надежду на разложение вражеских сил и восстание перуанских патриотов. И отчасти он был прав. Все больше и больше муниципалитетов провозглашали независимость. Перуанцы составляли многочисленные планы военной кампании и разными путями пересылали их Сан-Мартину¹⁶. Многие перуанцы вступали в его армию, как на севере, так и на юге Перу.

Более того, экспедиция генерала Ареналеса в Сьерру (внутренние районы Перу) началась 4 октября 1820 г. в очень благоприятных условиях для патриотов. Пассивен был не только Сан-Мартин, но и Песуэла. Его войска (Кимпер) не воспрепятствовали высадке армии патриотов в Писко. Маркиз Вальеумбросо (2000 чел.) в Каньете и О'Рейли в Лурине (с 1000 чел.) также не помешали продвижению генерала Ареналеса в Сьерру.

Уже 31 октября 1820 г. дивизия Ареналеса вошла в Уамангу, оставленную местным гарнизоном, спасавшим королевскую казну. Жители города встретили его радушно. Через неделю Ареналес перешел р. Пампас, направившись в Уанкайо, а дивизии патриотов под командованием Лавалье было приказано двинуться в сторону Хаухи, дабы настичь бежавший из Уаманги гарнизон, что и было сделано 20 ноября в районе Тармы. Хауха вскоре оказалась в руках патриотов. Между тем сюда двигался испанский генерал О'Рейли. 5 декабря 1820 г. он расположился лагерем в окрестностях Паско. 6 декабря 1820 г. он захватил доминирующую в долине высоту, где расположил свои войска в ожидании противника.

Силы патриотов и роялистов перед сражением были приблизительно равны: в количественном отношении преимущество было на стороне О'Рейли, но большинство его солдат — необученные рекруты.

Войска О'Рейли выстроились таким образом: на флангах — пехота, кавалерия – в центре. Их задача — помешать спуску патриотов в долину.

Ареналес приказал батальону № 2 наступать на правый фланг противника, а одиннадцатому – на левый, оставив в резерве небольшой отряд пехоты и кавалерию в центре. Он начал атаку стремительно, неожиданно для противника, который сразу побежал на ближайшую ферму, даже не дождавшись соприкосновения с войсками патриотов. Кавалерия Ареналеса атаковала центр позиции испанцев, проникла в деревню, пройдя ее насквозь, осуществляя сабельные удары и захватывая пленных. Убитых было немного: у роялистов – 41 человек, у патриотов – 4. Зато в плену оказалось 320 роялистов. О'Рейли пытался бежать в Уанако, но, в конце концов, также был захвачен в плен. Так закончилось сражение между роялистами и патриотами у Паско (а точнее, у горы Яурикоча – Yauricocha). По мнению перуанского историка Угарте, это была единственная в Перу действительно славная для войск Сан-Мартина победа¹⁷. Она, как и успешные военные действия, которые вел на юге Перу английский офицер Уильям Миллер, позволяли держать испанцев в состоянии предельного напряжения. Эта напряженность в рядах испанцев придавала тезису Сан-Мартина о революции без войны все большее правдоподобие. Таково мнение по этому поводу Дж. Линча¹⁸. Действительно, количество дезертиров в роялистской армии множилось. Весь север Перу высказался за независимость и стал поддерживать армию Сан-Мартина. Наконец, 29 января 1821 г. в Аснапукио группа высших офицеров низложила вице-короля¹⁹ и заменила его генералом Хосе де Ла Серной.

Однако ситуация в Перу для Сан-Мартина была не столь благополучной как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, это касалось действий Ареналеса в Сьерре, в частности в Хаухе, удержание которой было для патриотов чрезвычайно важным, поскольку отсюда открывался прямой путь для роялистов на Лиму. Армия испанцев ведь еще не была разгромлена. Велись бои локального значения. Между тем, одержав победу у Паско, Ареналес ушел из Хаухи, оставив ее на попечение местных патриотов и перуанских партизан (*montoneros*). Он двинулся навстречу бригадному генералу Рикафорту вопреки приказаниям Сан-Мартина, которые, по мнению Р. Угарте, до него просто не доходили²⁰. А Рикафорт в это время уже разгромил в районе Уаманги отряд патриотов во главе с Бермудесом и Альдао, чуть раньше ушедший из Ики. И тут же все жители, словно по мановению волшебной палочки, превратились в роялистов. Без особого труда Рикафорт достиг Уаманги, а затем через Хауху направился в Лиму. Но как раз в это время произошло низложение Песуэлы, и новый главнокомандующий роялистов приказал Рикафорту вернуться в Сьерру. Его группировка была усилена дивизией генерала Вальдеса (1200 чел.). Соединившись, они захватили Консепсьон, затем Атауру, где им противостояли индейцы, не входившие в армию Сан-Мартина. Очистив от восставших территорию Хаухи, Тармы и Паско, обе роялистские армии присоединились к основной, которая по-прежнему находилась в Лиме. Когда Рикафорт во второй раз ушел из Сьерры, там остался еще более кровавый роялист Хосе Карратала с 4-мя ротами пехоты и 2-мя эскадронами кавалерии, который удерживал ситуацию в регионе только с помощью террора. Это вызывало ответные действия со стороны индейцев, основного населения Сьерры. В этих условиях второй приход Ареналеса в этот район, поддержанный активными действиями армии патриотов против основных сил роялистов в Лиме, мог привести к успеху освободителей, но... Сан-Мартин продолжал выжидать и уговаривать.

А кипучая энергия Кокрейна была направлена Сан-Мartiном на юг Перу, куда в марте 1821 г. морем была отправлена экспедиция под командованием английского офицера У. Миллера (500 пехотинцев и 80 кавалеристов). Недалеко от Такны 22 мая 1821 г. его отряд сумел разбить роялистов. Бой длился 15 минут, после чего роялисты сдались. 90 человек из них погибло, 157 попало в плен. Патриоты также захватили 400 мулов. 25 мая 1821 г. Миллер разбил еще один испанский отряд у Арекипы. После этого Миллер собирался захватить и Арекипу, однако ему было необхо-

димо подкрепление. Но его не прислали, так как Сан-Мартин и роялисты как раз в это время заключили очередное перемирие (переговоры начались 4 мая 1821 г. в Пунчауке). Миллер решил эвакуировать свои войска, но в Арике, где он оставил Кокрейна, того не оказалось. Пришлось отправить солдат на нейтральных судах. А уже 22 июля 1821 г. в Арику пришли роялисты.

В целом экспедицию Миллера, как и первый поход Ареналеса в Сьерру, можно считать успешными, но они коренным образом не меняли военной ситуации в Перу. Скорее использовались Сан-Мартин для того, чтобы усадить испанцев за стол переговоров, что было в духе избранной им тактики, но в конечном итоге она не привела к желаемым результатам. Между тем обстановка в роялистской армии, по свидетельству современников, была весной 1821 г. весьма благоприятной для решительных военных действий против них. Роялисты находились в Лиме, но они были отрезаны от источников снабжения. Кокрейн господствовал на Тихом океане. Индейцы почти повсюду восстали. «Мы долго не продержимся», – писал один из испанцев из Лимы²¹.

Наконец, после долгих уговоров Сан-Мартин решился на организацию нового (второго) похода в Сьерру. Ареналесу было приказано овладеть провинциями Сьерры, близкими к Лиме.

В первые дни апреля 1821 г. из Уауры вышла армия в 2 200 чел. (в т. ч. конные гренадеры и артиллерия). По мнению современников, солдаты были скорее похожи на призраков (“espectros”), чем на людей. Они даже не имели соответствующей экипировки для похода по горам. К ним должен был присоединиться с недавно созданной перуанской дивизией полковник Гамарра, очень неудачно подобранный командир, главным принципом которого являлся лозунг: «<...> при появлении врага не следует ничего предпринимать». Его дивизия состояла из наскоро сколоченного кавалерийского полка и батальона пехоты. Весьма разношерстной публикой были и перуанские партизаны, одетые кое-как, часто в мундиры, снятые с испанских солдат, кто на лошадях, кто на мулах, некоторые босиком. Они также должны были помогать Ареналесу²².

Поэтому неудивительно, что первая (наступательная) часть второго похода в Сьерру закончилась 29 июня 1821 г. неудачей. Вторая состояла лишь в медленном отступлении патриотов для соединения с армией Сан-Мартина в Лиме.

Следует признать, что Ареналес во время этой экспедиции действовал менее решительно и уверенно, чем во время первой. От Ойона (Oyon) до Хаухи он продвигался 25 дней, хотя было достаточно и 7-ми. У Карра-талы было в распоряжении всего 700 чел. против 3000 чел. у Ареналеса. Многие исследователи оправдывают неудачу Ареналеса тем, что таков был план Сан-Мартина, которому важно было прикрыть пути возможного отступления испанцев из Лимы, а не наносить удары по его незначительным группировкам²³. Но факты говорят о другом – победам над испанцами мешали грубые ошибки как самого Сан-Мартина, возможно, и оправданные с политической точки зрения, так и ошибки его командиров.

Если обратиться к политической ситуации в Перу в это время, то она отличалась нестабильностью и колебаниями обеих противостоящих сторон. Смена вице-короля путем переворота, хотя и была признана испанским королем, пока не изменила ни отношения к роялистам в Перу, ни положения в самой испанской армии, где были как противники, так и сторонники бывшего вице-короля Песуэлы. Эта нестабильность заставила нового вице-короля Ла Серну начать переговоры с Сан-Мartiном, тем более, что тот демонстрировал определенную лояльность к роялистам. Сан-Мартин, начав переговоры с роялистами, рассчитывал скомпрометировать роялистское командование, не оставив им другого выбора, как перейти на его сторону²⁴. Но, как и в Мирафлоресе, переговоры вновь зашли в тупик, поскольку Сан-Мартин требовал признания независимости Перу от Испании, пусть и с принцем из королевской семьи во главе. Испания пойти на это не желала. В любом случае, в политическом плане эти переговоры были логичны. Логичны они и с точки зрения тактики и стратегии Сан-Мартина. Он боролся за свою идею до конца. Но вслед за Б. Митре, нельзя не отметить, что эти переговоры были бы успешнее, если бы они подкреплялись военными победами²⁵. То есть необходимо было разумное сочетание военных и политических мер. У Сан-Мартина же во время Перуанского похода все время на первом плане были политические меры. В результате – война затягивалась, а вместе с этим ухудшалась и политическая ситуация в Перу и для самого Сан-Мартина, поскольку он не использовал для разгрома роялистов множество реальных возможностей.

В частности, он дал испанцам спокойно уйти из Лимы 6 июля 1821 г. А ведь роялистская армия к этому времени была дезорганизована, и с ней

можно было расправиться малыми силами. Об этом Сан-Мартину писал находившийся в Хаухе Ареналес. Он предлагал атаковать 4-хтысячную армию Кантерака, шедшую на соединение с Карраталой, и просил для этого лишь небольшое подкрепление, считая, что врага следует разбить по частям. Однако он получил приказ отступить к Лиме и занять оборону в ущелье Сан-Матео.

21 июля Ареналис отправился в путь, 23 — прибыл в Яули, где соединяются два ущелья Сан-Матео и Уарочири (Huarochiri). Здесь он получил приказ Сан-Мартина «держаться в Сьерре», на что он ответил, что уже поздно выполнять это распоряжение. «Я говорил, говорю и буду говорить — писал он Сан-Мартину, — что оставив один раз центр Сьерры, позволив занять ее врагу, мы никогда не сможем ее вернуть»²⁶. Ареналес продолжил путь в Лиму, куда и прибыл 4 августа, потеряв по разным причинам около 1 000 человек из своей дивизии, при этом ни разу не вступив в соприкосновение с испанцами. Он не видел никаких преимуществ от занятия патриотами столицы, поскольку армия испанцев отступила без боя, и, хотя по дороге в Сьерру несла потери (дезертирство, болезни), офицерский корпус был сохранен почти полностью, а стало быть существовали все условия для реорганизации армии и подготовки нового наступления на патриотов.

С этими выводами старого генерала соглашаются все историки, даже такие апологеты Сан-Мартина, как Бартоломе Митре. Аргентинский историк считает, что Сан-Мартин допустил серьезную ошибку, отдав Ареналесу приказ уйти из Сьерры. Он, таким образом, лишился возможности атаковать противника в лоб или, обойдя с флангов, когда тот уходил из Лимы. Ареналес был этим приказом крайне раздосадован, а Кантерак и Ла Серна — испанские генералы — просто удивились, когда Ареналес прошел со своей армией мимо них, хотя имел возможность атаковать и довольно успешно. По мнению Б. Митре, эта ошибка Сан-Мартина стоила Перу еще четырех лет войны. Кроме того, он отмечает, что самой серьезной ошибкой Сан-Мартина как полководца было то, что он позволил испанцам компенсировать потерю Лимы господством в богатых материальными и людскими ресурсами внутренних районах Перу²⁷. Испанцы одержали в определенной степени и моральную победу, поскольку у некоторых перуанцев переговоры с ними Сан-Мартина, продолжавшиеся до сентября, породили надежду на возможную помощь Испании: ведь переговоры вел испанский эмиссар Абреу.

Еще одна проблема вызывает дискуссии у историков. Стоило ли Сан-Мартину так просто выпускать испанцев из Лимы? Быть может, следовало взять город штурмом? Это неоднократно предлагал сделать Т. Кокрейн. И эта точка зрения разделяется большинством военных историков. Однако Р. Рохас считает, что действия Сан-Мартина вполне укладываются в рамки его стратегии и тактики. Сан-Мартин хотел войти в Лиму не как завоеватель, а как человек, которого пригласил туда народ Перу²⁸. Действительно, так и получилось. 28 июля 1821 г. Сан-Мартин, вступивший в Лиму без единого выстрела, был провозглашен протектором независимого Перу. Эти события, как и падение Лимы, несомненно, подтвердили целесообразность его стратегии ненасильственных действий. Но только до известной степени, ибо Лима не являлась всем Перу и не было данных, свидетельствовавших о том, что внутренние области можно завоевывать подобными методами или что роялистские силы будут отступать бесконечно.

Между тем испанская армия (Кантерак, Ла Серна, Карратала) соединилась в Хаухе. Роялисты быстро пришли в себя и, воспользовавшись тем, что Сан-Мартин начал не очень удачные с точки зрения креольской элиты Лимы преобразования, чем нажил себе быстро довольно много врагов, постепенно отвоевывали позиции. Роялисты постепенно набирали силу на севере Перу, истощенном необходимостью содержать армию Сан-Мартина, на юге страны созревали роялистские заговоры. А в центре Перу, в богатой провинции Хауха, сосредоточились основные силы испанцев, отдохнувшие и реорганизованные уже к началу августа 1821 г. Кроме того, в руках роялистов оставался порт Кальяо, который довольно трудно было взять штурмом. Впрочем, Сан-Мартин к этому особенно и не стремился.

Испанцы, между тем, решили послать на помощь осажденным в Кальяо Кантерака, пока чисто символически. Их первая задача состояла в разведке боем, а также было необходимо оружие. Но в конечном итоге испанцы хотели захватить Лиму или дать Сан-Мартину генеральное сражение в соответствии с принятыми тогда правилами военного искусства, от которого он пока благополучно уклонялся.

Кантерак и Вальдес, испанские генералы, участники Наполеоновских войн, 25 августа 1821 г. вышли из Хаухи во главе армии, состоявшей из 2500 пехотинцев, 900 кавалеристов и 9 артиллерийских орудий и расчетов. В районе Сантьяго-де-Тина Кантерак разделил войска. Сам с большей частью пехоты он стал спускаться к побережью по ущелью Сан-

Марко, другая часть армии направилась по ущелью Лурин, с тем, чтобы потом всем соединиться в Сенегилье. Это произошло 5 сентября 1821 г. О продвижении испанцев Сан-Мартин узнал от взятого в плен монтонерос испанского подполковника Сóколи (Sócoli). Он сразу же обратился за помощью к жителям Лимы, которые откликнулись на призыв. Началась подготовка к обороне столицы.

За всем происходящим в Лиме с высоты Анд наблюдал Кантерак. Армия патриотов располагалась за стенами небольшого поместья Тино, имея перед собой реку Сурко. Кавалерия находилась в тылу, отряды партизан заняли все дороги впереди и позади армии. Но ни роялисты, ни патриоты не предпринимали никаких действий, стоя друг напротив друга: и те, и другие пока не хотели сражения. В конце концов, инициативу взял на себя испанец Кантерак. Он приказал 10 сентября Вальдесу с пехотой, пушками и обозом двигаться к Кальяю в обход столицы, а сам симулировал атаку на патриотов, во время которой неожиданно изменил направление движения кавалерии и раньше, чем защитники Лимы сообразили, повернул на дорогу, ведущую в Кальяю. Его никто не преследовал. Сан-Мартин довольно безразлично наблюдал за происходившими событиями, ибо он вовсе не собирался задерживать Кантерака или давать генеральное сражение. Кокрейн и многие другие офицеры были взбешены²⁹. Но Сан-Мартин, лишь несколько изменив расположение своих войск, ожидал возвращения Кантерака. Тот задержался в Кальяю недолго, т.к. провизии в городе почти не было. Прихватив казну, а также часть испанского гарнизона, 16 сентября под покровом ночи Кантерак ушел из крепости. И снова Сан-Мартин проявил пассивность, объясняя это тем, что «риск, связанный со сражением не пойдет на пользу делу патриотов»³⁰. Поднялась буря протестов, популярность Сан-Мартина пошла на убыль, хотя 21 сентября 1821 г. над Кальяю взвился двухцветный флаг, и в бухту вошли корабли Кокрейна.

Преследование Кантерака было, но без вступления в сражение. Произошло лишь одно боевое столкновение с отрядом англичанина Миллера, но войска Кантерака по численности намного превосходили отряд Миллера, и тому пришлось спасаться бегством. Далее Кантерак продвигался беспрепятственно и уже 25 сентября вернулся в Хауху.

Многие современники не понимали поведения Сан-Мартина и покинули ряды его армии. Это и Кокрейн, и Ареналес, и Лас Эрас. Сан-Мартин не только пропустил Кантерака в Кальяю, хотя имел все возможности разгромить его, но и затем не разбил его усталую армию в 1 500 человек

в Хаухе. У него также была возможность после ухода Кантерака в Кальяо разгромить оставшиеся в Хаухе войска вице-короля и т. д. Аргентинский исследователь Р. Рохас считает, что Сан-Мартина напрасно упрекали и упрекают в пассивности и даже трусости. Не следует забывать, что у него в то время армия в количественном и в качественном отношении была значительно хуже роялистской. И если бы он дал сражение, то оно скорее всего было бы проиграно, тогда для патриотов в Перу было бы потеряно все. Именно поэтому он не торопился. Тем более он понимал, что Кантерак со своими небольшими силами вряд ли атакует Лиму и что это просто разведывательный поход, как, впрочем, и случилось³¹.

Но как уже отмечалось ранее, после освобождения Кальяо опять же без единого выстрела популярность Сан-Мартина стала стремительно падать. Окончательно разладились отношения с Кокрейном из-за неуплаты жалования ему лично и его морякам. Сан-Мартин вообще отказался обсуждать этот вопрос, поскольку Кокрейна нанимал не он, а чилийское правительство. Решение пришло с неожиданной стороны. Когда роялисты появились в районе Лимы, на корабли Кокрейна было помещено золото и серебро из Монетного двора столицы, значительная часть которого принадлежала частным лицам. Адмирал силой захватил это золото и расплатился с экипажами. 26 сентября Сан-Мартин приказал Кокрейну покинуть Перу, что тот и сделал. После этого Кокрейн вел самостоятельные операции против испанцев на Тихом океане.

После разрыва с Кокрейном у Сан-Мартина появилась новая забота — создание перуанского флота, хотя в тот момент какой-либо военной необходимости в этом не было. Испанских судов в районе тихоокеанского побережья Южной Америки не было, да и не предвиделось. Тем не менее, Сан-Мартин пригласил из Чили адмиралов Бланко Энкаладу и Круса. Им была поручена организация новой эскадры. Поскольку командиры всех кораблей были иностранцами, это делало флот не очень надежным защитником берегов Перу. Так, 29 ноября 1821 г. восстал экипаж одной из шхун из-за несвоевременной выплаты жалования. Участники восстания захватили шхуну и бежали на ней в район Мексики. Корабль и команда были утрачены перуанским флотом навсегда³².

К концу 1821 г. постепенно осложнилась политическая и экономическая ситуация в Перу. Будучи протектором этой страны, Сан-Мартин начал проводить преобразования. Например, все участники Перуанского похода объявлялись состоящими на службе Перу. Было ликвидировано рабство, отменена подушная подать с индейцев, которых следовало назы-

вать перуанцами, как и потомков испанских родителей, всевозможные трудовые повинности (правда, пока это существовало на уровне декларации). Одновременно испанцам («пиренейцам») было предложено покинуть территорию Перу, оставив половину имущества (в действительности, оно конфисковалось полностью). В политической сфере Сан-Мартин все более тяготел к провозглашению монархии. Он даже послал в ноябре 1821 г. миссию в Европу, чтобы предложить перуанскую корону европейскому принцу, добиться признания независимости Перу и получить заем³³. Он также начал формирование новой перуанской аристократии из наиболее отличившихся генералов и офицеров освободительной армии. Но власть Сан-Мартина, и так весьма призрачная, распространялась лишь на Лиму и север Перу. Центральные, южные и особенно внутренние районы (так называемая «Сьерра») находились в руках роялистов, которые управляли ими по-своему. Зачастую гораздо более жестко, чем Сан-Мартин на севере и в Лиме. Расстрелы патриотов, конфискация имущества, сожжение дотла целых селений, принудительные наборы в армию довольно скоро настроили население Сьерры, особенно индейцев, против испанцев. Креолы и метисы внутренних районов для борьбы с бесчинствами испанцев создавали отряды партизан (монтонерос) и также действовали по отношению к местному населению не самым лучшим образом, а они в 1821–1824 гг. были во внутренних районах главной опорой патриотов. Впрочем, по мнению военных историков, Сан-Мартин не до конца (а если более точно, то почти совсем) использовал возможности партизан-монтонерос, и это являлось еще одной причиной затягивания войны в Перу и неудач освободителей³⁴.

Против Сан-Мартина в такой ситуации зреют заговоры и не только в среде обиженных перуанских креолов, но и в войсках. Так, в октябре 1821 г. восстал нуманцийский полк, не так давно перешедший на сторону Сан-Мартина.

Нарастающее политическое противодействие, экономические и военные проблемы заставили Сан-Мартина принять решение о том, чтобы удалиться из Перу еще в конце 1821 г. Но бросить на произвол судьбы дело своей жизни сразу он не мог. Сан-Мартин решил обратиться за помощью к С. Боливару. Однако сначала он все же попытался изменить ситуацию сам. В частности, Сан-Мартин принял решение послать военную экспедицию в Ику (60 лиг от Лимы на юг). Во главе экспедиции он поставил Гамарру и Тристана, что оказалось большой ошибкой, поскольку и тот, и другой были лишены тактического и стратегического мыш-

ления и терялись в неожиданных ситуациях. Таким образом, конец этой экспедиции, на которую очень надеялся Сан-Мартин, оказался весьма печальным³⁵. Это поражение еще больше уронило престиж Сан-Мартина в Перу, особенно в контрасте с известием о победе соратника Боливара генерала Сукре у Пичинчи.

Значительно укрепились и позиции роялистов Перу. В Испанских кортесах о Ла Серне и его генералах заговорили как о победителях. Самому Ла Серне казалось, что ход войны окончательно удалось переломить в пользу испанцев, что внутренние районы Перу полностью на его стороне. Последующие события продемонстрировали, что это была иллюзия. А пока... Пока испанцы праздновали победу.

А Сан-Мартин уже не видел иного выхода, как обратиться за помощью к Симону Боливару. Их встреча состоялась в Гуаякиле. О ней написаны сотни томов, поэтому останавливаться на этой встрече нет необходимости. Отметим лишь, что перуанский историк Р. Варгас Угарте обращает внимание на то, что Сан-Мартин, хотя и не достиг особых военных успехов в Перу, перед встречей в Гуаякиле был не так уж беспомощен. Под его командованием находилась армия, в которой насчитывалось 7 тыс. рекрутов, правда, недисциплинированных и плохо обученных и столько же ополченцев. Да еще в Кито находилась армия в 2 тыс. чел. под командованием Санта-Круса. Всего 16 тыс. человек, хорошо вооруженных и экипированных. Эти сведения взяты Р. Варгас Угарте из перуанской «Gaceta del Gobierno» от 8 июня 1822 г.³⁶

С такими силами, как считает перуанский историк, можно было начинать решающую военную кампанию. И Сан-Мартин уже начал ее планировать. Он предполагал направить основное ядро армии в Арику, где бы они соединились с присланным из Чили подкреплением. Такие запросы уже были им сделаны. Оттуда войска должны были направиться в Десагуадеро, где они соединились бы с Лансой, а затем разбила войска Оланьеты, которые находились в районе озера Титикака. В это время аргентинцы должны были отвлечь внимание роялистов наступлением в районе Сальты, в то время как Ареналес сделал бы то же самое с армией Кантерака, находившейся в центре внутренних районов Перу. Поэтому, по мнению Р. Варгас Угарте, отправляясь в Гуаякиль, Сан-Мартин, прежде всего, хотел получить от Боливара военную помощь для осуществления данного плана. Попутно, вероятно, ставились и другие вопросы. В частности, о судьбе Гуаякиля, о политическом устройстве Перу³⁷.

Впрочем, поскольку переговоры велись за закрытыми дверями, существуют лишь косвенные свидетельства о том, как они проходили. Это дает простор для фантазии историков, которые по-разному описывают первую и последнюю встречу вождей южной и северной революции. В любом случае она оказалась бесплодной с точки зрения объединения усилий Боливара и Сан-Мартина в борьбе против роялистов. Боливар и Сан-Мартин, по-видимому, окончательно разочаровались друг в друге. Сан-Мартин считал Боливара человеком тщеславным, поверхностным, честолюбивым, но он также признавал, что этот человек сокрушит все на своем пути, чтобы добиться независимости. Именно поэтому (правда, не только поэтому) вождь южной революции как человек более миролюбивый и уступчивый принял окончательное решение удалиться с политической и военной арены Южной Америки, оставив открытым путь к завоеванию независимости для Перу более удачливому сопернику. Такова одна из многочисленных версий причин дальнейших действий Хосе де Сан-Мартина, которая появилась еще в XIX в.

В любом случае, 19 августа 1822 г. Сан-Мартин вернулся в Лиму. 20 сентября 1822 г. подал прошение об отставке и в ту же ночь выехал из Лимы и уже на следующий день через Чили и Аргентину отбыл в добровольное изгнание в Европу на бригантине «Бельграно». Он увез с собой из Перу 183 унции золота, штандарт Писарро — подарок жителей Лимы, маленький золотой колокольчик, а также право получать пожизненную пенсию от правительства Перу. Кроме того, перуанцы провозгласили его генералиссимусом и выразили благодарность за проделанную работу.

Современники и историки по-разному оценивали и оценивают этот шаг Сан-Мартина, да и вообще его вклад в дело освобождения Испанской Америки от власти метрополии. Но в данном случае интересно их отношение к Сан-Мартину как к военачальнику. Критики Сан-Мартина, тогдашние и теперешние, сосредотачивают свое внимание на его инертности в ведении войны в Перу, на деспотическом изгнании испанцев из Лимы и на том факте, что он покинул ряды борцов за независимость, преждевременно выйдя в отставку. Б. Митре, при всей его апологии Сан-Мартина, обращает самое пристальное внимание на ошибки Сан-Мартина как военачальника и полководца. В частности, он упрекает Сан-Мартина в постоянном нежелании преследовать противника. Так было не только в Перу, но и после Чакабуко, и после Майпу. Ему не нравится отсутствие у Сан-Мартина стремления рисковать. Он обязательно должен все просчитать и тщательно подготовить. Отсюда и такие неудачи в Перу,

ведь там многие было просто невозможно предусмотреть заранее. Наиболее серьезной ошибкой Сан-Мартина Б. Митре считает то, что вождь южной революции практически отдал на откуп испанцам богатую Сьерру. И вообще вел всю перуанскую кампанию крайне вяло. По его мнению, два похода Ареналеса в Сьерру были крайне плохо организованы. Перед участниками не было поставлено ясных задач. Операция У. Миллера на юге Перу в районе так называемых портов снабжения между Кальяо и Вальпараисо вместо того, чтобы стать дополнением (вспомогательной операцией) к походам Ареналеса в Сьерру, стала изолированной и не привела к положительному результату. Более того, выведя часть армии (около 700 человек) за пределы стратегического круга операций, Сан-Мартин ослабил собственную армию, теряя наступательную инициативу. Вообще, как считает Б. Митре, после вступления в Лиму Сан-Мартин допустил одну ошибку за другой, скомпрометировав свое имя как смелого и решительного генерала, который умеет соединять в любых условиях теорию и практику. Митре понимает, что все эти ошибки можно объяснить политически (так, кстати, делают многие историки),³⁸ но как с военного руководителя эти объяснения ответственности за военные поражения с него не снимают³⁹. На эти же моменты обращает внимание и Р. Варгас Угарте: упущенные военные возможности, с его точки зрения, значительно уронили авторитет Сан-Мартина как военного в глазах не только перуанцев. Он также обращает внимание и на политические просчеты Сан-Мартина⁴⁰. Р. Рохас же, как и Дж. Линч, более благосклонны к Хосе де Сан-Мартину. По их мнению, все действия Сан-Мартина были весьма логичны и реалистичны и его тактика, в том числе и военная, полностью соответствовала открыто провозглашенной политике. Сан-Мартин искренне стремился «революционизировать», а не завоевать Перу⁴¹. Он хотел, чтобы перуанцы сами добились независимости. Вероятно, в правильности такой политики можно было сомневаться, но и Боливар нашел, что освобождение Перу — нелегкая задача.

Сам Хосе де Сан Мартин признавал, что «успехи, которых я достиг в войне за независимость, в действительности уступают тем, которых добился генерал Боливар в борьбе за дело Америки⁴². В этой фразе, по мнению Р. Варгасак Угарте, весь Сан-Мартин, который отличался от Наполеона тем, что ушел с поля боя непобежденным, а от Боливара тем, что не претендовал на то, чтобы объединить под своей личной властью весь континент⁴³.

Подводя итоги Перуанского похода, первой неудачной попытке штурма роялистской цитадели, создавшей, однако, определенные предпосылки для благоприятного исхода последующего Перуанского похода С. Боливару, следует отметить, что его просчеты и ошибки в ходе ведения этой военной кампании были обусловлены его непониманием своеобразия политической и экономической ситуации в каждом из регионов Испанской Америки. Чили, Перу и Аргентина в первой четверти XIX в. не были похожи друг на друга ни по социальной структуре, ни по экономическим возможностям, ни по накалу политической борьбы. К ним надо было подходить с разными мерками. Интуитивно Сан-Мартин это почувствовал во время Перуанского похода, но справиться с ситуацией не смог. Отсюда и самые крупные военные неудачи в этом регионе: медлительность и нерешительность в борьбе с армией роялистов и, как результат, быстрая утрата завоеванных позиций.

Кроме того, на ход и результат военных операций Сан-Мартина накладывал отпечаток и его характер, воспитанный годами пребывания в армии. Ему явно удавались операции, просчитанные с математической точностью и столь же точно выполненные его подчиненными. Слабой стороной Сан-Мартина-полководца было, как представляется, почти полное отсутствие у него способности к импровизации. Впрочем, победа при Майпу не готовилась долго, так что Сан-Мартин умел менять военную тактику в зависимости от обстоятельств, но импровизация всё же давалась ему хуже. Следует довольно высоко, вслед за Б. Митре, оценить и первую военную кампанию Сан-Мартина в Сьерре. Сведениями, которые были получены в её ходе, впоследствии с успехом воспользовался С. Боливар. Однако, и здесь также нельзя не согласиться с одним из самых крупных знатоков военной истории американского континента, общественное мнение в Перу необходимо было завоевывать и с помощью удачных военных операций против роялистов, четкого плана которых у Сан-Мартина, к сожалению, не было. Вообще, по мнению Б. Митре, в Перу Сан-Мартин был больше философом, чем военным, что и привело к неудаче⁴⁴.

⁴⁴*Markham C. R.* A History of Peru. 1892; *Mitre B.* Historia de San Martin y la Emancipacion Sud-Americana. 4 v. 2 ed. Buenos-Aires, 1890; *Xose Марти.* Сан-Мартин // *Xose Марти.* Избранные произведения. Перевод с испанского. М., 1978. С. 262–271; История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000; *Lynch J.* San Martin.

Argentine Soldier. American Hero. Yale. 2009; *Terragno R. Maitland & San Martin*. Bernal. 1998 и др.

²Цит. по: *Mitre B.* Op cit. Т. II. P. 217. *Rojas R.* El Santo de la espalda. Vida de San Martin. Buenos-Aires, 1950. P. 175.

³Цит по: *Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С. 134–135.

⁴*Линч Дж.* Революции в Испанской Америке. 1808–1826. Пер. с англ. М., 1979. С. 186–187.

⁵Там же.

⁶Таковы сведения, приводимые Р. Угарте. *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Historia general del Peru. Emancipacion (1816 –1825). Т. VI. Lima, 1971. P. 78.

⁷*Ibid.*

⁸*Ibid.* P. 76.

⁹Цит. по: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 74–75.

¹⁰*Rojas R.* Op.cit. P.203.

¹¹*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 83.

¹²*Линч Дж.* Указ. соч. С. 188.

¹³*Rojas R.* Op. cit. P. 203; *Mitre B.* Op. cit. P. 679.

¹⁴Сан-Мартин присвоил полку титул «Leal a la Patria» («Верный Родине»), назвав самым первым полком перуанской армии. Затем полк был передан Боливару, когда тот вел борьбу за освобождение Эквадора. См.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 107–109.

¹⁵Два других испанских фрегата недолго служили роялистам. В ноябре 1821 г. они были направлены в Арекипу за подкреплением. Однако их действия оказались неудачными. Не имея возможности связаться с вице-королем, они были вынуждены скрываться сначала в Мексике, а затем в Гуаякиле сдались патриотам. Об этом и о морском бое подробнее см.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 101–103.

¹⁶*Ibid.* P. 87.

¹⁷*Ibid.* P. 97.

¹⁸*Линч Дж.* Указ. соч. С. 191.

¹⁹Песуэла удалился в Магдалену, а в июне 1821 г. на американском корабле отбыл в Испанию, где получил от короля титул графа Вилумы. Он умер в Мадриде в 1830 г. См.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 112–113.

²⁰*Ibid.* P. 99.

²¹*Ibid.* P. 139.

²²*Ibid.*

²³*Ibid.* P. 142.

²⁴*Линч Дж.* Указ. соч. С. 191.

²⁵*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 116.

²⁶Цит. по: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 144.

²⁷*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 8, 23.

²⁸*Ibid.* P. 679; *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 144; *Rojas R.* Op. cit. P. 212.

²⁹*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 190–191.

³⁰Цит. по: *Линч Дж.* Указ. соч. С. 193.

³¹*Rojas R.* Op. cit. P. 220–221.

³²*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 198.

³³*Линч Дж.* Указ. соч. С. 194.

³⁴Там же. С. 196.

³⁵*Ibid.* P. 213.

³⁶*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 234.

³⁷*Ibid.*

³⁸Например, российский историк И. И. Янчук, который считает главной причиной нерешительных боевых действий Сан-Мартина его стремление «в первую очередь наладить сотрудничество с роялистами и консерваторами — сторонниками независимости на путях создания монархии», а также его боязнь «самостоятельной роли в Войне за независимость народных масс». — История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX вв. М., 2010. С. 750.

³⁹*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 31, 58, 116, 679–681.

⁴⁰*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 241.

⁴¹*Rojas R.* Op. cit. P. 257–262; *Линч Дж.* Указ. соч. С. 200.

⁴²Цит. по: *Линч Дж.* Указ. соч. С. 200.

⁴³*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 262.

⁴⁴*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 678.

**ПРОСВЕТЫ И ТУПИКИ ВО ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ 1920-Х ГОДОВ: ТУАРИ.
17 СЕНТЯБРЯ 1926 ГОДА**

Беседа министров иностранных дел Франции и Германии, А. Бриана и Г. Штреземана, состоявшаяся 17 сентября 1926 г. в Туари, стала заметным событием в отношениях двух стран. Она обросла легендами и домыслами об излишней уступчивости А. Бриана и возможности для Германии освободиться от пут Версальского мира. Детективный элемент, покров тайны, сопровождавшие организацию встречи двух министров, отсутствие достоверных сведений о сути беседы лишь давали основания для толков и пересудов политиков и журналистов, как и для избыточных надежд на изменение характера франко-германских отношений.

Многое не удовлетворяло немцев в этих отношениях. Почти год прошел со времени окончания Локарнской конференции, которая, как надеялись германские политики, откроет путь к широкому пересмотру Версальского договора, а из обширной внешнеполитической программы, изложенной во время конференции Г. Штреземаном, удалось добиться, да и то с большим запозданием, лишь эвакуации зоны Кёльна, отсроченной в январе 1925 г. из-за обнаруженных нарушений Германией военных статей мирного договора: затягивались не без влияния Франции переговоры об упразднении контроля за разоружением Германии; противилась Франция не только досрочной эвакуации оставшихся оккупированными зон Рейнской области, но и существенному сокращению оккупационных войск в них. Нетерпение немцев было тем сильнее, что они в решении многих вопросов не без оснований рассчитывали на благожелательное отношение Великобритании, на поддержку О. Чемберлена. Нужно было сломить сопротивление Франции.

Чтобы прозондировать пути к соглашению с Францией, Г. Штреземан еще в Локарно сделал предложение А. Бриану о личной встрече¹. Известно, что личный секретарь и биограф немецкого министра А. Валлентин

характеризовала его как мастера использовать метод частных бесед, персональных контактов с людьми². Возможно, в желании побеседовать с Брианом tête-à-tête сыграло роль и впечатление, произведенное им на Штреземана, которого Бриан поразил тем, что более был похож не на политического деятеля, а на человека богемы, с которым легче вести переговоры в неофициальной обстановке. Суть программы предлагаемой Штреземаном беседы состояла в следующем. Со времени восстановления в 1924 г. марки и финансового оздоровления Германии, осуществленного с помощью американского капитала, Г. Штреземан и его финансовый коллега Я. Шахт, как пишет биограф А. Бриана Ж. Онже, задумали план: в обмен на финансовую помощь, которая позволила бы Франции стабилизировать франк, запросить упразднения союзнического контроля за разоружением Германии, досрочно освободить Рейнскую область и без плебисцита, предусмотренного Версальским мирным договором, восстановить Саар. Аналогичным был и план в отношении Бельгии: стабилизировать бельгийский франк в обмен на возвращение Германии Эйпена и Мальмеди³. В июле 1926 г. германо-бельгийское соглашение по этому вопросу было готово к подписанию. Но окончательное соглашение должно было быть одобрено странами, подписавшими мирный договор.

Бриан, по-видимому, предложения не отклонил, хотя и не проявил вначале особого интереса к нему. Во время беседы с Г. Штреземаном, состоявшейся в январе 1926 г., пресс-секретарь французского посольства в Берлине профессор О. Эснар, пользовавшийся особым доверием Бриана и расположением немецкого министра⁴, малоубедительно уверял последнего в том, что во время подписания Локарнских соглашений, 1 декабря 1925 г., беседа не состоялась из-за чрезмерной занятости министров⁵.

Однако вскоре отношение Бриана к этому предложению изменилось. 4 февраля 1926 г. между французским послом в Берлине П. де Маржери и Г. Штреземаном состоялся разговор по поводу предполагаемой встречи министров: в качестве «наиболее благоприятного момента» для беседы посол назвал время приема Германии в Лигу наций, то есть март 1926 г. Штреземан сразу же отверг Париж как место встречи, отметив, что «предпочел бы встретиться с Брианом в каком-нибудь небольшом городке», поскольку, как говорил немецкий министр, он «боится парижской прессы, которой нужно было бы сообщить все, о чем шла речь, чтобы избежать риска увидеть в публикации самые фантастические новости, которые потом нужно было бы опровергать»⁶. Де Маржери с этим согласился.

Однако поиски места встречи были преждевременными: в марте 1926 г. прием Германии в Лигу наций был отложен до сентябрьской сессии, поскольку возникли споры о расширении состава Совета Лиги наций.

Франция и Англия настаивали на вступлении Германии в Лигу наций в качестве неперемного условия подписания Локарнских соглашений. Германия согласилась на это условие, но потребовала предоставить ей постоянное место в Совете этой международной организации. Однако Франция и в меньшей степени Англия сразу же стали размышлять о том, как уменьшить значение факта присутствия Германии в Совете Лиги. В качестве противовеса Германии Франция на постоянное место в Совете выдвинула кандидатуру Польши, члена Лиги с момента ее создания. Как писала газета «Temps», «было бы вопиющей несправедливостью, если бы Германия в вопросах, стоящих между нею и Польшей, могла действовать в Совете, тогда как Польша не могла бы подать своего голоса в тех же условиях и при тех же гарантиях»⁷. Тут же еще два члена Лиги со времени ее основания – Испания и Бразилия – также потребовали предоставить им постоянные места в Совете Лиги. Расширение состава Совета Лиги неизбежно должно было снизить эффект от приема Германии в Лигу и эффективность ее пребывания в Совете. Но, еще готовясь к столь важному шагу, как вступление в Лигу наций, Вильгельмштрассе разработал «Меморандум», в котором говорилось: «Ценность нашей (т.е. Германии. – Н.Е.) принадлежности к Совету Лиги наций определяется узкими рамками его. Дальнейшему увеличению числа мест в Совете следует поэтому противиться»⁸. Германия активно противилась расширению состава Совета Лиги. А. Бриан защищал право Польши на постоянное место в Совете. Выступая в Палате депутатов, он заявил: «Я высказался бы за предоставление Польше постоянного места в Совете, даже если бы я был представителем Германии». Бриан возражал против обвинений его в «макиавеллизме и нелояльности» по отношению к Германии и против того, что «вступление Германии в Совет должно быть сенсационным и исключительным, без единой мысли о других нациях», также претендующих на мандат члена Совета Лиги наций»⁹.

К началу мартовской сессии Ассамблеи Лиги наций все эти проблемы не были решены. О личной встрече и переговорах Бриана и Штреземана не могло быть и речи. Бриан занимался поисками выхода из тупика, добиваясь предоставления постоянного места в Совете одновременно с Германией и Польшей, а Штреземан старался помешать этому.

Но и эта занятость международными проблемами не отодвинула озабоченности премьер-министра Бриана внутренними трудностями, переживаемыми Францией. Страна жила в атмосфере финансового кризиса. Палата депутатов отвергала один за другим проекты стабилизации франка, разрабатываемые правительствами Левого Картеля, что служило причиной падения правительств Картеля. В этих условиях и возникла идея привлечь Германию к оздоровлению франка. А. Бриан обратился к немецкому министру с просьбой ускорить выплату репараций путем мобилизации промышленных облигаций и досрочно выкупить Саар¹⁰. Штреземан в своих дневниках отметил, что это предложение было для него неожиданностью. Но был ли Штреземан искренен в этих записях? Возможно, его не удовлетворяло отсутствие указаний на «плату» за эту финансовую помощь Франции? Не испытывая особого удовольствия от перспективы свести эвентуальные переговоры к экономическим проблемам, он предложил Бриану повременить с обсуждением этого вопроса¹¹. Но ждать Франция не могла: помимо внутренних финансовых проблем остро встал вопрос о необходимости ратификации соглашений с Англией и США о военных долгах. Финансовая сделка с Германией, по мнению близких Бриану политических кругов, могла оказаться полезной. Так, министр финансов в правительстве Бриана Ж. Кайо говорил американскому банкиру Эберстаду: «Если бы Германия взяла на себя долги, о которых мы заключили соглашение с нашими “дорогими” союзниками, я был бы очень доволен»¹². Эберстадт передал содержание этого разговора Штреземану. На вопрос последнего о встречных уступках Франции американец передал мнение Кайо о «возможности решить проблему Саара» и о том, что «продолжение оккупации для него не представляет никакого интереса»¹³. Обмен мнениями по этому вопросу продолжался. И не прервался даже после того, как 27 июля 1926 г. к власти вернулся Р. Пуанкаре, сменивший А. Бриана на посту премьер-министра.

Стремление Франции использовать помощь Германии в поправке своих финансовых дел, а также и приближение сентябрьской сессии Ассамблеи Лиги Наций, где Германия должна была стать членом этой организации, побудили Штреземана сформулировать программу возможных франко-германских переговоров. 5 августа из города-курорта Вильдунгена, где он отдыхал, Штреземан через профессора Эснара направил Бриану письмо с перечнем вопросов, решение которых ему «представлялось срочным». Прежде всего, он просил пересмотреть ранее принятое союзниками решение о сокращении на 3 тысячи человек численности оккупа-

ционных войск в Рейнской области, увеличив эвакуируемый контингент до 10 тысяч. Более того, он вообще ставил под сомнение необходимость продолжать оккупацию. Он пишет Бриану, что, по его мнению, «соглашение Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга в тяжелой промышленности... сделает еще более непонятным продолжение оккупации». Далее он старался приуменьшить роль и влияние очень беспокоивших Францию националистических лиг, отрицал, что этим организациям присущ реваншистский дух. Он настаивал на том, чтобы Франция и Англия «уже во время сессии Лиги наций» поддержали германо-бельгийское соглашение о возвращении Эйпена и Мальмеди Германии, причем придавал большое значение поддержке Бриана. И, наконец, выражая готовность Германии принять участие в урегулировании французских финансовых проблем мобилизацией облигаций, Штреземан заметил, что «Германия, естественно, не может проявить инициативу в этом вопросе»¹⁴.

На это послание Штреземана Бриан ответил личным письмом поверенному в делах Франции в Берлине Лабуле, который и передал его содержание Штреземану в беседе, состоявшейся 22 августа. Нельзя не согласиться с мнением французского историка Ж. Сюареза, что достаточно перечитать страницы дневника Штреземана с описанием обмена мнениями в канун Туари, чтобы убедиться, «что Бриан не так легко уступал немцам, как это представляют его противники»¹⁵. Об этом свидетельствует и раздражение, вызванное у Штреземана ответом французского министра, ибо удовлетворительным (да и то относительно!) был ответ Бриана лишь по поводу Рейнской области: Бриан сообщил о решении союзников – Англии, Франции и Бельгии – вывести не три, как предполагалось раньше, а шесть тысяч человек оккупационных войск и о сокращении на 22% числа реквизируемых оккупационными властями квартир¹⁶.

Недовольство Штреземана вызвала позиция Бриана по вопросу о националистических союзах и об экономических отношениях между Францией и Германией. Бриан, как и следовало ожидать, не принял объяснений Штреземана относительно военных и полувоенных союзов, подчеркнув, что беспокоит Францию то обстоятельство, что «эти организации, представляющие миллионы человек, в нужный (для Германии) момент могут усилить рейхсвер». Когда Лабуле передал мысли Бриана по этому поводу, Штреземан назвал опасения Бриана и французские телеграммы германскому правительству о военных союзах «настоящими произведениями Пуанкаре 1923 года» и «воскрешением старых историй» в момент, когда Германия готовится вступить в Лигу наций¹⁷. Когда же Лабуле далее

сообщил, что Бриан не понимает, «в чем продолжение оккупации мешает подъему немецкой промышленности», то Штреземан вновь стал взывать «к духу примирения»: «Некогда, – говорил он, – рейнских промышленников представляли сторонниками идеи реванша... Теперь эти круги стремятся к широкому соглашению с Францией... Почему же Франция придает еще такое значение оккупации? Продолжение оккупации наносит ущерб франко-германским отношениям в целом»¹⁸.

«Согласие Германии» на мобилизацию облигаций Бриан приветствовал, но, как и Штреземан, он не хотел, чтобы инициатива исходила от французского правительства, так как «тогда речь шла бы об изменении в выполнении плана Дауэса»¹⁹. Сложность вопроса об инициативе была в следующем. Когда Бриан думал об инициативе с ускорением выплаты репараций с германской стороны по плану Дауэса, не вспоминал ли он опыт Франции 1873 г., досрочно расплатившейся с пятимиллиардной контрибуцией пруссакам? Официальное же обращение правительства Франции с подобным предложением к Германии дало бы основания последней требовать ревизии принятого в 1924 г. плана Дауэса. Это несомненно понимал и Штреземан, и его, конечно, раздражало стремление Бриана навязать инициативу Германии, как и его желание приписать Германии идею участия в оздоровлении французской валюты. И не отклоняя в принципе этого участия, Штреземан хотел получить за него наивысшую цену. «Лично я мог бы только одобрить изменение условий платежей, если бы за этим следовали политические уступки», – говорил он Лабуре 22 августа. Ускорению выплаты репараций, продолжал немецкий министр, должны сопутствовать «компенсации политического порядка». И в качестве одного из главных политических требований Штреземан выдвигает требование эвакуации Рейнской области²⁰. Идея, наконец, Штреземаном была высказана.

Интерес представляет окончание письма Бриана: просьба к немецкому коллеге «оставаться в рамках возможного, чтобы слишком быстрое нарастание германских требований не смутило отношений (между Францией и Германией)»²¹. Что это замечание не случайно, говорит тот факт, что Эснар, еще 7 августа сообщая Штреземану о первом впечатлении от беседы с Брианом по поводу программы, представленной немцем в письме из Вильдунгена от 5 августа, пишет: «Картина несколько сложнее, чем вы предполагали... Необходимы осторожность и усердие (в выяснении и уточнении некоторых пунктов. – *Н.Е.*)»²². К необходимости «действовать с большой осторожностью» призывала в это время и газета «Le Temps»²³.

Так уже к 22 августа определилось направление переговоров – взаимосвязь экономических и политических проблем, определились позиции обоих министров, отличавшиеся противоречиями по всем спорным вопросам. Не случайно, предвидя трудности, Штреземан настойчиво добивался свидания с Брианом наедине, когда можно создать психологический климат доверительности.

8 сентября 1926 г. Германия стала членом Лиги наций. Неделю, предшествующую Туари, Женева жила в ожидании встречи А. Бриана и Г. Штреземана. В прессе высказывались разные соображения по поводу проблематики переговоров. Бриан в заявлениях прессе замечал, что с Штреземаном он будет говорить о франко-германских отношениях, «вытекающих из последних событий» и напоминал, что все разговоры «будут основаны на существующих договорах»²⁴. Время – четверг, 17 сентября, и место – Туари назывались только в официальных секретных документах. Журналистам оставалось заключать пари о том, что они смогут проникнуть в эту тайну.

Немцы к беседе готовились основательно. Еще утром 17 сентября делегация, прибывшая в Женеву, в течение почти двух часов занималась обсуждением вопросов предстоящих переговоров. Не исключено, что заседание было устроено с целью замаскировать отъезд Штреземана в Туари, дезинформировать прессу. Тем не менее, утром 17-го делегация заседала. За основу рассуждений было взято решение правительства, принятое накануне отъезда делегации в Женеву: речь шла о возможности выбора между общим урегулированием всех проблем франко-германских отношений либо, если такое урегулирование окажется неприемлемым, – постановкой и решением отдельных важных вопросов, в частности, об оккупированных зонах Рейнской области.

Что подразумевали немцы под «общим урегулированием»? Ход рассуждений, как позже, 20 сентября, докладывал об этом на заседании правительства статс-секретарь Пюндер, был следующим: «На выкуп Саарских рудников – с плебисцитом или без него – нужно соглашаться». С возвращением Саара встает проблема освобождения Рейнской области от оккупации²⁵, иначе, как говорил еще 22 августа в разговоре с Лабуле Штреземан, «Саар просто остался бы оккупированной территорией»²⁶. И на совещании делегации в Женеве вопрос так и ставился: возвращение Саара должно повлечь за собой «общее прекращение оккупации». «Если Бриан в этом вопросе пойдет навстречу, – говорил Пюндер, – тогда нужно обсуждать известную проблему облигаций... Можно называть сумму

в 1,5 млрд. золотых марок, если вознаграждением будет не сокращение срока оккупации, а немедленная эвакуация»²⁷. С такими напутствиями Штреземан отправился на встречу с А. Брианом.

Тут и начинался детектив. Многочисленные корреспонденты, прибывшие в Женеву для освещения приема Германии в Лигу наций, были в растерянности. Все пари, заключенные ими на огромные суммы о том, что место и время ожидаемой конфиденциальной встречи министров иностранных дел Франции и Германии – Аристида Бриана и Густава Штреземана станут им известны, были проиграны: министры исчезли!

С самими же политиками все происходило как в любимых французским министром полицейских романах: автомобили А. Бриана и Г. Штреземана разными путями направились к намеченному месту на берегу озера, преследуемые автомобилями вездесущей прессы. Через несколько километров министры вышли из своих машин, пересели в моторную лодку, оставив раздосадованных журналистов на берегу. Проплыв несколько кабельтовых, лодка причалила к берегу, затем автомобиль доставил, наконец, политиков в небольшую французскую деревушку Туари. Вместе с переводчиком, профессором Освальдом Эснаром они остановились в постоялом дворе супругов Леже, славившемся в округе своей кухней²⁸.

Деловой разговор²⁹, продолжавшийся с 13 часов до 17.30, начался с обмена комплиментами. Штреземан поздравил Бриана с успехом: ему удалось частично уравновесить вступление Германии в Лигу наций признанием за Польшей «права на переизбираемость при выборах в Совет по окончании ее мандата» непостоянного члена Совета. Бриан в ответ поздравил Штреземана с приемом Германии в Лигу наций, а затем сказал, что первым результатом присутствия Германии в Лиге могут стать ее предложения относительно франко-германских отношений, урегулирование которых возможно двумя методами: путем решения отдельных проблем, либо можно попытаться найти «общее решение всех проблем в рамках (Версальского) договора и предусмотренное договором». Далее Бриан заметил, что «вышеуказанное общее решение невозможно раньше урегулирования проблемы безопасности (то есть разоружения Германии. – *Н.Е.*) и оно тесно связано с урегулированием репараций»³⁰.

Очевидно, Штреземан хотел заставить Бриана высказаться по политическим проблемам, поэтому, как пишет Эснар, он «решительно ограничил поставленные проблемы», начав с финансовых предложений³¹. Поведав Бриану о том, на какое сильное сопротивление («почти неужи-

данное для меня», – говорит Штреземан) наталкивается в Германии идея мобилизации облигаций железных дорог посредством изменения условий функционирования плана Дауэса, Штреземан все же назвал сумму в 1,5 млрд. марок, на которую возможно было бы осуществить эту операцию. На что Бриан, улыбаясь, заметил, что «усилия ему кажутся незначительными». И лишь теперь Штреземан высказался яснее: «Речь пока шла только о частичном урегулировании, – говорит он. – Перспективы были бы другими, если бы рассматривался вопрос ... об окончательной фиксации германского долга»³². Иными словами, Штреземан поставил вопрос о ревизии плана Дауэса. Развивая эту мысль, немецкий министр, наконец, высказал и свою заветную мечту: «Я предвижу ожесточенную борьбу в Берлине, если соглашусь на вашу комбинацию, – говорит он Бриану. – Соглашение на этой основе возможно, если речь идет не о сокращении срока оккупации, скажем на два года, а о выводе войск из обеих зон насколько возможно скорее, может быть, к 30 сентября 1927 года, после того, как наше соглашение будет окончательным»³³.

Другая сторона финансовой проблемы – о выкупе Саара – оказалась более простой для обсуждения. Стоимость рудников Саара немцы определяли в 300 млн. золотых марок. В целом возможную финансовую помощь Франции со стороны Германии Штреземан определял так: 300 млн. марок за Саар, плюс немедленная мобилизация обязательств по плану Дауэса, то есть размещение на международном денежном рынке облигаций железных дорог и промышленности, проценты с которых гарантировали поступления репарационных взносов на сумму в 1 500 млн. марок, из которых Франция могла претендовать на положенные ей 52 %, то есть на 750 млн. Таким образом, Франция смогла бы получить от соглашения с Германией несколько более 1 млрд. золотых марок³⁴.

Договорились, что после одобрения правительствами Франции и Германии проект финансового соглашения будет передан для изучения техническим экспертам. При этом Бриан настаивал на выполнении двух предварительных условий: привлечении к переговорам о плане Дауэса других заинтересованных стран-получателей репараций, что было вполне естественно; и урегулировании вопроса о безопасности. «Бриан заявил, – пишет в отчете о Туари Эснар, – что в любом случае переговоры могут начаться только после изучения и урегулирования вопроса безопасности. Здесь все зависит от доброй воли Германии»³⁵.

Из этого замечания А. Бриана логически вытекал вопрос о военном контроле за разоружением Германии. Штреземан, замечает Эснар, «осте-

регался уточнить, но было ясно, что он думает о том, что общее соглашение не должно провалиться из-за постоянного контроля. В настоящий момент главное – ускорить прекращение контроля в его современной форме». Бриан же вновь настаивал на том, что упразднение Межсоюзной комиссии военного контроля (МКВК) зависит именно от немцев, от выполнения ими «всех положений о разоружении, отмеченных комиссией», ибо не получено еще удовлетворения по пунктам, «которые особенно занимают французское общественное мнение и к которым оно особенно чувствительно»³⁶. Бриан просил Штреземана проследить за выполнением всех требований МКВК, чтобы затем дать французскому представителю в Конференции послов инструкцию об отзыве комиссии. Это заявление Бриана отражало положение, сложившееся на переговорах между МКВК и представителями Германии: от немцев требовали ликвидировать отмеченные во время инспекции нарушения военных статей Версальского договора, прежде чем союзники отзовут контрольную комиссию.

Разумеется, здесь, в Туари, Бриан не обошел вниманием особенно беспокоившую его проблему – существующие в Германии многочисленные националистические военные и полувоенные организации, в частности, «Стальной шлем», незадолго до того издавший учебник с точной инструкцией по устройству тиров, походной службе, военном обучении и т.д., и о незаконной деятельности рейхсвера. Но, как настойчиво Бриан следил за деятельностью националистических союзов, так Штреземан упорно уходил от решения этого вопроса, прибегая к самым изощренным способам объяснения их популярности в Германии. Он, по-прежнему, утверждал, что эти союзы не опасны, что их существование – фактор психологический: участвуя в деятельности этих союзов, немцы стремятся уйти от «скуки и серости жизни», ибо «республика в Германии ... застыла в своем черном рединготе; народу не хватает красок, радости, движения». Он привел и слова министра Рейхсвера Гесслера, будто бы объясняющие популярность этих союзов, о том, что-де старый солдат имел раньше три вещи – военную музыку, униформу, любовь женщин, и «Стальной шлем» дает это людям³⁷. В своем дневнике Штреземан заметил, что это объяснение вполне удовлетворило Бриана, умиленного этим стремлением немцев «надеть на голову каску и представлять себя настоящим воином»³⁸. Однако, если учесть постоянное внимание Бриана к этой проблеме, то следует скорее признать достоверным замечание Эснара, который пишет, что Бриан серьезно возражал против такого объяснения существования военных союзов³⁹. Да и записи Штреземана говорят о другом. Цитирую-

щий неопубликованные материалы Штреземана американский историк Х. В. Гаттке пишет: Бриан ощущал беспокойство, ибо в конце беседы в Туари он вновь вернулся к этим вопросам: «Следите за вашим рейхсвером! У меня такое чувство, что рейхсвер делает всевозможные вещи, о которых вы ничего не знаете... Среди нерешенных проблем есть одна, которая особенно меня беспокоит – патриотические ассоциации»⁴⁰. И ни о каком «умилении» речь нет.

Когда Штреземан заговорил о Рейнской области, Бриан перечислил все, уже сделанное здесь союзниками, отметив, что, по сути, выполнены все требования Штреземана, предъявленные в Локарно: эвакуирована зона Кёльна, смягчен оккупационный режим в оставшихся двух зонах, сняты ограничения периода Рурской оккупации, существенно сокращена численность оккупационных войск. Он подтвердил решение союзников о выводе еще 6 тысяч человек и о возвращении французами местному населению 22 % реквизированных оккупационными властями квартир. Штреземан, как обычно, пропустил положительную часть тирады Бриана, заметив, что освобожденные французами квартиры заняты были англичанами и бельгийцами, что нимало не облегчило положения местного населения. А затем заявил, что хотя он и считает, что мало вывести из Рейнской области 6 тысяч человек, он «отказывается требовать новой серии сокращения оккупационных войск, если Бриан допускает общую эвакуацию войск». И спрашивает тут же: «Будут ли эти 6 тысяч выведены до конца сентября?»⁴¹. Ни отчет Эснара, ни записи самого Штреземана не дают возможности судить о реакции Бриана на слова немецкого министра об «общей эвакуации». Есть лишь ответ на конкретный вопрос: Бриан подтвердил, что к концу сентября 6 тысяч солдат из Рейнской области будут выведены, что приказы по этому поводу уже отданы⁴².

Что же все-таки давало повод Штреземану в дальнейшем утверждать, что Бриан согласился на эвакуацию Рейнской области? Несколько позже, когда «политика Туари» уже оказалась под сомнением, сам Штреземан дал невольное пояснение на этот счет. 9 ноября в беседе с французским послом де Маржери Штреземан говорил: «Бриан не протестовал, когда я сказал, что в случае благоприятного исхода наших переговоров, оккупированные территории могли бы быть освобождены до 30 сентября 1927 года». На что де Маржери ответил: «Если Бриан не протестовал, это еще не значит, что он был согласен с вами относительно срока». Штреземан возражал: «В Туари Бриан наверно имел впечатление, что названный срок достаточен»⁴³. Очевидно, Штреземан в Туари молчание Бриана при-

нял за согласие, что бывало с ним нередко. Это состояние, когда Бриан не говорил ни «да», ни решительное «нет», французский историк Бо де Ломени назвал «полуобязательствами», которые немецкий министр толковал так, как было бы это благоприятно ему⁴⁴.

Помимо вопросов принципиально важных для развития франко-германских отношений, Штреземан, среди прочего, затронул волновавший его частный вопрос: он с беспокойством встретил возвращение к власти в июле 1926 г. противника политики франко-германского сближения Р. Пуанкаре. Насколько прочно правительство Пуанкаре? Как долго он продержится у власти? Это были вопросы, которые волновали Штреземана. «Принимая участие в стабилизации франка, я не хотел бы стабилизировать Пуанкаре», – говорит он. Бриан, отношения которого с Пуанкаре не отличались особой теплотой, пытался успокоить Штреземана, высказал предположение о недолговечности премьерства Р. Пуанкаре и иронично добавил: «Никто ведь и не подумает, что вы делаете уступки из любви к Пуанкаре. Впрочем, – добавляет он, – это забавная шутка мировой истории, что вступление в Лигу наций и франко-германское соглашение осуществляются как раз в то время, когда этот человек является премьер-министром»⁴⁵.

Завершая беседу, А. Бриан заметил, что в ожидании «более полного соглашения», которое возможно лишь после «устранения больших трудностей», оба правительства «должны стараться использовать всякую возможность, чтобы улучшить их отношения, например, соглашениями в экономической области». На это «Штреземан с готовностью согласился»⁴⁶.

В двух абзацах коммюнике, опубликованного по возвращении министров в Женеву, хоть и говорилось о «сердечности» атмосферы переговоров и о том, что оба министра «изыскали» средства для решения в интересах Франции и Германии и «в духе подписанных договоров» всех проблем франко-германских отношений, все же отмечалось, что Бриан и Штреземан возобновят свое сотрудничество лишь после одобрения правительствами «взглядов обоих министров» на проблему общего решения⁴⁷.

Сложность ситуации состояла в том, что в отличие от Штреземана, который обеспечил себе прочный тыл, получив одобрение и рекомендации правительства относительно возможного хода и результатов переговоров в Туари, у А. Бриана не только не было такого надежного тыла, но более того, ему предстояло встретиться с Р. Пуанкаре, который однажды уже отверг робкую попытку Бриана стать на путь соглашения с Германи-

ей, когда в 1922 г. в Канне дал согласие на созыв международной экономической конференции с участием Германии и Советской России.

В Париже действительно царило смятение. Первое же сообщение о «бегстве» министров, о завтраке в Туари вызвало тревогу в правых политических кругах. Нетерпение проявлял Раймон Пуанкаре, который, несомненно, был информирован о беседе министров и, как утверждает Ж. Онже, «дал знать Бриану, что он – не противник мобилизации облигаций Дауэса», но против уступок Германии, затрагивающих территориальные статьи Версальского договора⁴⁸. Теперь же, как пишет в своих воспоминаниях Ж. Табуи, «он вызывает Бриана к телефону по несколько раз в день. Премьер-министр говорит Бриану: “Завтрак в Туари произвел плохое впечатление в правительственных и парламентских кругах Франции. Больше всего опасаются, чтобы вы не пошли на новые уступки Германии”»⁴⁹. И как в 1922 г. из Канн, так теперь из Женевы Бриан спешит в Париж. Уже 18 сентября он беседует с прессой, 20 сентября отчитывается перед правительством, заседавшим под председательством президента республики Г. Думерга. Но вот что интересно: когда пресса неистовствовала, называя политику Бриана «прыжком в неизвестность», прибегала к неэстетическим образам, сравнивая ее с политикой «дохлой собаки, плывущей по течению»⁵⁰, высказывалась **pro et contra франко-германского сближения**, ни одно официальное сообщение о Туари не содержало конкретных сведений о встрече. Беседуя с парижскими журналистами, Бриан отказался что-либо сказать о Туари, «пока правительство не поставлено в известность». О заседании правительства 21 сентября агентство Гавас коротко сообщило: Бриан «довел до сведения правительства (информацию – *Н.Е.*) о ходе беседы с Штреземаном»; правительство единодушно признало, что переговоры представляют интерес и их полезно продолжить, что «на следующем заседании» министры приступят к рассмотрению технических проблем, которые могут встать на переговорах⁵¹. О сути доклада Бриана, о том, что министры «единодушно одобрили» – ни слова.

Штреземан, впервые окунувшись в атмосферу Лиги наций, не спешил покидать Женеву. Он много выступает перед различными слушателями. Во всех выступлениях он излагает свой «символ веры» – требование ревизии Версальского договора. 21 сентября, выступая в пивной Гамбринус перед немецкой колонией Женевы, он говорит о несовместимости оккупации «Рейнской области и Саара с новой ситуацией, созданной вступлением Германии в Лигу наций». В этом выступлении ясно

обозначена была мысль о том, что Туари является логическим продолжением Локарно. На следующий день в беседе с немецкими и иностранными журналистами он говорит: «В Женеве мы сделали большой шаг, так как отныне Франция и Германия не обсуждают более вопрос о большем или меньшем сокращении оккупационных войск, но о полной эвакуации Рейнской области и возвращении территории Саара Германии»⁵².

Ж. Онже полагает, что в том, что из «большого проекта Туари не вышло ничего достойного внимания», виноват Штреземан, речи которого настораживали чрезмерными требованиями, а Бриан представлял перед значительной частью общественного мнения Франции в не лучшем свете⁵³. Отчасти Ж. Онже прав. О чем свидетельствовала немедленная реакция во Франции: 26 сентября, выступая в Сен-Жермен-ан-Ле, Р. Пуанкаре напоминает «об интегральной ответственности Германии за возникновение войны»; на следующий день в Бар-ле-Дюк он повторяет эту идею, но говорит и «о готовности к сближению со страной по ту сторону Рейна, если она предварительно и решительно представит доказательства своего материального и морального разоружения»⁵⁴. Главной причиной несостоятельности «проекта Туари», даже в единственной части – финансовой – которая, казалось, вполне могла быть реализована, было положение во Франции. С возвращением к власти Р. Пуанкаре начался процесс финансового оздоровления. В результате проведения ряда финансовых декретов курс франка был стабилизирован уже в ноябре 1926 г. Исчез основной аргумент в пользу соглашения с Германией. В помощи Германии Франция более не нуждалась.

А тем временем между Брианом и Штреземаном уже стала развиваться своего рода дуэль через границы, в которой министры говорили на «разных языках». 23 ноября в рейхстаге в ответ на упреки депутатов в том, что беседа в Туари не оказала никакого влияния на вопрос эвакуации и другие вопросы, немецкий министр иностранных дел утверждал, что трудности не непреодолимы, «развитие международной политики остро поставило проблему оккупированных территорий». Далее он говорил, что «франко-германские отношения – основа консолидации Европы, и эта задача не может быть решена, пока не будет устранен барьер, созданный оккупацией»⁵⁵. Для Бриана последняя неделя ноября была весьма напряженной: 23-го он отчитывается в иностранной комиссии палаты депутатов; 24-го – в сенатской комиссии по иностранным делам; 29–30 ноября – в палате депутатов при обсуждении бюджета МИД. Он утверждал, что Франция и Германия ведут переговоры в рамках существующих

договоров и «стремятся путем отдельных экономических и финансовых соглашений создать атмосферу умиротворения», что «эти переговоры не должны непременно привести к досрочной эвакуации Рейнской области». Он подчеркивал важность новой политики сближения с Германией, когда «прием в Женеве вернул ей место великой державы», возражал Штреземану, который в рейхстаге заявил, что великие задачи, рассмотренные в Туари, не могут быть решены, пока «стена, созданная оккупацией» не упадет. Бриан же утверждал, что «простая беседа не может изменить положения, существующего между Германией и Францией»⁵⁶. Последняя фраза прозвучала как похоронный звон по надеждам Штреземана.

Таким образом, если стабилизация франка, сделав ненужной финансовую помощь со стороны Германии, устранила почву для соглашения в экономической области, то разногласия в политической сфере, существовавшие между Францией и Германией до Туари, не преодоленные в беседе Бриана и Штреземана с глазу на глаз, послужили причиной того, что Туари так и осталось «бесплодным деревом».

Не менее существенной причиной несостоятельности Туари было и резко отрицательное отношение к франко-германскому соглашению, как в экономической, так и в политической области, со стороны Англии и США. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, осведомленный о встрече Бриана и Штреземана, проявил настороженность: как бы Франция не получила больше причитающихся ей 52% германских платежей. Он заявил Штреземану, что «Англия должна быть принята во внимание»⁵⁷. А после Туари английские банковские круги выступили против финансовой стороны франко-германского соглашения, о чем Штреземан говорил в беседе с советским полпредом в Берлине⁵⁸. С другой стороны, в политических и деловых кругах проявился настоящий страх перед призраком франко-германского альянса, союза двух великих континентальных держав без участия Англии, а возможно и направленного против нее. Появлению этих настроений способствовали и лапидарность официальных французских сообщений о Туари и заседаниях правительства, и несдержанность выступлений Штреземана, и некоторые публикации во французской прессе. В своей статье в «*Le Matin*», например, Ж. Зауэрвейн писал: «Если бы альянс между Францией и Германией был осуществлен, его силу было бы трудно предугадать... Объединившись, обе страны создали бы новую систему равновесия в мире»⁵⁹.

Американцев волновала проблема размещения на денежном рынке Америки немецких облигаций. Советник посольства Германии в Вашингтоне Дикхоф сообщал в Берлин, что американские банковские и финансовые круги проявили недоверие к Туари, считая, что «Германия и Франция, в конце концов, хотят, чтобы счет оплатила Америка», что финансирование соглашения между ними в США считают возможным лишь при ратификации Францией соглашения о военных долгах США. А возможность политического сближения между Германией и Францией, по сообщению Дикхофа, была встречена в США с сомнением и скепсисом⁶⁰.

Итак, попытка быстрого и полного урегулирования проблем франко-германских отношений оказалась неудачной. Ожидания Штреземана оказались явно завышенными. Просвет, который появился в отношениях между Францией и Германией в результате приема последней в Лигу наций и беседы в Туари, обернулся новым тупиком и необходимостью новых поисков выхода из него.

Министрам иностранных дел Франции и Германии – А. Бриану и Г. Штреземану пришлось вернуться к прежнему способу общения, то есть к постепенному, пошаговому движению к сближению. Но показателем того, как изменилась Франция, может служить то обстоятельство, что в отличие от 1922 г., когда только за согласие на созыв международной экономической конференции с участием Германии и Советской России Бриан вынужден был покинуть пост главы Кэ д'Орсэ, теперь он не только не получил отставку, но в определенной степени можно говорить, что его поддержал главный противник политики сближения Р. Пуанкаре. Примечательно, что идея связать проблемы репараций и эвакуации Рейнской области вновь возникнет в 1928 г., когда Г. Штреземан прибудет в Париж для подписания пакта Бриана-Келлога. Именно Раймон Пуанкаре возродил сформулированную в 1925 г. А. Брианом триаду – репарации, военные долги, эвакуация. В разговоре с Г. Штреземаном 27 августа 1928 г. Р. Пуанкаре говорил: «Конечно, оккупация не имеет ничего общего ни с Локарно, ни с пактом Келлога. Она скорее является гарантией репараций и, следовательно, этот вопрос может быть урегулирован только одновременно с вопросом о репарациях и долгах. Маловероятно, чтобы проблема оккупации могла бы быть решена отдельно»⁶¹. Задача урегулирования всех проблем, осложнявших отношения между двумя соседними странами, вновь заставляла политиков искать способы их решения в условиях

быстро меняющейся во второй половине 1920-х годов международной обстановки.

¹*Stresemann G. Les papiers. Six années de politique allemande. Vol. 2. Paris, 1932. P. 292.*

²*Vallentin A. Stresemann. Paris, 1931. P. 154 – 155.*

³*Unger G. Aristide Briand. Paris, 2005. P. 518.*

⁴Профессор О. Эснар искренне считал возможным вывести франко-германские отношения из состояния конфронтации в результате переговоров или контролируемых уступок. Эснар был рядом с А. Брианом на всех крупных международных конференциях, сессиях Совета Лиги наций, обеспечивал конфиденциальные связи между Брианом и Штреземаном, сыграл значительную роль в подготовке беседы министров в Туари. – См. об этом: *Bariéty J. Le professeur Oswald Hesnar, collaborateur de Briand // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Paris, 2007. P. 436–437.*

⁵См. об этом: *Stresemann G. Op. cit. P. 292.*

⁶*Ibidem.*

⁷*Temps. 1926. 10 février.*

⁸*Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 – 1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amt. Serie B. 1925–1933. Bd. 1,1. Göttingen, 1966. S. 72.*

⁹*Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Vol. 128. Session ordinaire de 1926. T. 1. P. 1. Paris, 1927. P. 903, 1001.*

¹⁰Цит. по: *Stresemann G. Op. cit. P. 321.*

¹¹*Ibidem.*

¹²Цит. по: *Ibidem. P. 303.*

¹³*Ibidem. P. 303 – 304.*

¹⁴*Ibidem. P. 313–315; Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie B. Bd. 1,2. S. 16–18.*

¹⁵*Suarez G. Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Vol. 1–6. Paris, 1938 – 1952. Vol. 6. L'artisan de la paix. 1923–1932. P. 205–206.*

¹⁶См. запись беседы Штреземана с Лабуде: *Stresemann G. Op. cit. P. 317; Akten... Bd. 1,2. S. 110.*

¹⁷См.: *Stresemann G. Op. cit. P. 318; Akten... Bd. 1,2. S. 110.*

¹⁸*Stresemann G. Op. cit. P. 321; Akten... Bd. 1,2. S. 113.*

¹⁹*Stresemann G. Op. cit. P. 322; Akten... Bd. 1,2. S. 113.*

²⁰*Stresemann G. Op. cit. P. 322 – 323; Akten... Bd. 1,2. S. 114.*

²¹*Akten... Bd. 1,2. S. 114 – 115.*

²²См. письмо Эснара в приложении к письму Штреземана от 5 августа: *Ibidem. S. 19.*

²³*Le Temps. 1926. 10 août.*

²⁴*Le Temps. 1926. 16 septembre.*

²⁵*Akten... Bd. 1,2. S. 221, 222.*

²⁶*Stresemann G. Op. cit. P. 322 – 323.*

²⁷*Akten... Bd. 1,2. S. 222.*

²⁸О том, как Бриан и Штреземан добивались в Туари см.: *Unger G.* Op. cit. P. 517–518.

²⁹Беседа в Туари реконструирована на основе тщательного сопоставления нескольких документов: дневниковых записей Г. Штреземана; отчета о Туари от 20 сентября, составленного Штреземаном; справки, написанной под диктовку Штреземана его секретарем вечером 17 сентября; двух отчетов, составленных профессором Эснаром. Отчеты Эснара, по свидетельству Ж. Сюареца, хранятся в личном архиве А. Бриана в Кошреле.

³⁰Цит. по: *Suarez G.* Op. cit. P. 218.

³¹См.: *Ibidem.* P. 219.

³²См.: *Suarez G.* Op. cit. P. 219 – 220; *Stresemann G.* Les papiers. Vol. 3. P. 3; Akten... S.203.

³³Akten... S. 203.

³⁴*Ibidem.* S. 204.

³⁵Цит. по: *Suarez G.* Op. cit. P. 220.

³⁶*Ibidem.* P. 222.

³⁷См.: Akten... S. 189, 205; *Stresemann G.* Op. cit. P. 6-7.

³⁸*Stresemann G.* Op. cit. P. 7.

³⁹См.: *Suarez G.* Op. cit. P. 224 – 225.

⁴⁰*Gatzke H.W.* France and the rearmament of Germany. Baltimore, 1954. P. 57 – 58.

⁴¹Akten...S. 207 – 208.

⁴²*Ibidem.* S. 208; *Stresemann G.* Op. cit. P. 9.

⁴³*Stresemann G.* Op. cit. P. 43.

⁴⁴*Beau de Loménie E.* Les responsabilités des dynasties bourgeoises. Paris, 1963. P. 315.

⁴⁵Akten... S. 208, 224.

⁴⁶Цит. по: *Suarez G.* Op. cit. P. 226.

⁴⁷См.: *Le Temps.* 1926. 18 septembre.

⁴⁸Цит. по: *Unger G.* Op. cit. P. 519.

⁴⁹*Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы / Перев. с франц. М., 1960. С. 81.

⁵⁰*L'Avenir.* 1926. 19 septembre.

⁵¹*Le Temps.* 1926. 22 septembre.

⁵²*Stresemann G.* Op. cit. P. 17, 18 – 19.

⁵³См.: *Unger G.* Op. cit. P. 522.

⁵⁴Цит. по: *Ibidem.*

⁵⁵См.: *Stresemann G.* Op. cit. P. 48, 51, 52.

⁵⁶Цит. по: *Le Temps.* 1926. 24, 25 novembre, 2 décembre.

⁵⁷См.: Akten... S. 181, 276.

⁵⁸См.: История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 465.

⁵⁹*Le Matin.* 1926. 19 septembre.

⁶⁰Цит. по: Akten... S. 274, 275, 300–301.

⁶¹Цит. по: *Stresemann G.* Op. cit. Vol. 3. P.274.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ГИТЛЕРОВСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ

Во многих отношениях эволюция немецкой политики до 1914 г. была чревата последствиями, которые в итоге и реализовались по самому тяжелому сценарию после 1933 г. Дело в том, что срединное положение Германии в системе держав в Европе и отсутствие возможности экспансии могли всегда обернуться осложнениями, которые после объединения Германии в 1871 г. так или иначе давали о себе знать. Но после Первой мировой войны немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защититься от этой опасности только на Рейне. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), а значит и не имеющего геополитических резервов развития положения Германии путем экспансии на Восток.

Кардинально важным является вопрос о том, что стало основным мотивом в решении Гитлера о нападении на СССР – краткосрочная военная стратегия или главная стратегическая цель, наверно никогда исторической наукой не будет решен по причине отсутствия достоверных источников, хотя иные суждения Гитлера представляются вполне однозначными. Гитлер еще в 1919 г. риторически спрашивал, справедливо ли, что в России земли на человека приходится в 18 раз больше, чем в Германии. По всей видимости на Гитлера в его отношении к России огромное влияние оказала консервативно-националистическая немецкая традиция, а основными выразителями антирусских настроений в Германии во время Первой мировой войны, когда Гитлер как губка впитывал основы националистических убеждений, были три балтийских немца: Теодор Шиман, Пауль Рорбах и Йоганн Галлер. Первый и последний были

известными историками, а Рорбах – публицист¹. Колония прибалтийских немцев, несмотря на свою относительную малочисленность вообще оказала огромное интеллектуальное воздействие на немцев в рейхе во многих отношениях и особенно в геополитическом, многочисленные труды упомянутой троицы, несмотря на то, что они не были прямо связаны с нацистами и даже преимущественно критически к ним относились, повлияли на поколения немецких теоретиков и практиков национализма. Еще до Первой мировой войны прибалтийские немцы с их культом эффективности, целесообразности, рациональности, производительности издавна со значительной долей неодобрения и скептицизма наблюдали за тем, как отвратительно устроено хозяйство в России и многие из них не верили в возможность устроить все как нужно, но объясняли плачевное состояние России не расовой неполноценностью русских, как это делали нацисты, а культурными, этическими различиями, действительность которых можно признать и сейчас. Реакция русских на подобное отношение к себе была соответствующей: немцев в России не любили – стоит только вспомнить образ Штольца в романе И. А. Гончарова “Обломов” (1859 г.), этот образ вроде бы во всех отношениях положительный, но вызывает устойчивую антипатию у читателя. Этот немецкий культ эффективности в самом деле не совпадал с движениями русской души по неизвестной причине. Поэтому немцы и не считали русских способными изменить в их жизни что-либо к лучшему. Самый известный и читаемый теоретик геополитики Пауль Рорбах в Первую мировую войну отстаивал идею расчленения России на “естественные” составляющие: Финляндию, Польшу, Бесарабию, Украину, Кавказ, Туркестан, Россию. Рорбах писал, что Российскую империю можно разделить на части как апельсин – без разреза и ран, естественным образом². Что самое занятное, так это то, что ни один из упомянутых прибалтийских геополитика не был расистом, эта разновидность империализма была вдохновлена национально-либеральными идеями, широко распространенными не только в Германии, но и во всей Европе, во всяком случае, в этих представлениях не было ничего исключительно немецкого. Рорбах осуждал, как и все в цивилизованной Европе, отвратительные преследования евреев в России. Не менее влиятельный и известный публицист профессор русской истории Теодор Шиман считал в годы Первой мировой войны Российскую империю искусственным образованием, ибо она представляла, на его взгляд, конгломерат несовместимых между собой народов и рас³. Ничуть не меньшей русофобией дышали многочисленные публикации

и Й. Галлера, который на новой основе пытался реставрировать старый лозунг крестоносцев “Drang nach Osten”, ибо Россия все одно находится вне семьи европейских народов⁴.

Эти суждения прибалтийско-немецких «остфоршеров» прямо влияли на Гитлера в его стремлении найти выход из геополитического “тупика” для Германии и накануне войны в 1939 г. Гитлер так обосновывал необходимость войны на Востоке: «Это вечная борьба о мире – она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины – одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 г. и в этом году были прекрасными. Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело после того как происходит эффект допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что это такое – умирать с голода. У меня нет романтических целей, у меня нет желания господствовать. Прежде всего я ничего не хочу от Запада, ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части – выдумка. Но мне нужна свобода рук на Востоке»⁵. Приблизительно так же Гитлер аргументировал за внешнюю экспансию и в “Kampfbuch”: “Германия имеет ежегодный прирост населения 900 тысяч и задача пропитания этой массы людей становится из года в год все сложнее и когда то станет вовсе неразрешимой, настанет голод”. Выход Гитлер видел не в ограничении рождаемости (этот путь отнимает у народа будущее, полагал Гитлер), не во внутренней колонизации (этот путь чреват распространением пацифизма, по мнению Гитлера), не в активной торговой и промышленной экспансии (другие европейские страны, он полагал, будут сильными конкурентами Германии), а в более “здоровом” как он писал пути – территориальных захватах⁶.

В «Памятной записке» к четырехлетнему плану в августе 1936 г. Гитлер ставил задачу через 4 года быть готовым к войне на Востоке, эта война даст сырьевую и продовольственную базу для немецкого народа. На совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил: «Участие в мировом хозяйственном процессе: перед нами возведены границы, которые мы не в состоянии устранить... И в особенности следует основательно задуматься над тем, что с момента окончания мировой войны происходит индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортерами

продовольственных товаров». А поскольку автаркия в Германии может быть реализована только в отдельных отраслях, то Гитлер делает вывод: «Единственный и, вероятно, кажущийся несбыточным способ устранить наши трудности лежит в завоевании более обширного жизненного пространства, то есть в том, что во все времена было причиной основания государств и народных движений»⁷.

9 января 1941 г. Гитлер указывал, что «русская территория таит в себе неизмеримые богатства. Германия должна установить над ней экономическое и политическое господство, но не присоединять ее к себе. Тем самым создадутся все возможности в будущем для борьбы с континентом, и тогда уж Германию разгромить не удастся никому»⁸. Гитлер в разговоре с руководителем экономико-политического отдела НСДАП Отто Вегенером таким образом разъяснял концепцию завоевания «жизненного пространства» в России: «И, кроме того, Европе, чтобы выстоять в решительной борьбе с Америкой, потребуется зерно, мясо, древесина, уголь, железо и нефть России»⁹.

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тысяч га, то мы покроем все наши потребности в резине»¹⁰. Особенно «проникновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождениях Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России, вероятно, есть важнейшее сырье – человек»¹¹. Представление о том, что этим “сырьем” в СССР распоряжаются плохо и не те люди в Германии было распространено не только среди нацистов, так государственный секретарь Вайцзекер, довольно далекий от нацистов, писал о своих впечатлениях от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: “Свита Молотова состояла из типичных уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130 миллионный народ представлен подобной делегацией”¹².

Следовательно, «еврейско-большевистский» характер Советского Союза не был подлинной причиной принятия Гитлером программной целевой установки на войну против России. Решение о начале этой войны было принято совершенно независимо от этого, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования своих завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог был основным и в оправдании «разрыва» бисмарковской традиции союза с Россией, отсутствие преемственности с Бисмарком Гитлер объяснял тем, что в России во времена Бисмарка господствующее положение занимала германская элита, а в СССР настоящими хозяевами являются евреи¹³. Собственно господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны. Нельзя, однако, упускать из виду характерный для австрийца устойчивый антиславизм Гитлера. Он еще в «Майн кампф» писал, что даже “во время русско-японской войны я был на стороне японцев, в поражении русских я увидел и поражение австрийского славянства.” Характерен его отклик и о убийстве кронпринца Франца-Фердинанда: “Самый большой друг славян пал под пулями фанатика-славянина. Вначале я боялся, что кронпринца убил какой-нибудь немецкий студент из-за славянофильства наследника австрийского престола”¹⁴.

В Восточной Европе планировалось сохранить протекторат Богемия и Моравия, полусамостоятельную Словакию и Хорватию, Польша была поделена на части: Мазовия и Познань включались в рейх, а территория генерал-губернаторства оставалась зависимой от Берлина и ей было суждено оставаться резервуаром дешевой рабочей силы и местом «окончательного решения» еврейского вопроса. В Советском же Союзе планировалось отбросить Красную Армию за Урал, а в Сибири Гитлер допускал существование остатков большевистского режима в расчете на возникновение перманентных вооруженных стычек с вермахтом, который таким образом поддерживал бы свой боевой дух и имел возможность испытывать новые вооружения в деле. Европейскую же территорию СССР Гитлер предварительно планировал поделить на четыре провинции – рейхскомиссариаты: Ostland с центром в Риге должен был охватывать государства Балтии и Белоруссию и его нацисты хотели населить немцами Поволжья, датчанами, норвежцами, англичанами; Украину со столицей в Ровно, как будущую немецкую житницу, планировалось быстро заселить 20-ю миллионами немцев; Кавказ со столицей в Тбилиси становился нефтяным придатком Третьего рейха; самая крупная провинция Московия простиралась от Балтики до Уфы.

Германскую «Ривьеру» планировалось устроить в Хорватии и Крыму, куда хотели переселить после переименования в Готенланд немцев из Южного Тироля. Ключом к колонизации оккупированных на Востоке земель должна была стать система автобанов, которые по словам Гитлера сотрут границы старой Европы. Процесс колонизации мыслился наподобие американской колонизации Дикого Запада – каждое немецкое семейство колонистов будет обрабатывать свой даровой участок земли, а на ночь укрываться в укрепленной деревне. Россию Гитлер склонен был рассматривать как немецкую Индию, он даже рекомендовал немецким офицерам на Восточном фронте для понимания психологии «туземцев» читать Карла Мая – знаменитого немецкого автора романов о Чингачкуке, Винниту...

Расселение солдат и крестьян в восточных пределах рейха практиковалось еще Фридрихом Великим, в вильгельмской Германии подобная связь меча и плуга продолжилась, принимая порой прямо расистские черты. В Первую мировую войну эта традиция была продолжена – даже перед лицом поражения в 1918–1919 гг. фрайковцев вербовали с обещаниями дать земли в Прибалтике. Многие из тех солдат служили в гитлеровском вермахте во Вторую мировую войну во вспомогательных и комендантских частях. В Веймарскую республику правительство целенаправленно проводило национальную политику и политику сохранения немецких поселений на восточных территориях. Гитлер целиком воспринял эту направленность геополитики. Через все выступления и высказывания Гитлера красной нитью проходит стремление к обеспечению для немцев “жизненного пространства” на Востоке – об этом свидетельствует многократно цитируемое высказывание Гитлера из «Майн кампф» о том, что “если мы говорим о жизненном пространстве, то прежде всего имеем в виду территории в России и в подчиненных ей государствах”. В отличие от прежней колонизации немцами Востока, Гитлер не думал вовсе о культуртрегерской роли немцев и о мирном сосуществовании со славянами, как это было прежде. Гитлеровская расово-биологическая концепция восходила к порабощению или даже уничтожению славянских народов Востока Европы.

Интересно, что за несколько дней до нападения на СССР к Гиммлеру обратился великий герцог Ольденбургский с вопросом, что поскольку он хотел бы обеспечить всех своих шесть сыновей поместьями, не будет ли ему предоставлена возможность купить эту землю на Востоке. Гиммлер ответил, что для великого герцога не будет сделано никаких исключений,

но если его сыновья покажут себя с лучшей стороны на фронте, если им позволит здоровье, и если они будут иметь соответствующее сельскохозяйственное образование, они могут приобрести землю после войны. Дабы не вызывать ажиотажа и ненужного соперничества и зависти, хотя никто официально не объявлял, что рыцарский крест после войны автоматически обеспечит его кавалерам «рыцарское поместье» (Rittergut), но в войсках это считали решенным делом.

В марте 1941 г. Гитлер установил, что на оккупированных территориях в России вермахт будет вооруженной силой, СС будет исполнять полицейские функции, общими вопросами администрирования будет заниматься имперское министерство оккупированных районов Востока во главе с А. Розенбергом, а экономические вопросы будут находиться в юрисдикции ведомства четырехлетнего плана. Даже известный своими симпатиями к национал-социализму командарм 6-й армии генерал-фельдмаршал Райхенау писал в памятной записке: «Последний русский крестьянин теперь понял, что немцы пришли в его страну не столько для того, чтобы освободить его страну от большевизма, сколько они преследуют свои собственные цели. Высказывания и действия руководящих работников рейха определенно показывают, что Украина для них – это колония, что интересы местного населения их совершенно не волнуют, что голодная смерть или гибель миллионов украинцев не имеют для немцев никакого значения. В связи с тем, что сколь-нибудь быстрого окончания восточного похода не предвидится, наше отношение к местному населению нуждается в пересмотре»¹⁵.

В войну государственная промышленность СССР была объявлена собственностью рейха, а после войны ее планировалось продать солдатам, воевавшим на восточном фронте и поселенцам-колонистам. Гитлер, таким образом, надеялся санировать капитально подорванные финансы рейха и амортизировать военные расходы. Геринг планировал только два исключения – нефтяные месторождения и промысел должны были остаться под контролем рейха – планировалось создать государственную нефтяную компанию с участием частного капитала и такую же структуру в металлургической и горнорудной промышленности. Против этих планов была рейнско-вестфальская промышленная группа, которая всячески вредила планам и начинаниям главного промышленного менеджера Геринга Пауля Плайгера. Это соперничество во многом мешало полноценному восстановлению горной и металлургической промышленности в оккупированных районах СССР, хотя Гитлер и Геринг постоян-

но твердили, что после войны будет осуществлена всеобъемлющая приватизация. Осторожные промышленники в это не верили, справедливо полагая, что промышленная империя Геринга будет расширена за счет промышленных ресурсов Востока.

Исключение составила промышленность Прибалтики, где восстанавливались старые отношения собственности и была декларирована возможно более быстрая “германизация” производства. В начале 1942 г. Розенберг вел переговоры с лидером голландских нацистов Мусертом, который предложил Розенбергу выделить для голландской колонизации территории на Востоке вследствие того, что голландцы утратили свои заморские территории. Это, разумеется, не было в немецких интересах, и Розенберг предпочитал говорить о привлечении голландской рабочей силы на востоке. В Голландии было завербовано 416 крестьян в качестве поселенцев в Белоруссии и сверх того 129 садоводов, рыбаков и ремесленников. Об их устройстве заботилась “Голландская Ост-компания”, создавшая недалеко от Вильнюса образцовое поместье. На Украине, несмотря на противодействие рейхскомиссара Эриха Коха, с октября 1942 г. до августа 1943 г. поселилось 365 голландских крестьян. Образцовые садоводческие хозяйства должны были служить примером для местных фольксдойч. Голландские специалисты-хлопкоробы были заняты в Крыму. На Украине по последнему слову техники сооружалась сахарная фабрика, но ее достроить не успели¹⁶.

Бывший торговый австро-венгерский эксперт по торговле Рихард Ридл составил для имперской канцелярии обширную записку о “русском вопросе”, в которой призывал вернуться в России к тактике периода Первой мировой войны. В соответствии с этой тактикой немецкое господство должно быть обеспечено использованием национальных противоречий в СССР и сотрудничеством с отдельными народами на Востоке. “Довольствоваться достижимым – вот настоящий залог успеха”, – писал Ридл. Эта тактика означала, однако, отказ от всякой колонизации в России. Ридл указывал, что есть сомнения даже в заселении в течение 10-ти лет аннексированных польских районов. Он указывал, что сверх того еще оставались протекторат и генерал-губернаторство, которые вместе с Западной Пруссией и районом Варты поглотят все немецкие колонизационные возможности. При таких обстоятельствах думать о масштабных немецких поселениях и колонизации Кубани и Украины – это чистая фантазия. Эксперт оказался совершенно прав, а эсэсовцы со своими планами совершенно провалились: насколько большого успеха Гиммлер добился

в создании Waffen-SS, насколько эффективный полицейский аппарат был создан в Германии, насколько жесткая система концлагерей была создана СС, настолько же провальной и неудачной была поселенческая политика СС.

Одно из главных требований к переселенческой политике Гитлер сформулировал в июле 1941 г., на совещании в ставке он заявил: “Крым должен быть очищен от всех чужаков и заселен немцами”. Районами, присоединенными к рейху и соответственно колонизируемыми, должны были стать Прибалтика, Галиция, немецкие колонии на Волге. В районе Баку Гитлер хотел создать “военную колонию”. Конкретных поручений и полномочий, однако, никому не было дано. Гимmlеровский планировщик заселения Востока проф. Конрад Майер (Meyer) летом 1941 г. представил свои наметки к “плану Ост”. Тотчас же после начала войны с СССР Гимmlер приказал сформировать первый контингент поселенцев в 3 тысячи человек из состава переселенных в район Варты бессарабских немцев для их поселения на Востоке. Розенберг прекрасно видел перспективу своей административной власти на Востоке перед лицом конкуренции СС: “Наша задача будет состоять в том, чтобы возможно быстрее принудить согнанных в резервации славян к эмиграции или вымиранию. Все позитивные задачи возьмет на себя СС”. В борьбе за “позитивные задачи” Розенберг имел хорошую поддержку в лице ответственного за продовольствие и сельскохозяйственное производство в “экономическом штабе Ост” Йохима Рике (Rieke). Рике до 1939 г. руководил имперским ведомством по переселению, вытесненным в борьбе компетенций СС и теперь при поддержке вермахта и Геринга он стремился взять под контроль продовольственные поступления с Востока. Под его началом было более 10 тысяч сельскохозяйственных функционеров, руководивших колхозами и другими предприятиями. Эти функционеры чувствовали себя будущими хозяевами крестьян и к ужасу Розенберга стремились, как только можно, сохранить колхозы и препятствовать передаче земли крестьянам на местах.

Летом 1942 г. сельскохозяйственные вожди на Востоке хотели создать сеть опорных пунктов для надзора над так называемыми «сельскохозяйственными кооперативами» (Landbaugenossenschaften). Они предполагали, что со временем эти опорные пункты станут их собственностью. Поэтому они не были заинтересованы в реприватизации земли местными крестьянами.

Всё это планирование на деле было абсолютно утопическим – сотрудник Розенберга министериялдиректор в Прибалтике Петер Кляйст, сам ээсовец, в резких выражениях критиковал колонизационную политику Гиммлера: “Нам немцам ныне нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если мы через 100 лет будем иметь избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут Познань, Лицманштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, из которых мы будем иметь довольно времени эвакуировать население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают выиграть войну”¹⁷.

В итоге следует констатировать, что по всем рассмотренным приметам нацистские планы колонизации Востока, исхивдившие из расовой доктрины, совершенно отделяются от старой немецкой консервативной геополитики, исхивдившей из обычной имперской логики, которая была присуща всем европейским державам на рубеже XIX и XX веков. Поколение Гитлера сформировалось в вильгельмовской Германии, в которой имперский статус Германии был само собой разумеющимся делом. По этой причине требования ревизии Версальского договора обладали столь значительной объединяющей силой и находили полную поддержку в рейхсвере, промышленности, партиях, общественности. Для Гитлера, однако, ревизия безусловно несправедливых и, наверное, садистских Версальских установлений была только началом: его видение будущей немецкой геополитики было совершенно другим, чем у старой немецкой политической элиты. Это видение во многом определялось романтическим стремлением к безграничной экспансии, ценность которой в ней самой и заключалась. Также для Гитлера был чрезвычайно важно абсолютно преувеличенное мальтузианство – на поверку оно оказалось, по крайней мере, для Запада, совершенно ошибочным. Бисмарк в свое время справедливо говорил, что «в политике дальнзоркость гораздо хуже, чем близорукость».

Этот гитлеровский империализм в геополитике лучше всего описал в 1925 г. один из идеологов немецкой «консервативной революции» Эрнст Юнгер в своем требовании нового идеального империализма: «Устремление в неведомые дали и в безграничное мы унаследовали в самой природе нашего национального германского духа, который поможет нам в будущем сформировать такой империализм, который не как прежний жалкий кайзеровский империализм, концентрировавшийся на незначительных

прерогативах наших пограничных провинций или на обладании какими-то южными островами, будет претендовать на все»¹⁸. Иными словами, когда Гитлер стал канцлером, он не был ревизионистом¹⁹, несмотря на ненависть²⁰, которой дышат страницы «Майн кампф», на которых он пишет о Франции: он понимал и разделял империализм Клемансо, но сам он шел значительно дальше. Гитлер считал, что будущее Германии можно обеспечить, завоевав военными средствами «жизненное пространство» на Востоке. Это позволило бы Гитлеру расселить «излишки» населения и обеспечить желанную хозяйственную автаркию. Поэтому он и указывал во «второй книге», что либо Германия станет мировой империей, либо вообще перестанет существовать²¹. Это была огромная задача, но ее реализация предполагала отказ от всяких принципов и прежних норм внешней политики – цена этого была очень высока: Гитлер лишался всякого доверия в Европе. Последнее нельзя слишком переоценивать, известно, насколько мало значат в политике честность и приверженность определенным принципам, но и вовсе сбрасывать их со счетов, как это сделал Гитлер, нельзя. В этом гитлеровском обскурантизме и состоит качественное различие старой немецкой консервативной геополитики и новых гитлеровских идей.

¹Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 63.

²Rohrbach P. Osteuropa, historisch - politisch gesehen. Potsdam, 1942. S. 123.

³Ср.: Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 64.

⁴Ради восстановления исторической справедливости нужно отметить, что самый крупный известный и общепризнанный знаток русской истории и традиции Отто Гетцш до и после Первой мировой войны ожесточенно критиковал антирусские настроения и пропаганду. Самым лучшим доказательством его искренности является то, что его самый значительный ученик Клаус Менерт был искренним другом и великим знатоком русской истории и языка.

⁵Цит. по: Фест Й. Гитлер. Т. 3. Пермь, 1993. С. 157.

⁶Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. München, 1940. S. 137–141.

⁷Цит. по: Михалка В. Вторая мировая война. С. 437.

⁸Цит. по: Там же. С. 439.

⁹Цит. по: Там же.

¹⁰Цит. по: Там же. С. 440.

¹¹Цит. по: Там же. С. 441.

¹²Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 344.

¹³Ср.: Deist W. et al. (Hg). Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. I. Stuttgart, 1979. S. 543.

¹⁴Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. München, 1940. S. 162.

¹⁵Цит. по: Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 43–44.

¹⁶Ibid. S. 74.

¹⁷Ibid. S. 109.

¹⁸Цит. по: Wette W. Ideologie, Propaganda und Innenpolitik als Voraussetzungen der Kriegspolitik des Dritten Reiches. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Bd. 1. Stuttgart, 1989. S. 44.

¹⁹Совершенно точно Гитлер предвидел, что откровенный ревизионизм надолго изолирует Германию в Европе, поскольку коалиция победителей выступит единым фронтом против Германии и повторится ситуация, существовавшая в заключительной фазе Первой мировой войны. Ср.: Weinberg G. (Hg) Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 163. Гитлер хотел заполучить в союзники Италию и Англию – для этого он был готов уступить (и уступил) итальянцам Южный Тироль, населенный немцами, и отказался от каких-либо претензий на бывшие немецкие колонии, чего так опасались англичане. В определенной трезвости оценки Гитлеру не откажешь даже в ожидании союзничества от Англии, которая ревниво наблюдала за гегемонистским положением Франции на континенте. Гитлер несколько переоценил только стремление англичан к европейскому равновесию применительно к Франции.

²⁰Эта ненависть была по всей видимости рефлекторной природы и потом уже не всплывала – это видно по той сенсационной снисходительности, с которой Гитлер относился к Франции. По отношению к Франции Гитлер в точном смысле слова никогда не проводил ревизионистскую политику – он только хотел ее победить и дипломатически изолировать. Гитлер не помышлял даже об Эльзасе и Лотарингии, ибо для него это было слишком мелко и не оправдывало войны, которая стала бы обоснованной только в случае крупных и решающих территориальных приобретений. Ср.: Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. München, 1940. S. 741.

²¹Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 742.

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А. Е. Филимонов

ГЕНЕРАЛ КОНФЕДЕРАЦИИ ТОМАС ДЖЕКсон И БИТВА НА БИВЕРДЕМ-КРИК (БИТВА У МЕКАНИКСВИЛЛЯ) 26 ИЮЛЯ 1862 ГОДА: СОБСТВЕННЫЙ ПРОСЧЕТ ИЛИ ВЛИЯНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Боевой путь армии Северной Виргинии – один из самых популярных сюжетов в истории Гражданской войны в США, который оставил важный след и в работах историков, и в массовой культуре. Командующий этой армией генерал Роберт Эдуард Ли, один из прославленных героев Конфедерации, собрал под своим крылом целую плеяду талантливых дивизионных и корпусных командиров. Одним из них был Томас Джонатан Джексон по прозвищу «Каменная стена», которое он получил за стойкость в первом сражении при Булл-Ране 21 июня 1861 года¹. Его карьера в войсках мятежников может показаться чередой ярких успехов, однако поведение генерала в Семидневной битве 25 июня – 1 июля 1862 года явно не соответствовало обычному для него инициативному и агрессивному стилю командования. Это не могло не вызвать острую дискуссию о роли Т. Д. Джексона в сражении как среди современников, так и среди историков. В рамках данной статьи будет предпринята попытка анализа действий Т. Д. Джексона во время сражения на Бивердем-Крик 26 июня 1862 года, которое стало первым крупным столкновением юнионистов и мятежников во время Семидневной битвы, в которой генерал Р. Э. Ли предпринял первую попытку нанести решающее поражение федеральной армии. В случае успешной реализации плана Ли, целый корпус федеральной армии мог быть разбит одним ударом. Следует отметить, что данный эпизод Гражданской войны в США практически не рассматривался в отечественной историографии, что делает обобщение взглядов американских историков о роли Т. Д. Джексона в сражении особенно важным.

Несмотря на то, что американские исследователи уделили большое внимание данному эпизоду Семидневной битвы, их оценка роли Т. Д. Джексона в сражении слабо соотнесена с тем фактом, что на Бивердем-Крик генерал действовал, находясь в подчиненном положении по отношению к командующему. В связи с этим требуется уделить особое внимание командованию Р. Э. Ли во время боя.

В конце мая 1862 года на Полуострове для южан сложилась тяжелая ситуация: столицу Конфедерации Ричмонд, оборона которой была возложена на армию Северной Виргинии, окружили превосходящие силы федералов под командованием генерала Д. Б. Макклеллана. При этом важно отметить, что медлительность и нерешительность командующего северян при ведении осады позволили южанам развернуть действия по деблокированию города. Первую попытку разгрома федеральной армии предпринял командующий армией Северной Виргинии генерал Д. Э. Джонстон в сражении при Севен-Пайнз (или Фейр-Оукс) 31 мая – 1 июня 1862 года. Эта битва закончилась неудачей, так как действия подразделений южан были плохо скоординированы. Сменивший раненого Д. Э. Джонстона генерал Р. Э. Ли временно прекратил наступательные действия. Разведка установила, что из-за передислокации частей федералов 5-й корпус под командованием генерала Ф. Д. Портера остался на северном берегу реки Чикахомини без прикрытия на правом фланге. Это предоставляло южанам возможность разбить его превосходящими силами и перерезать линии снабжения федералов. Именно поэтому Р. Э. Ли сделал позиции 5-го корпуса целью для предстоящего наступления. Принятию этого решения также способствовала победа Т. Д. Джексона в кампании против разрозненных сил федералов в долине реки Шенандоа, что позволяло его частям зайти в тыл изолированному пятому корпусу армии северян; в дальнейшем предполагалось разгромить всю армию Д. Б. Макклеллана целиком². В этом случае дорога на Вашингтон оказалась бы открытой для южан.

24 июня 1862 года генерал Р. Э. Ли созвал совет дивизионных командиров для обсуждения плана сражения. По предложению командующего, Т. Д. Джексон должен был соединиться с дивизией А. П. Хилла у Хандлис-Корнер и атаковать сильную позицию Ф. Д. Портера на Бивердем-Крик с левого фланга и тыла, тем самым избавив южан от необходимости штурмовать укрепления федералов в лоб³. По воспоминаниям генерала Д. П. Лонгстрита, Т. Д. Джексон заявил, что будет готов начать движение утром 25 июня, однако, приняв замечания Д. П. Лонгстрита о необходи-

мости четко синхронизировать движение наступательных колонн, согласился на перенос начала наступления на утро 26 июня⁴. Согласно составленному плану, именно наступление войск Т. Д. Джексона должно было стать решающим, и успех конфедератов на других направлениях атаки полностью зависел от него. Однако в диспозиции, составленной в штабе Р. Э. Ли 24 июня 1862 года, был заложен ряд спорных указаний, которые могли привести к проблемам с реализацией плана. Во-первых, Т. Д. Джексона было указано «обойти Бивердем-Крик и двигаться по направлению к Колд-Харбору»⁵. Поскольку генерал получил данный приказ, уже вернувшись к войскам, он мог решить, что планы изменились, и ему предстоит марш на Колд-Харбор без вступления в бой с противником. Во-вторых, план не предусматривал иного способа связи Т. Д. Джексона с дивизией А. П. Хилла, кроме как через бригаду генерала Л. О. Бренча⁶, что снижало уровень координации между дивизиями.

По полученному в ночь с 24 на 25 июня приказу, войскам Т. Д. Джексона предстояло покинуть Эшленд, пройти маршем в сторону Слеш-Черч и встать на ночлег на удобной позиции к западу от Центрально-Виргинской железной дороги⁷. Следует отметить: согласно отчету Р. Э. Ли о сражении, на момент начала марша не все части отряда Т. Д. Джексона находились в Эшленде, что препятствовало его прибытию в пункт назначения в срок⁸. Не менее важную роль в событиях того дня сыграло и физическое состояние генерала Т. Д. Джексона. Высокие темпы кампании в долине Шенандоа и тяжелая подготовка к новому наступлению истощили его. Способность генерала к анализу обстановки и принятию решений явно ухудшилась⁹. Существенным фактором, повлиявшим на ход марша, стали природные условия. Продолжительные дожди размыли грунтовые дороги, и уровень воды в реках и ручьях значительно вырос, что препятствовало быстрому продвижению войск. Изменился и температурный режим: средняя летняя температура в Виргинии значительно выше, чем в долине Шенандоа¹⁰. Непосредственно во время марша начались проблемы с управлением войсками. С утра выступление частей «дивизии» Т. Д. Джексона затянулось, поскольку некомпетентные офицеры-интенданты не обеспечили своевременное прибытие обоза с припасами, что не позволило заготовить для солдат утренние рационы¹¹. Не менее важной проблемой стало отсутствие у Т. Д. Джексона опыта командования крупными соединениями: теперь помимо его собственной дивизии под его командованием находились еще две – Р. С. Эвелла и В. Г. Уайтинга. В этих условиях генерал был вынужден остановить войска

на ночлег в пяти милях от Слеш-Черч. Дополнительным фактором, ведущим к нарушению плана генерала Р. Э. Ли, стало дезертирство одного из солдат Т. Д. Джексона, который сообщил командованию северян о приближении войск генерала к правому флангу 5-го корпуса. Эффект неожиданности был утерян¹². Однако не стоит преувеличивать значение этого предательского поступка для хода сражения, так как генерал Д. Б. Макклеллан не смог правильно воспользоваться попавшей в его распоряжение информацией.¹³ Поэтому, согласно отчету командира кавалерии южан Д. Е. Стюарта, северяне не поставили серьезных препятствий на пути Т. Д. Джексона, кроме разрушения моста через Тотопотоми-Крик, порчи части дороги и отдельных пикетов¹⁴.

Несмотря на то, что Т. Д. Джексон не достиг Слеш-Черч 25 июня, он уведомил командующего, что планирует выступить в 2.30 утра и достигнуть Хандлис-Корнер в 10 утра для соединения с Легкой дивизией А. П. Хилла на ее левом фланге и начала атаки на позиции 5-го корпуса армии федералов на Бивердем-Крик. Однако выступление его войск началось только в 5 утра, так как проблемы с продовольствием и питьевой водой все еще не были решены, хотя выступать с пустыми флягами было категорически запрещено по уставу¹⁵. Центрально-Виргинскую железную дорогу отряд Джексона пересек только в 9 утра, после чего дивизия Р. С. Эвелла и дивизии Джексона разделились, чтобы по двум параллельным дорогам двигаться к Хандлис-Корнер. В процессе марша силы Джексона оказались практически изолированы от остальной армии Северной Виргинии: связь была установлена только с командиром одной из бригад дивизии А. П. Хилла генералом Л. О. Бренчем, который не получил от Т. Д. Джексона никакой информации, кроме известия о пересечении Центрально-Виргинской железной дороги в 10 утра. Известно, что после этого связь с бригадой Л. О. Бренча удалось установить колонне Р. С. Эвелла, однако Джексон не был об этом проинформирован. В результате войска Каменной Стены достигли пункта назначения только в 5 часов вечера. К этому моменту А. П. Хилл, ждавший Т. Д. Джексона до 3 часов дня, начал лобовую атаку сильных позиций 5-го корпуса федералов напротив Меканиксвилля, что в корне расходилось с планами генерала командующего. Т. Д. Джексон, не имея никакой информации о сражении, развернувшимся на его правом фланге и не получив никаких указаний от Р. Э. Ли, решил следовать букве приказа и расположил свои измотанные войска на ночлег в районе Шейдигрув-Черч, так и не вступив в бой¹⁶. Ночью федералы, узнав о подходе войск Т. Д. Джексона, покинули свои позиции на

Бивердем-Крик самостоятельно, поэтому поле боя, несмотря на тактическое поражение, осталось за конфедератами.

Спор о роли Т. Д. Джексона в сражении на Бивердем-Крик историки ведут уже давно. Один из первых биографов генерала, военный историк конца XIX века Д. Ф. Хендерсон, встает на защиту генерала, утверждая, что его опоздание – следствие неблагоприятных погодных условий и плохо организованной штабной работы. По его мнению, А. П. Хилл начал лобовую атаку из-за собственной нетерпеливости при том, что федералы так или иначе не стали бы защищать позицию на Бивердем-Крик с дивизией Т. Д. Джексона в тылу¹⁷. Другие послевоенные авторы не в меньшей мере склонны к апологетике действий генерала. Эдди Маркенфилд обвиняет в срыве соединения войск Т. Д. Джексона и А. П. Хилла бригадного генерала Л. О. Бренча, который не смог установить связь между их дивизиями¹⁸. Обвинения Л. О. Бренча в опоздании и неспособности наладить связь между войсками Т. Д. Джексона и А. П. Хилла выдвигает и другой историк конца XIX века Джон Кук¹⁹. Крупный современный историк вооруженных сил Конфедерации Д. Т. Глетхар близок к этой позиции, однако при этом отмечает, что Т. Д. Джексон ошибся в оценке физических возможностей своих солдат и собственного состояния накануне битвы, что и привело к его выпадению из графика движения войск, составленного генералом Р. Э. Ли²⁰. На сторону Т. Д. Джексона становится также и С. Е. Вудворт в работе, посвященной взаимоотношениям генерала Р. Э. Ли и президента Конфедерации Д. Ф. Дэвиса. По его мнению, Т. Д. Джексон сделал все возможное, чтобы справиться с неблагоприятными природными условиями, плохой работой штабов, неподробными картами и другими негативными факторами²¹. К этой группе исследователей примыкает и отечественный историк С. Семпер, который в оценке причин опоздания сходится с Хендерсоном, а также указывает на излишнюю сложность плана Р. Э. Ли²².

Некоторые авторы, однако, считают, что доля вины Т. Д. Джексона в срыве плана генерала Р. Э. Ли значительно выше. Например, Кевин Доэрти и Джордж Мур, авторы одной из работ, посвященной кампании на Полуострове в юго-восточной Виргинии в марте – июле 1862 года (частью которой является Семидневное сражение), обвиняют генерала в неспособности наладить связь с остальной армией Северной Виргинии и верно истолковать приказ командующего²³. В таком же духе оценивает роль Т. Д. Джексона в сражении крупный специалист по истории Конфедерации Клемент Итон. По его мнению, генерал сорвал план Ли, тре-

бовавший своевременного прибытия всех подразделений на поле боя²⁴. Другой исследователь Герман Хэтуэй также считает, что позднее прибытие войск Т. Д. Джексона на поле боя подвигло А. П. Хилла к неудачной фронтальной атаке федеральных позиций²⁵. Следует отметить, что один из ведущих специалистов по истории армии Северной Виргинии Дуглас Фримен считает провал наступления конфедератов следствием хорошего, но сложного плана Р. Э. Ли, который не мог быть реализован из-за низкого уровня субординации²⁶. Другой известный американский историк Брюс Кеттон в многотомном труде, приуроченном к столетнему юбилею начала Гражданской войны, отказывается от попыток дать характеристику действиям Т. Д. Джексона, но при этом положительно оценивает атаку Легкой дивизии А. П. Хилла, так как она, по мнению автора, позволила конфедератам удержать инициативу²⁷.

Мнения соратников генерала Т. Д. Джексона о его действиях сильно разделились. Генерал Р. Э. Ли в отчете о прошедшем сражении списывает опоздание Джексона на объективные обстоятельства, к которым относит неназванные «неизбежные задержки» и противодействие армии противника. С мнением генерала Р. Э. Ли соглашается в своем отчете и А. П. Хилл, отмечая, что наступление Т. Д. Джексона задерживалось действиями вражеских стрелков²⁸. При этом в мемуарах он гораздо более категорично оценивает сослуживца, обвиняя его в неспособности действовать в статусе подчиненного²⁹. Генерал Д. П. Лонгстрит, в чьи обязанности входила поддержка дивизии А. П. Хилла, пишет, что Т. Д. Джексон остановился на ночлег в тылу федералов, оставив Легкую дивизию один на один с сильной позицией северян³⁰. О потенциальной возможности поддержки генералом атаки А. П. Хилла сообщает в своем отчете о сражении и один из подчиненных Т. Д. Джексона генерал И. Р. Тримбл³¹.

Итак, движение колонны Т. Д. Джексона занимало центральное место в плане предстоящего сражения, однако при этом его не снабдили точно сформулированным приказом и не определили действительно надежный способ связи с остальными частями армии Северной Виргинии. При обсуждении плана сам Т. Д. Джексон ставил нереальные для исполнения сроки, что объяснимо, если учесть, что его войска только возвращались с другого театра боевых действий, и генерал физически не мог так быстро ознакомиться с местностью и режимом погоды, а штаб не снабдил его необходимыми картами. Все это крайне негативно влияло на ход марша 25 июня, в результате которого войска Т. Д. Джексона так и не вышли на исходный пункт наступления. 26 июня сложность марша еще возрос-

ла: противник начал оказывать слабое сопротивление³². Поэтому силы генерала Т. Д. Джексона прибыли в пункт соединения с дивизией А. П. Хилла на шесть часов позже, чем предполагалось. К этому моменту, А. П. Хилл, стремясь предотвратить возможную утрату инициативы, начал лобовую атаку против сильной позиции федералов на Бивердем-Крик, не согласовав ее с генералом Р. Э. Ли, что привело к высоким потерям конфедератов. Следовательно, командующий армией потерял рычаги управления всей армией, как только ход сражения начал отклоняться от плана. Данный эпизод показывает, что генерал Р. Э. Ли, став во главе армии, не до конца учел опыт сражения при Севен-Пайнз и не смог произвести перемен в структуре армии и системе управления войсками. Таким образом, неудача Т. Д. Джексона в сражении на Бивердем-Крик была вызвана системными недостатками армии Северной Виргинии, к которым можно отнести плохое управление войсками, низкий уровень субординации между командирами дивизий и командующим, а также слабую штабную работу.

¹Маль К. М. Гражданская война, 1861 – 1865: Развитие военного искусства и военной техники. М., 2002. С. 160.

²Макферсон Дж. Боевой клич свободы: Гражданская война 1861 – 1865. Екатеринбург, 2012. С. 200.

³Henderson G. Fr. Stonewall Jackson and the American Civil War. Vol 2. London, 1898. P. 17.

⁴Longstreet J. From Manassas to Appomatox: Memoirs of the Civil War in America. Philadelphia, 1896. P. 122.

⁵Henderson G. Fr. Stonewall Jackson ... Vol 2. P. 17.

⁶Ibid. P. 17.

⁷Ibid. P. 17.

⁸The War of the Rebellion: a Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Series I. Vol. 1. Part 2. Washington, 1880. P. 491.

⁹Dougherty K.; Moore M. J. The Peninsula Campaign of 1862: a Military Analysis. University Press of Mississippi, 2005. P. 110.

¹⁰Glatthaar J. T. General Lee's Army. From Victory to Collapse. New York, 2009. P. 137.

¹¹Dougherty K.; Moore M. J. The Peninsula Campaign of 1862... P. 503.

¹²Freeman D. S. Lee's Lieutenants: a Study in Command. Vol. 1. New York, 1970. P. 502.

¹³The War of the Rebellion... Series I. Vol. 1. Part 1. Washington, 1880. P. 504.

¹⁴Ibid. Part 2. P 514.

¹⁵Regulations for the Army of the Confederate States. New Orleans; Jackson, 1861. P. 112

¹⁶*Glatthaar J. T.* General Lee's Army. From Victory to Collapse. New York, 2009. P.513.

¹⁷*Henderson, G. Fr.* Stonewall Jackson and the American Civil War. Vol 2. London, 1898. P 25.

¹⁸*Markinfield A.* Stonewall Jackson: The Life and Military Career of Thomas Jonathan Jackson. New York, 1863. P. 117.

¹⁹*Cooke J. E.* *Stonewall J.* New York, 1893. P. 215.

²⁰*Glatthaar J. T.* General Lee's Army. From Victory to Collapse. New York, 2009. P. 137.

²¹*Woodworth S. E.* Davis and Lee at War. University Press of Kansas, 1995.

²²*Семнер С.* Генералы мечты: Каменная Стена Джексон. М., 2012. С. 386.

²³*Dougherty K.; Moore M. J.* The Peninsula Campaign of 1862... P. 115.

²⁴*Eaton Cl.* A History of the Southern Confederacy. New York, 1954.

²⁵*Hattaway H.* How the North won: a military history of the Civil War. Urbana; Chicago, 1991. P. 196.

²⁶*Freeman D. S.* Lee's Lieutenants: a Study in Command. Vol. 1. New York, 1970. P. 515.

²⁷*Catton B.* The Centennial History of the Civil War. Vol. 2. New York, 1963. P. 328.

²⁸The War of the Rebellion... Series I. Vol. 1. Part 2. P. 835.

²⁹*Henderson G. Fr.* Op. cit. P. 21.

³⁰*Longstreet J.* From Manassas to Appomatox: Memoirs of the Civil War in America. Philadelphia, 1896. P. 123.

³¹The War of the Rebellion... Series I. Vol. 1. Part 2. P. 614.

³² *Ibid.* P. 553.

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ИНДУСТРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

За прошедший век в исторической науке проведена колоссальная работа по анализу причин и последствий катастрофы Первой мировой войны, с большой тщательностью изучены ее политические аспекты и, собственно, военная составляющая. К столетней годовщине начала Первой мировой войны мы считаем, что будет уместным провести небольшое исследование экономической сферы общества того исторического периода. Мы ставим себе цель проанализировать обусловленность развития нефтепромышленности таким фактором, как Первая мировая война, а также наметить основания для дальнейшего изменения «баланса сил» между крупнейшими экономиками мира того периода.

Первая мировая война означала повышение уровня монополизации экономики всех развитых государств. Усиливалось слияние промышленного и банковского капитала¹. Рост милитаризации, усиление общественного характера производства, рост концентрации и централизации производства и капитала привели к созданию системы государственно-монополистического капитализма. Нефтяная отрасль промышленности, значение которой в военные годы повысилось многократно, не осталась в стороне от происходящих в экономике процессов. Более того, молодая индустрия нефти (существовавшая к тому времени не более 60 лет), крепко связанная с военно-промышленным комплексом, явилась наилучшим образцом для изучения капитализма на его высшей стадии развития.

Война привела к «победе грузовика над рельсовым путем»². Если в августе 1914 г. английские экспедиционные силы насчитывали всего 827 автомашин и 15 мотоциклов, то к концу войны они имели уже 79 тыс. автомобилей, 34 тыс. мотоциклов, появились броневики и танки³. Вся эта великая механическая армада требовала тысяч и тысяч тонн нефтепро-

дуктов, бензин стал «кровью войны» – заключил французский премьер Клемансо в письме к американскому президенту Вудро Вильсону⁴.

В ходе Первой мировой войны страны-участницы становились все более зависимы в своих действиях от нефтяных поставок, и всемирный рынок нефти стремительно расширялся. Главным мировым производителем нефтяного топлива оставались США, которые смогли стремительно нарастить производство с 37.966.076 тонн в 1914 г. до 53.959.857 тонн нефти в 1918 г. и стали производить уже 73% от мировой добычи⁵.

С ростом спроса на нефтепродукты повышалась и их цена: смазочные материалы повысились в цене (к 1917 г. от цен 1914 г.) на 26,8%, нефтяное топливо подорожало почти на 8%, на 44,8% повысилась цена на бензин, почти на 50% произошло подорожание на керосин, использовавшийся в авиации. Еще более внушительный рост произошел в количественных показателях: на 37,75 увеличилось производство (в 1917 г. от показателей 1914 г.) смазочных материалов, на 49,9% - нефтяного топлива и на 389,5% - керосина! Подобное повышение показателей в 1917 г. являлось следствием, с одной стороны, повышения добычи сырой нефти, а с другой, свертывания производства некоторых нефтяных продуктов, таких, как топливо для освещения (падение производства на 27,8% в 1917 г. от показателей 1914 г.) и различных нефтяных остатков типа мазута (падение на 99,5%)⁶. Приведенные цифры говорят, помимо прочего, что улучшалась технология переработки и очистки нефти, находились новые способы ее применения. «Сжигание сырой нефти... должно строго пресекаться», – писал известный научный ежемесячник в 1917 г.⁷

До войны эта темного цвета смолянистая жидкость продавалась всем, у кого были деньги на ее приобретение, но теперь нефть стала стратегически важным продуктом, от которого зачастую зависел успех на фронте. Ни Германия, ни ее союзники не располагали этим полезным ресурсом в необходимом количестве и не могли в связи с мировой политической обстановкой надеяться на поставки нефти с помощью внешней торговли.

Страны – члены Антанты находились в несравненно лучшем положении. Англия являлась главным потребителем нефтепродуктов среди «сердечных союзников», она потребляла 6.626.000 тонн нефти в 1918 г. (почти в 4 раза больше потребляемого Францией и в 8 раз больше потребляемого Италией топлива)⁸. Главным поставщиком Антанты являлись США, и серьезная альтернатива американской нефти на рынке отсутствовала⁹. Главным средством доставки нефти стали танкеры, количество которых за годы войны, несмотря на объявленную Германией «подво-

дную войну», возросло многократно. «Летом 1914 г. Соединенные Штаты имели пароходный танкерный флот с водоизмещением в 200.000 тонн из общемирового в 1,4 миллионов тонн; 30 июня 1920 г., 1,4 миллионов тонн ходили уже под американским флагом или на 200.000 тонн больше, чем с британской регистрацией, или 47% от общемирового тоннажа этого вида судов», – сообщал «Журнал политической экономики» в 1921 г.¹⁰

«Нельзя допустить, чтобы нефтяная промышленность...оставалась в руках кучки лиц на правах частной, ничем не ограниченной собственности»¹¹. Эта цитата из текста телеграммы, отправленной казанским губернским предводителем дворянства Толстого-Милославского председателю Совета министров Российской империи от 12 апреля 1915 г., отражает представление власти о значении нефти в военное время. Мероприятия, «направленные на установление государственного контроля за добычей и потреблением нефти»¹², были проведены не только российскими военными и правительственными кругами, но и всеми державами-участниками войны.

Нефтяной комитет Бэтфорда возник в США в 1916 г. при аналогичных обстоятельствах – «для организации поставок нефти в условиях войны»¹³. Бэтфорд получил пост министра по нефтяным поставкам будучи главой «Стандарт ойл Компани оф Нью-Джерси». В этом качестве он наладил контакт с британскими, французскими и итальянскими посольствами. Комитетом разрабатывались планы по смягчению темпов подорожания сырой нефти, а также фиксировались цены на некоторые нефтепродукты для обслуживания заказов Антанты. Так были установлены «разумные цены» на сырую нефть, жидкое нефтяное топливо, бензин, керосин и касторовое масло, используемое в качестве смазки для авиадвигателей¹⁴. «Фиксирование строгих цен означало обычное для рынка средство в случае заказов от департаментов правительства» – отмечал американский экономист Льюис Генри Гиней¹⁵.

На фоне разрастающегося топливного дефицита 1917 г. в Великобритании была учреждена Топливная Администрация, а французское правительство учредило Государственный нефтяной комитет. «Даже во время длинной войны нефтяные геологи на службе Франции, Британии... были заняты проверкой наиболее удаленных земель, включая некоторые нестабильные страны, и в некоторых регионах шагали в ногу с армиями» – так современники описывали обусловленный острой нехваткой нефтепродуктов процесс¹⁶.

«Стандарт ойл» и «Ройал Датч Шелл» – две крупнейшие нефтяные корпорации – объединили свои усилия для организации нефтяных поставок Антанте. Возникавшие конфликты между компаниями решались официальными представителями Англии и США¹⁷. Высокая степень монополизации отрасли ускоряла и упрощала снабжение войск нефтяными продуктами.

Вместе с тем, Англо-персидская нефтяная компания (АПНК) находилась в авангарде проходивших изменений в нефтяной промышленности. АПНК, основанная на правах концессии Уильяма Нокса Д'Арси от 1901 г., изначально создавалась и развивалась под покровительством британских правительственных кругов. Еще за год до начала Первой мировой войны (летом 1913 г.) Парламент Великобритании принял законопроект, который включал в себя два основных положения: во-первых, правительство инвестировало в развитие Англо-персидской компании 2,2 млн. ф. стерлингов и взамен приобретало 51% акций компании; во-вторых, оно назначало двух директоров в совет компании. Они имели право вето по контрактам на поставку топлива для адмиралтейства и главным политическим вопросам. Другой договор – о поставках топлива сроком на 21 год – был составлен отдельно и держался в секрете¹⁸.

Несмотря на проблемы с качеством абаданской нефтепереработки (главный нефтеперерабатывающий завод АПНК, расположенный в городе-порте на юго-западе Ирана, был построен в 1909–1913 гг.), а также на дефицит оборудования, связанный с войной, в Персии начался рост огромного промышленного предприятия, подталкиваемый военными нуждами. Нефтедобыча между 1912 и 1918 годами выросла более чем в 10 раз – с 1600 до 18000 баррелей в день¹⁹. К концу 1916 года нефть АПНК удовлетворяла пятую часть потребностей британского военного флота. Компания, которая в первые полтора десятка лет своего существования часто была близка к разорению, начала приносить вполне существенную прибыль.

Профиль АПНК менялся, т.к. ее исполнительный директор Чарльз Гринуэй преследовал четко определенную стратегическую цель – превратить предприятие из поставщика сырой нефти в комплексную нефтяную компанию. Он хотел построить абсолютно самодостаточную организацию, которая бы поставляла продукцию всюду, где это может приносить прибыль, без вмешательства третьих сил. В разгар мировой войны Гринуэй уже смог позиционировать компанию для послевоенной конкуренции. Он приобрел у британского правительства одну из круп-

нейших в Соединенном Королевстве сетей сбыта топлива – компанию «Бритиш петролеум». Вопреки названию, она принадлежала «Дойче банку», который в Англии продавал через нее свою нефть из Румынии. Когда началась война, британское правительство взяло на себя управление этой германской собственностью. С приобретением «Бритиш петролеум» АПНК получила не только передовую систему сбыта, но и фирменную марку. Компания развивала и свой танкерный флот. Эти действия в итоге изменили саму основу АПНК. До 1916–1917 годов более 80% ее основного капитала находилось в Персии. Уже в следующем финансовом году половину основного капитала составляли танкеры и система дистрибуции. Компания действительно стала комплексной.

Но Гринуэй не менее страстно преследовал и другую цель – превратить АНК в лидера нефтяного рынка Великобритании. Он часто повторял, что предприятие должно стать ядром «полностью британской компании... свободной от иностранного влияния в любом его виде»²⁰. Это был очевидный выпад в сторону «Ройял Датч/Шелл». Гринуэй развернул враждебную кампанию против «Шелл» в «высших британских сферах представителями Форин офиса, связанными с Англо-Персидской компанией»²¹. Он реанимировал призрак транснационального нефтяного треста, нападая на построения сэра Маркуса и его коллег, направленные на защиту мировой монополии нефтяной торговли. Снова и снова Гринуэй с соратниками обвинял «Ройял Датч/Шелл» в нарушении интересов Великобритании, в извлечении больших прибылей из продажи Германии нефтепродуктов и в том, что эта компания становилась серьезной угрозой нации.

Отечественный историк А. А. Фурсенко при анализе происходивших событий замечает, «что обвинения против «Ройял Датч/Шелл»... носили тенденциозный характер»²². К подобным выводам приходит и исследователь истории нефтяной индустрии Даниэл Ергин: «Все эти обвинения были столь же неискренними, сколь и недостоверными. Торговец Детеринг, натурализовавшийся и прошедший военные годы в Лондоне, в значительной мере идентифицировал свои интересы и интересы своей компании с интересами союзников»²³. В марте 1915 г. Детеринг (будучи исполнительным директором «Ройял Датч/Шелл») покинул пост компании «Астро-Романа», заявив, что она «снабжает врагов контрабандой»²⁴. Председатель совета директоров англо-голландского нефтяного треста Маркус Самюэль был ярким патриотом Великобритании и потерял обоих сыновей на войне.

«Ройял Датч/Шелл» имела большое значение для союзников. Эта кампания с англо-голландским капиталом действовала как главный координатор нефтяных вопросов. Она организовывала поставки нефти для британских вооруженных сил и для всех военных операций, обеспечивая прибытие необходимых грузов с Борнео, Суматры и из США к железным дорогам и аэродромам во Франции²⁵. Вследствие этого многие правительственные чиновники стали негативно реагировать на нападки Гринуэя и его соратников. Своей полемикой он настроил многих в правительстве против АПНК,

Хотя условия военного времени несколько сгладили противоречия между нефтяными концернами, они продолжали вести свою бескомпромиссную борьбу друг с другом. Но теперь эта борьба шла на правительственном уровне – между руководящими элитами союзных государств. В этом ракурсе стоит рассмотреть заключенное в мае 1916 г. соглашение Сайкса-Пико. Соглашение о разделе Ближневосточных территорий между Англией, Францией, Россией и Италией положило начало новым соглашениям по нефтяному вопросу уже после войны.

Еще более острый конфликт назревал между Англией и США, хотя их противоречия были приглушены «обоюдной заинтересованностью сторон в американских поставках»²⁶. Однако поводов для конфронтации между ведущими империалистическими государствами накопилось немало. Оккупация Месопотамии английскими войсками в 1918 г. закончилась здесь для американской стороны запретом на коммерческую и иную деятельность. «Великобритания и ее союзники получили контроль над нефтяными ресурсами в Средиземноморском регионе»²⁷, и этот факт не мог обрадовать нефтепромышленников Нового Света.

Между тем за месяц до вступления Америки в войну правление «Стандарт ойл» разработало программу действий, направленную на расширение американских нефтяных владений. Она состояла из трех пунктов:

«знать, что делается на всех шельфах за границей в смысле разведочных работ и передачи собственности»;

«находиться в поле зрения каждого владельца собственности, который может захотеть продать ее или отдать в аренду»;

«собирать данные относительно будущих районов нефтяного производства на земном шаре и проявлять интерес к наиболее перспективным из них».

Эта программа была изложена в меморандуме, который обсуждался правлением «Стандарт ойл», и был принят к руководству²⁸.

Успех союзных армий и роль, которую в нем сыграли нефтяные поставки США, а также их финансово-Экономическая поддержка в обеспечении побед Антанты придали уверенности американским элитам в будущей «особой роли» Америки в мировых делах. Вид изрытой окопами вдоль и поперек европейской земли, картины полуразрушенных и обезлюдевших городов и поселков Старого Света только усиливали в них это чувство. «Американцы... встречают Новый год с возрожденной верой в судьбу великой Республики. Чудесный, чудесный год!» – писали в январских выпусках первого мирного года американские экономические журналы²⁹.

Какими бы оптимистичными ни были заявления представителей американского нефтяного капитала насчет послевоенного передела мира, задача, поставленная перед американским империализмом, была не из легких. Везде, где была обнаружена нефть (или предположено ее обнаружение), уже четко обозначил свое присутствие британский капитал, твердой рукой пресекавший попытки буржуазии Нового Света развернуть коммерческую деятельность. Великобритания успешно использовала Первую мировую войну для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, особенно в Персидском заливе, где ее доминирование теперь не подвергалось сомнению. Именно ближневосточный регион представлялся самым перспективным с точки зрения нефтяных разработок, и именно здесь впоследствии разыгралась очередная ожесточенная «нефтяная война» крупнейших представителей отрасли.

Первой мировой войной была запущена «эпоха нефти», самым значительным образом увеличилась добыча и потребление нефтепродуктов. В 1919–1920 гг. спрос на нефтяное топливо на американском внутреннем рынке повысился почти вдвое, а по данным геологической службы запасы на территории самих Соединенных Штатов находились на грани истощения³⁰. Существовало два выхода из сложившейся ситуации: ограничить потребление нефти либо срочно найти новые источники сырья. Ожидать, что стремительно развивающаяся экономика Соединенных Штатов добровольно наложит на себя ограничения, не приходилось, поэтому оставалось как можно быстрее добраться до новых месторождений³¹. «Такие минеральные ресурсы, которыми мы не обладаем в количествах достаточных для собственных потребностей, должны быть запрещены нами настолько, насколько это возможно, определенной и умной политикой правительства»³².

Первая мировая война завершилась, однако ее конец не означал конца империалистического противостояния крупнейших держав. Проигрыш одной из сторон означал начало борьбы между победителями за освобожденные рынки. Поменялись методы борьбы: место открытого вооруженного столкновения заняли дипломатическая переписка и экономическое давление. Изменившись по форме, это противостояние осталось неизменным по сути и не потеряло ни в принципиальности, ни в напряженности, т. к. ставки в игре были очень высоки.

¹Ааронович С. Британский монополистический капитал. М., 1956. С. 21, 79–80.

²Арнот П. Мировая политика нефти. Л., 1925. С. 3.

³Фурсенко А. А. Нефтяные войны. Л., 1985. С. 154.

⁴Там же. С. 157.

⁵Kent M. Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil 1900–1920. L., 1976. P. 203–204.

⁶Gibson M. W. British strategy and oil, 1914–1923. Glasgow, 2012. P. 96.

⁷Pogue J. E. Mineral Resources in War and Their Bearing on Preparedness // The Scientific Monthly. Vol. 5. № 2 (Aug., 1917). P. 134.

⁸Gibson M. W. Ibid. P. 96.

⁹Bonn M. J., Hancock G. D., Parry C. E., Hough B. O., Hess R. H. and Bowker R. R. Probable Changes in the Foreign Trade of the United States resulting from the European War-Discussion // The American Economic Review. Vol. 6. № 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Twenty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association (Mar., 1916). P. 43.

¹⁰Gregg E. S. The Crux of our Shipping Problem // Journal of Political Economy. Vol. 29. № 6 (Jun., 1921). P. 504.

¹¹Шуришов Г. М. «Нельзя допустить, чтобы нефтяная промышленность... оставалась в руках кучки лиц на правах частной, ничем не ограниченной собственности» // Военно-исторический журнал. № 8 (авг. 2004). С. 20.

¹²Там же. С. 20–22.

¹³Фурсенко А. А. Там же. С. 158.

¹⁴Haney L. H. Price Fixing in the United States During the War I // Political Science Quarterly. Vol. 34. № 1 (Mar., 1919). P. 108, 123–124.

¹⁵Ibid. P. 121.

¹⁶White D. The Petroleum Resources of the World // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 89. Prices (May, 1920). P. 131.

¹⁷Фурсенко А. А. Там же. С. 160–161.

¹⁸Ferrier R. W. The History of the British Petroleum. Vol. I: The Developing Years, 1901–1932. С., 1982. P. 185.

¹⁹Ергин Д. Добыча. Борьба за деньги и власть. М., 2011. С. 193–194.

²⁰Там же. С. 194.

²¹Фурсенко А. А. Там же. С. 160–161.

²²Там же. С. 161.

²³Ергин Д. Там же. С. 192.

²⁴Фурсенко А. А. Там же. С. 162.

²⁵Ергин Д. Там же. С. 196.

²⁶Фурсенко А. А. Там же. С. 162.

²⁷White D. Ibid. P. 130–131.

²⁸Фурсенко А. А. Там же. Цит. по: *Gibb G. S., Knowlton E. H.* The resuregent years 1911–1927. New-York, 1956. P. 108.

²⁹The Old Year and the New // *The North American Review*. Vol. 209. № 758 (Jan., 1919). P. 1.

³⁰White D. Ibid. P. 127–134.

³¹*Tugendhat Ch.* Oil: The biggest business. New York, 1968. P. 75.

³²*Spurr J. E.* The Commercial Control of the Mineral Resources of the World: its Political Significance // *The Scientific Monthly*. Vol. 9. № 1 (Jul., 1919). P. 80.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ (1918–1939 гг.)

Среди эмигрантов, покинувших Родину после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны, оказалось значительное количество женщин и детей. Согласно статистическим данным общее число детей европейской части Русского зарубежья составляло 45–50 тысяч¹. В связи с этим остро встал вопрос об образовании и воспитании молодого поколения в условиях эмиграции.

Рассматривая проблемы образования и воспитания детей и молодежи, нельзя не поднять и вопрос идентичности. В первые годы эмиграции переселенцы ощущали себя русскими, надеялись в скором времени вернуться в Россию, поэтому они боролись за сохранение национальной культуры и русских традиций. Именно в дореволюционных традициях русского образования они и хотели воспитать своих детей, оказавшихся вместе с ними в изгнании.

Благодаря усилению общественных организаций, в частности «Земгора» (Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей), была создана система русских школ в Чехословакии, Франции и в других странах Европы. К 1924 году в Русском зарубежье насчитывалось 90 русских школ (47 низшей и 43 средней ступеней)². Среди детей школьного возраста, оказавшихся в эмиграции, в начальном и среднем образовании нуждались 18–20 тысяч человек³.

Одной из самых известных эмигрантских школ в Париже была Русская гимназия, основанная осенью 1920 г. по инициативе В. П. Недачина, прот. Н. Сахарова, С. Г. Попича, Б. А. Дурова, В. В. Дюфура и К. Д. Старынкевича. Школа считалась собственностью Общества помощи детям русских эмигрантов во Франции, руководила которым сестра русского посла М. А. Маклакова⁴. Русская гимназия предлагала различные формы обучения, исходя из потребностей детей. Например, для тех, кто не успел

закончить курс среднего образования в России, были организованы специальные курсы для подготовки к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Экзамен принимался особой комиссией при российском посольстве⁵. По данным П. Е. Ковалевского к 1926 г. в гимназии обучалось 228 учеников⁶. Численность учеников в приведенной в пример гимназии ярко показывает, что школы были доступны не для всех детей. Тяжелое материальное положение большинства эмигрантских семей не позволяло давать детям полноценное школьное образование.

Французские власти также стремились способствовать получению образования русскими детьми. При поддержке Министерства образования Франции при французских лицеях в Париже были открыты специальные отделения для русских. С 1920 по 1921 г. здесь преподавался французский язык, русская литература, история, география. Занятия вели русские учителя⁷. Однако стоит отметить, что делалось это для того, чтобы впоследствии дети шли учиться во французские учебные заведения.

В то же время особое значение в воспитательной работе играли летние лагеря, которые являлись одной из форм знакомства детей с русской культурой и традициями. Общение происходило только на русском языке. Программа лагерной смены состояла из элементов религиозного, физического, социального воспитания, воспитания характера и общего образования, однако особое место занимало национальное воспитание подрастающего поколения. Большое внимание уделялось беседам у костра, где велись разговоры о России, ее истории и культуре, индивидуальным прогулкам, во время которых воспитатели изучали внутренний мир ребенка, играм, формирующим характер, и религии. Популярность и посещаемость лагерей была заметно выше, чем у русских школ. Во Франции в лагерях бывали тысячи русских детей, а в эмигрантских школах обучалось лишь несколько сот учеников⁸.

Вклад в патриотическое воспитание детей вносили и летние площадки, которые объединяли тех, кто не смог выехать за город. Родители отправляли сюда детей не только ради хорошего питания и пребывания на свежем воздухе, но и для национального воспитания своих детей. Опять же подобным площадкам удавалось охватить большее количество человек, чем школам. Именно поэтому педагоги стремились дать за короткое время максимум культурных и социальных навыков. Дети общались между собой только по-русски, воспитатели проводили беседы по истории, культуре и географии России. Мальчиков обучали ремеслам, например столярному и плотницкому, девочек – шитью, вязанию⁹. Все

это помогало освоиться в новой среде, при этом не забывая родную историю и культуру.

Вопросу воспитания молодого поколения много внимания уделяла и Тургеневская библиотека в Париже, которая стала клубом соотечественников и объединяла большинство известных эмигрантов того времени. Расцвет ее деятельности пришелся на 20 – 30-е годы, когда она являлась фактическим культурным центром русской эмиграции, целью которого была «защита» от иной культурной среды и сохранение национальных культурных традиций¹⁰. Она поистине сплотила русскую эмиграцию Парижа. Для подрастающего поколения при ней был организован «Кружок рассказчиков и чтецов», проводивший регулярные встречи с известными писателями, которые рассказывали детям о России, читали свои произведения, ставили спектакли и т.д.¹¹. Библиотека устраивала ежегодные новогодние елки, известные на весь Русский Париж. В них принимали участие ученицы балетной студии Л. Нестеровской. Писатель Саша Черный специально для этих вечеров писал пьесы, по которым ставились спектакли¹².

Для подростков и студентов работали общедоступные лектории. Например, в Парижском Народном университете со второй половины 1920-х годов до зимы 1934 года проводились «Беседы о русской культуре», в которых участвовали Д. М. Одинец, Н. К. Кульман, А. Г. Чесноков, А. А. Половцев. Для молодежи читались лекции о русской природе, архитектуре Москвы и Петербурга, дворянской культуре и быте, которые сопровождались литературно-музыкальными номерами¹³. Ведущая эмигрантская газета Парижа «Последние новости» довольно часто анонсировала подобные лекции и встречи, на которые приглашались все желающие – дети и взрослые. В частности, в среду 12 мая 1920 г. известный писатель Иван Алексеевич Бунин читал соотечественникам свои новые произведения и рассказывал о русской революции¹⁴. Другой номер газеты объявляет о том, что в ближайшее время в Париже откроются вечерние курсы по русской истории и литературе. Данный анонс наглядно показывает, что эмигранты ощущали необходимость перенести традиционные ценности русской культуры в изгнание. Автор указывает, что «уже давно чувствуется живая потребность заброшенным на чужбину и испытавшим столько потрясений русским людям объединиться около просветительного дела, которое дало бы возможность вернуться мыслью к русской цивилизации, продумать вновь события русской истории, вспомнить родную поэзию и прошлое русской общественности»¹⁵. Без-

условно, каждое воспоминание о Родине, возможность поговорить о ней с единомышленниками, помогли переселенцам пережить тяготы эмиграции. Сплоченность позволяла им передавать молодому поколению любовь к России.

В просветительской работе использовалось театральное и киноискусство. Русский Интимный театр Д. Н. Кировой в конце 1920-х–1930-е годы проводил спектакли и музыкальные вечера для детей. Представители подрастающего поколения посещали показы исторических фильмов. Например, успехом пользовался фильм «Россия в прошлом величии», который демонстрировался 16 сентября 1932 года в Париже, в зале Гаво¹⁶.

Не забывали и о музыкальном образовании. 21 января 1931 года в Париже в юношеском клубе Русского студенческого христианского движения (РСХД) начался цикл докладов и концертов, посвященных русской музыке, Н. Н. Розов прочитал лекцию на тему «Русская народная песня»¹⁷. Стоит отметить, что музыкальное воспитание являлось обязательным элементом внешкольной работы с учениками. Эмигранты подчеркивали важную роль русской музыки для формирования самосознания подрастающего поколения, считая ее не только частью родной культуры, но и одним из главных факторов национального воспитания. Среди учебных заведений Русского зарубежья распространенным явлением были самодеятельные коллективы: русские народные и камерные оркестры, народные и академические хоровые группы¹⁸.

Кино, театр и музыка зачастую заменяли молодому поколению классическое образование. Именно с помощью знаменитых произведений русской культуры оно могло познавать родную историю, прикасаться к России, которую они никогда уже не увидят. Как справедливо отметил В. С. Варшавский, «только через литературу 19-го века русское прошлое открывалось эмигрантским сыновьям»¹⁹.

Важную роль также играли детские и юношеские организации, обращавшие особое внимание на национально-просветительскую работу. Ключевое значение имела национальная организация «Витязи», созданная в 1934 году во Франции Н. Ф. Федоровым. Своей целью она провозглашала «воспитание национально мыслящих, православных русских людей, здоровых физически и духовно сильных». Организация сумела создать струнный оркестр, спортивный и гимнастический отделы, библиотеку. Благодаря активной деятельности «Витязей» регулярно устраивались спектакли и спортивные сборы. В связи с этим популярность организации постоянно росла. Ее посещали дети и подростки в возрасте от 10

до 17 лет. Они были разделены на два отделения – старшее (15–17 лет) и младшее (10–14 лет). Каждое отделение состояло из кружков в составе 15 человек. Это позволяло применять индивидуальный подход. Программа воспитания состояла из четырех, тесно связанных друг с другом частей: физической, умственной, общественной и религиозно-нравственной. В образовательный раздел входили такие предметы, как русская география, история и литература России и религиозное воспитание²⁰.

Наряду с «Витязями» следует упомянуть Союз русского сокольства, («соколы»), при нем также существовал культурно-просветительский отдел, распространявший знания об истории, культуре, природе России. В 1936–1938 гг. культурно-просветительский кружок «Русского сокола» в Медоне еженедельно собирался на лекциях П. Е. Ковалевского о Сибири, «Новое о Пушкине», «Жизнь русской провинции» и др.²¹.

Итак, образование и воспитание детей и молодежи в духе отечественной традиции являлось главной целью эмигрантских кругов. Историческая память для них была отправной точкой для настоящего и будущего «другой», небольшевистской России. В то же время, возможность получения образования была главным методом лучшей адаптации молодых эмигрантов в «чужой» социальной и культурной среде.

Образовательный процесс в эмигрантских кругах следует рассматривать с двух сторон. Во-первых, русские школы, лагеря и юношеские организации давали детям представление о Родине, которую не все видели или помнили. Это позволяло воспитывать национальное самосознание, в результате обучения дети должны были понимать, что они русские. В начале 1920-х годов детей убеждали, что они вернутся в Россию, поэтому необходимо было давать классическое российское образование. С другой стороны, русские школы помогали детям найти ориентир в новой жизни, жизни в другой стране. Наряду с «родными» предметами изучался французский язык для того, чтобы, как упоминалось, в будущем они смогли продолжить свое обучение согласно французской системе образования.

Перед педагогами стояла важная задача – сохранить подрастающему поколению детство. В большинстве случаев детям пришлось пережить огромное количество трудностей, прежде чем они оказались в эмиграции. Тяготы не оставили их и после переселения. Многим приходилось работать, чтобы помогать родителям. Это заставляло ценить возможности получения знаний. Молодое поколение было убеждено, что только через «знание, науку они, дети русской интеллигенции, смогут быть полезными своей родине в будущем»²².

¹Сухачёва В. А. Проблемы образования детей и юношества в Российском Зарубежье (1920–1940 гг.) // Вестник Московского городского педагогического университета. 2008. № 3. С. 111–112.

²Сотников С. А. Дети российских военных эмигрантов в 1920–1930 гг: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. Черкизово: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2009. № 3. С. 64.

³Ефременко В. В. Научная и культурная жизнь российской эмиграции «первой волны» во Франции. Новосибирск, 2011. С. 34.

⁴Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: Историческая и научно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971. Т. 1. С. 59.

⁵Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. М., 1999. С. 191.

⁶Ковалевский П. Е. Указ. соч. С. 59.

⁷Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Указ. соч. С. 192.

⁸Кудряшова С. К. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «первой волны». // Инновации в науке. Новосибирск: НП «СибАК». 2012. № 11-2. (Доступно из: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17905001> 18.04.2013 г.). С. 2–3.

⁹Кудряшова С. К. Указ. соч. С. 3–4.

¹⁰Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Новый исторический вестник. М., 2001. № 5. С. 5.

¹¹Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Париж, 1995. Т. 2.

¹²Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева. Сотрудники. Друзья. Почитатели. СПб, 2012. С. 76.

¹³Камнева Г. П., Сотников С. А. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX в. // Вестник ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. Черкизово, 2009. № 3. С. 42.

¹⁴Последние новости. Париж, 1920. № 6. С. 4.

¹⁵Последние новости. Париж, 1920. № 13. С. 3.

¹⁶Камнева Г. П., Сотников С. А. Указ. соч. С. 42.

¹⁷Там же.

¹⁸Игнатович И. В. Музыкальное воспитание во внешкольной работе в Русском зарубежье первой половины XX века. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск: КГУ, 2011. № 3-1. (Доступно из: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17233876> 20.04.2013 г.) С. 2.

¹⁹Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 229.

²⁰Кудряшова С. К. Указ. соч. С. 4–5.

²¹Камнева Г. П., Сотников С. А. Указ. соч. С. 43.

²²Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. Прага, 1928. С. 17.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И ПРОБЛЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ НАТО В НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

В начале 1960-х годов дальнейшее развитие интеграционных процессов в Западной Европе оказалось в зависимости от успешного решения вопросов обороны. Безопасность западноевропейских стран основывалась на членстве в организации Североатлантического договора (НАТО), а ее эффективность определялась главным образом стратегией ядерного сдерживания США. Радикальное изменение послевоенной ситуации, вызванное высокими темпами экономического роста, привело к стремлению восстановить роль Западной Европы в мире и сократить влияние США на европейскую политику. В этой связи в пересмотре нуждалось и положение западноевропейских стран в НАТО, главенствующую роль в которой играли американцы. В связи с этим возникает вопрос относительно взаимосвязи политики Великобритании по укреплению своего влияния среди западноевропейских членов НАТО с темпами и направлением объединительных процессов в Западной Европе.

Как известно, в своих интеграционных планах правительство Великобритании намеревалось превратить Западную Европу в независимую «третью силу», которая смогла бы оказать противодействие потенциальной военной и идеологической агрессии со стороны Советского Союза и обеспечить Великобритании лидирующие позиции в Западной Европе. В ее основе находилась организация Североатлантического договора. Премьер-министр Г. Макмиллан представлял Атлантический союз, имеющий две опоры: европейскую и американскую. Такая структура, по его мнению, должна укрепить как сам Североатлантический альянс, так и голос Европы в нем.

В период холодной войны стратегия НАТО основывалась на ядерном сдерживании и полностью зависела от наличия ядерного оружия. В этой связи основные дискуссии по укреплению европейской опоры НАТО велись вокруг попыток создания европейских ядерных сил и эффективных политических институтов для их контроля. Правительство Великобритании исходило из необходимости реформировать существующие институты НАТО с целью решения политических, военных и экономических вопросов региона. Потребность в реорганизации Североатлантического альянса была закреплена в Декларации намерений, принятой на парламентской конференции стран НАТО в Париже в начале 1962 года.

В свою очередь Франция также претендовала на роль европейского лидера и стремилась к созданию независимой от США Европы. Однако в отличие от Великобритании она выступала за передачу полномочий по разработке стратегии НАТО институтам ЕЭС. Тем самым исключалось влияние США и возникала безусловная потребность в политическом объединении всех западноевропейских членов НАТО на основе ЕЭС. С одной стороны, Великобритания поддерживала взгляды де Голля относительно будущей Европы отечеств, в которой не будет наднационализма, а сотрудничество во всех сферах будет организовано на межправительственном уровне. Это в большой степени соответствовало британскому пониманию природы евросотрудничества и облегчало принятие решения о вступлении в ЕЭС. С другой стороны, у Великобритании вызывало озабоченность, что стремление де Голля к политической независимости и созданию собственных ядерных сил, подорвет связи с США и НАТО. Поэтому самым эффективным способом предотвратить такое развитие событий, считали в правительстве, являлось членство в ЕЭС, которое открывало возможность влияния на направление интеграции. В свою очередь, Франция испытывала технические трудности при создании ядерных сил и рассчитывала на помощь Великобритании.

Первой попыткой сближения с Францией в сфере разработки и осуществления ядерной стратегии стало предложение об учреждении так называемого триумvirата трех ядерных держав (Великобритании, США и Франции). Необходимо отметить, что идея триумvirата была не нова. Возможные формы сотрудничества в ядерной сфере начали обсуждаться между странами еще с момента прихода де Голля к власти. По мнению Г. Макмиллана исключение Франции из ядерного клуба было бы равносильно ограничению ее мирового статуса. К тому же французский пре-

зидент Ш. де Голль особенно болезненно воспринимал факт наличия у Британии независимых ядерных сил, еще больше разжигавших его национализм. Поэтому Великобритания, опираясь на свои особые отношения с США, выступила в роли посредника. В свою очередь, в Великобритании надеялись на помощь Франции в создании зоны свободной торговли в Западной Европе.

Во время своего первого зарубежного визита во Францию в конце мая 1961 г. американский президент Дж. Кеннеди предложил Великобритании, США и Франции разработать официальный механизм консультаций, который включал бы не только трех глав государств, но и военных представителей вне постоянной группы НАТО. Предполагалось создать триумвират трех ядерных держав и вынести обсуждение ядерной стратегии за рамки НАТО.

Участие в трехсторонних консультациях сближало Великобританию с Францией и способствовало укреплению доверия необходимого для создания «европейской опоры». С целью реализации своего проекта Великобритания планировала не просто «оживить» особые отношения с США, пришедшие в некоторый упадок после Суэцкого кризиса. К таким отношениям она планировала привлечь и Францию. Правительство Г. Макмиллана стремилось выступить в роли посредника и в вопросе создания европейских ядерных сил. Фактически Великобритания стремилась создать собственные особые отношения с Францией, оказав ей помощь в разработке ядерного оружия и поделившись с ней секретами, полученными от США. В последующем предполагалось, что Франция передаст часть своих ядерных сил под командование НАТО и будет участвовать в консультациях по их применению на трехсторонней основе. В свою очередь успешная реализация данного проекта находилась в непосредственной зависимости от согласия США. Поддержка Соединенными Штатами европейских атомных сил устранила бы мнение о том, что США стремятся держать Европу в состоянии зависимости по ядерным вопросам. «Такие силы, предположительно, стали бы результатом евроинтеграции и могли стать механизмом для ее поощрения», – писал Г. Киссенджер¹.

Однако США выступили против британского плана по созданию совместно с Францией европейских ядерных сил. Во-первых, они исключали прямое участие ФРГ, что вело к возникновению требований со стороны ФРГ доступа к ядерному оружию и установлению таких же особых отношений с США (возможно, даже через посредничество Великобритании). В то же время консультации о триумвирате в НАТО без уча-

ствия ФРГ нанесли удар по доверию к Великобритании, в котором она нуждалась перед началом переговоров по вступлению в ЕЭС. Его с трудом удалось восстановить американцам. Во время визита в Вашингтон в апреле 1961 г. К. Аденауэр был впечатлен всесторонней поддержкой американцами британского членства в ЕЭС. Кеннеди убедил канцлера, что «членство Британии необходимо не только для единства Европы, но также как средство укрепления Североатлантического альянса»². Более того, отчуждение К. Аденауэра могло стать особенно опасным в период берлинского кризиса.

В результате в качестве наиболее конструктивного решения виделось создание объединенных ядерных сил НАТО со смешанным управлением и совместным контролем. Еще в марте 1961 г. глава вновь образованного консультативного комитета Д. Ачесон направил в Национальный совет безопасности США политическую директиву, в которой в качестве стратегической цели определялась политика по нераспространению ядерного оружия и ограничению численности ядерных держав. Для реализации провозглашенной цели рекомендовалась интеграция на основе морских ядерных сил размещенных на подлодках «Поларис» под смешанным управлением и совместным контролем. Передача всех ядерных сил Великобритании и частично США под многосторонний контроль могло погасить стремление Франции, а потенциально и ФРГ создавать независимые от НАТО ядерные силы для повышения мирового статуса и решения сложных международных проблем в период холодной войны. Однако, в проекте США, как отмечает Э. Махэн, ничего не было сказано о контроле и праве применении ядерного оружия, «вопросах, особенно чувствительных для союзников»³.

В результате, проблема контроля и применения ядерных сил выступала в роли одного из главных факторов определяющих будущую структуру общеевропейских институтов.

Одну из возможных моделей по интеграции стран с ядерным оружием охарактеризовал в своей статье А. Бучан. В частности, он делает вывод о том, что вопросы финансирования могут эффективно решаться конфедеративным органом (например, Советом министров НАТО или ЕЭС), в то время как решения о применении или об угрозе применения ядерного оружия в кризисной ситуации могут оказаться сложными для коллективного органа. Чтобы распоряжаться таким оружием, Сообщества должны стать федерацией с влиятельным центральным правительством, как в США⁴.

Альтернативой федеративной форме интеграции выступала конфедерация с сохранением независимого национального ядерного сдерживания. За такую форму контроля выступала Великобритания, и к ней стремилась Франция. В Белой книге министерства обороны Великобритании 1960 г. отмечалось, что на протяжении 1960-х годов Соединенное Королевство будет стремиться сохранить независимое ядерное сдерживание.

С учетом своих взглядов относительно западноевропейского будущего США выразили готовность обсудить проблему ядерного сотрудничества в контексте переговоров Великобритании с ЕЭС, т.е. от того, «какая в конечном итоге получится Европа», будут зависеть направление и форма ядерной помощи. В частности, предполагалось, что ядерная помощь явится конечной ценой за вступление Великобритании в ЕЭС и объединение Западной Европы. Однако она предназначалась бы не конкретно Франции, а всем членам ЕЭС на многосторонней основе. Другими словами, планировалось трансформировать особые отношения с Великобританией в особые отношения с Западной Европой, в которых Великобритания была бы одним из западноевропейских союзников.

Таким образом, вопрос интеграции западноевропейских членов НАТО приобрел первостепенное значение. Как известно, западноевропейские члены НАТО являлись членами двух конкурирующих группировок, объединенных на разных экономических основах. В Великобритании считали, что если Европа будет разделена на конкурирующие и конфликтующие блоки, невозможно будет долго сохранять единство НАТО как эффективной организации и настаивали на скорейшем решении вопроса о приеме в ЕЭС. «Если нас не будут пускать на рынок или только посредством протекционистских тарифов, мы не будем тратить огромные суммы на содержание войск на континенте», – заявлял один из членов британского парламента⁵.

Переходя к почти открытым угрозам, Г. Макмиллан заявлял о невозможности иметь Европу, объединенную в военном отношении и разделенную экономически и, что «будет очень плохо, если Соединенное Королевство окажется в экономической изоляции». Намекая на возможность вывода британской армии из Германии, премьер-министр предупреждал, что «ни одно британское правительство не сможет продолжать принимать участие в военной обороне континента, который объявил ей экономическую войну». ⁶

О неразрывной связи экономики и обороны с общими политическими институтами высказывался еще У. Черчилль. «Невозможно отделить эко-

номику и оборону от общих политических структур. Взаимная помощь в экономической сфере и совместная военная оборона должны неизбежно сопровождаться параллельной политикой к более тесному политическому единству. Правда, это потребует некоторых жертв или поглощения национального суверенитета» – заявлял лидер консерваторов в своем выступлении в Гааге в 1948 г.⁷

Следует признать, что ЕЭС не было заинтересовано в экономическом противостоянии с ЕАСТ и особенно с Великобританией. Более того, оно нуждалось в скорейшем вступлении Великобритании. «Мы не занимаемся бизнесом для продвижения тарифных преференций или установлением клуба по дискриминации с целью формирования более крупного объединения, чтобы стать более богатыми, мы не торговый блок для продвижения наших коммерческих интересов. Мы вовсе не в бизнесе. Мы – в политике»⁸. Канцлер ФРГ Аденауэр признал, что политическое единство остается общей целью стран Общего рынка. Из этого вытекала и необходимость в объединении экономических группировок ЕАСТ и ЕЭС в единый политический центр. При этом сохранялось бы влияние Запада в нейтральных государствах, членах ЕАСТ. Великобритания могла надеяться на изменение своего статуса в перспективе Швецией и Швейцарией, в то время как Австрия и Финляндия юридически были обязаны сохранять свой нейтральный статус вследствие географического положения в период холодной войны. С дипломатической точки зрения Женева, Стокгольм, Хельсинки и Вена имели не меньшее значение для Великобритании, чем Бонн или Париж. Они должны быть обращены к Западу за эффективной военной гарантией, ввиду потери ООН своей эффективности⁹.

Обострившийся берлинский кризис летом 1961 г. выдвинул на первое место необходимость изменения стратегии НАТО. Как известно, между Варшавским договором и НАТО имелся большой дисбаланс в обычных вооруженных силах не в пользу последней. Слабость обычных вооруженных сил НАТО компенсировалась за счет ядерного оружия. Таким образом, поддерживалось равновесие, которое в случае начала местного конфликта могло перерасти в применение сначала тактического, а затем и стратегического ядерного оружия, т.е. в полномасштабную ядерную войну. Для того, чтобы минимизировать риск начала ядерной войны Соединенные Штаты предлагали повысить эффективность обычных вооруженных сил, значительно увеличив их численность, подготовку и оснащение. В результате они должны были успешно противостоять странам Варшав-

ского договора, пока обе стороны не договорятся. Тем самым выигрывалось время для переговоров с целью предотвращения ядерной войны.

Эффективность новой стратегии требовала отделения ядерного оружия от обычного, (даже тактического, наличие которого в распоряжении командования сухопутных армий могло привести к искушению достижения победы и его применению). Это могло быть осуществлено либо посредством создания новых структур, либо путем передачи всех ядерных сил (Великобритании в том числе) под полный контроль США. Остальным членам НАТО предлагалось сконцентрироваться на обычных вооружениях и увеличении численности вооруженных сил. В качестве механизма, который побуждал бы Британию и Францию выйти из независимого ядерного бизнеса, могли стать многосторонние силы.

В идеале, отказ Западной Европы от ядерного оружия, по мнению Спинелли, непременно приведет к ослаблению международной напряженности, «сделает присутствие американских войск и ядерных боеголовок в Европе совершенно ненужным, а это в свою очередь облегчит поиск основы для ядерного разоружения»¹⁰.

Тем не менее, в начале 1962 года США отказались от идеи триумвирата по ядерному оружию и приступили к обсуждению более реалистичного проекта многосторонних сил (МСС). «Центральный контроль ядерного оружия, который США признавали в качестве решающего условия, может стать механизмом, который политически свяжет вместе атлантические государства», – отмечал в своей статье будущий госсекретарь США Г. Киссинджер.¹¹

В мае 1962 года на афинской министерской конференции стран НАТО, которую называют одной из самых успешных в истории альянса, восторжествовала точка зрения, которая сводила все западноевропейские страны к одному уровню. В частности, европейцам предлагалось покупать стратегические ракеты Поларис, которые бы передавались под смешанное управление НАТО и, фактически, оставались в распоряжении США. Реакция Великобритании и Франции на такие условия была крайне негативной. Г. Макмиллан писал в своем дневнике: «Все союзники в гневе от американского предложения о покупке ракет... Это не европейская ракета. Это ракета американской промышленности»¹². Британия, по-прежнему, выступала за оказание ядерной помощи Франции в создании ракетоносителя для французских ядерных боеголовок, чтобы снять угрозы де Голля о сотрудничестве с ФРГ.

Со своей стороны, Ш. де Голль, выступая на конференции в мае 1962 года, высказался против стратегии США в НАТО. По мнению Франции, система консультаций в рамках НАТО также не решала проблемы. Де Голль хотел консультироваться с Соединенными Штатами и Великобританией, а не с Люксембургом и Исландией. Для Франции было бы лучше снизить влияние Верховного командования НАТО, где главенствовали американцы, и создать постоянную рабочую группу не подконтрольную Верховному командованию для разработки и реализации стратегии. По мнению президента Франции, МСС предназначались, чтобы увековечить влияние США в Европе и уменьшить контроль де Голля над «шестеркой».

К тому же кубинский кризис окончательно убедил в невозможности политических консультаций со всеми членами НАТО и в неспособности в рамках НАТО создать эффективный механизм консультаций. Уже позже, один из помощников президента США Т. Соренсон признал, что президент и не думал, что в деле неотложной важности, одобрение союзников имело первостепенное значение¹³.

В этой связи Великобритания не спешила отказываться от независимого ядерного сдерживания, несмотря на то, что для нее оно имело скорее политическое, чем военное значение. В правительстве сформулировали несколько причин для сохранения возможности независимого контроля: 1) признавалось, что разработки в сфере ядерных технологий способствуют развитию собственной научно-технологической базы. Западный альянс перестанет быть свободной (и равноправной) ассоциацией, если вся передовая научная и технологическая база будет сосредоточена в одном государстве (у США); 2) необходимо сохранять уверенность в способности адекватного реагирования на Советскую ядерную угрозу, если даже по каким-либо причинам США не захотят поддержать нас; 3) советская ядерная угроза, против которой у Соединенного Королевства не будет ответной угрозы, сделает обычные вооруженные силы не эффективными; 4) если отказаться от независимого ядерного сдерживания, то будет невозможно оказывать какое-либо эффективное влияние по достижению международных соглашений по ограничению ядерных вооружений, а от этого пострадает мировой статус Великобритании и возможность оказывать влияние на США и Западную Европу. Многие британские политики соглашались с высказыванием А. Бивена о том, что «Не иметь вооруженных сил, все равно, что войти голыми в конференц-зал»¹⁴.

В то же время у Британии находились причины для сохранения особых отношений с США. Несмотря на то, что в Великобритании уделялось достаточное внимание разработке ядерного оружия, но постепенное совершенствование советской системы ПВО ставило новые технические проблемы. В результате разработка средств наведения и доставки стала сложным и дорогостоящим процессом. В этой связи политика полной независимости становилась малопривлекательной, а сохранение особых отношений с США особенно актуальным. С другой стороны, соглашение Великобритании с США в Нассау окончательно разрушило планы относительно перспектив создания европейских ядерных сил и решило исход переговоров по вступлению Великобритании в Общий рынок.

В конце 1962 года в США было принято решение снять с производства ракету «Скайболт», ранее предназначавшуюся в качестве носителя британского ядерного оружия. В правительстве США решили отменить этот проект, посчитав его чрезмерно дорогим и имеющим серьезные технические недостатки. На встрече Г. Макмиллана с Дж. Кеннеди на Багамских островах (Нассау) Великобритании в качестве альтернативы с целью исполнения ранее принятых на себя обязательств была предложена новая ракета подводного базирования «Поларис». Выбранный британцами проект предусматривал развертывание нового стратегического комплекса на подводных лодках, которые строились бы в Великобритании и оснащались британскими ядерными боеголовками. В частности, предполагалось строительство 4 подводных лодок, оснащенных 16 ракетами. Их строительство планировалось завершить к началу 1968 – 1970 гг. Оценочная стоимость семилетнего проекта составляла 220 млн. ф.ст. с учетом поставок американцами ракет, но исключала стоимость исследования и разработки английских боеголовок к ним¹⁵. Такое же предложение Дж. Кеннеди намеревался сделать и Франции с целью улучшить американско-французские отношения, но отложил свое решение. В начале января 1963 г. США предложили Франции «Поларис» под многосторонним, а не многонациональным контролем. Такое отличие делало неприемлемым предложение для Франции, поскольку экипажи для французских подводных лодок набирались бы из разных стран НАТО. Ш. де Голль отклонил его, расценив как попытку «задушить независимые ядерные силы»¹⁶. Кроме того, де Голль не устраивало исключение из соглашения об использовании собственных ядерных сил, только когда «высшие национальные интересы» потребуют этого. Будучи знакомым со структурой командования НАТО и механизмом принятия решений президент

Франции не представлял себе возможным осуществление подобного на практике. В самой Великобритании также задавались вопросами относительно трактовки подобной «оговорки». Следовало ли ее понимать, как разрешение правительству использовать стратегические ядерные силы в обстоятельствах не связанных с обороной стран Запада, или это только означает, что правительство может отклонить применение этих сил в особых обстоятельствах, затрагивающих интересы альянса. Но с другой стороны, такая расплывчатость трактовки давала возможность широкой интерпретации «высших национальных интересов» и вполне устраивала правительство. Кроме того, правительство отказалось подписывать письменное соглашение о передаче подводных лодок «Поларис» в многосторонние силы НАТО¹⁷.

Де Голль быстро оценил, что подлодки «Поларис» делали национальное ядерное сдерживание Соединенного Королевства еще более зависимым от американцев, что полностью противоречило планам де Голля по созданию независимой от США Западной Европы. «Как мы можем позволить стране вступить в Европу, которая в этот момент присягнула на верность Америке», – негодовал Ш. де Голль¹⁸. На пресс-конференции 14 января 1963 года президент Франции выступил с «двойным нет». «Нет» многосторонним силам, закреплявших доминирование США, и «нет» вступлению Великобритании в ЕЭС, которое с учетом особых отношений Великобритании с США, «растворилось бы в некоем атлантизме». По его мнению, согласие на предложение США было равносильно измене европейским интересам и оправдывало решение об отказе в приеме в Общий рынок. Это же обвинение де Голль мог адресовать и своим партнерам по ЕЭС. Они не поддержали первый и второй планы Фуше. Одна из главных причин – расхождение во взглядах по вопросу оборонной политики. Все члены ЕЭС, кроме Франции, не видя другой более надежной организации в ближайшем будущем, ценили членство в НАТО и рассчитывали на ее эффективность по обеспечению безопасности в Европе. «Европа не могла и не может достичь сама полной унификации. Такая унификация нуждается в поддержке Атлантического альянса», – заявлял К. Аденауэр¹⁹.

В то же время в Великобритании не прекращали попыток убедить правительство Соединенных Штатов согласиться на англо-французское ядерное сотрудничество. «Без Франции и соответственно без Европы, боюсь, что мы будем отброшены к изоляционизму того или иного рода». Одновременно, в надежде, что США в ближайшее время изменят свою

позицию, Макмиллан дал инструкции британскому послу во Франции Диксону 31 декабря 1962 г. изучить перспективу англо-французского сотрудничества на основе ракетоносителя «Полярис» независимо от США. Если же генерал останется глух к этому предложению, то послу разрешалось «поднять ставки и предложить сотрудничество по ядерным боеголовкам». Однако такого разрешения не поступало. И только после подписания договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, летом 1963 года, США начали «засыпать» Францию предложениями о помощи, чтобы заставить присоединиться к договору. (Например, купить у США технологию для проведения подземных ядерных испытаний).

С другой стороны, переговоры с СССР о запрещении ядерных испытаний заставили отложить дискуссии по МСС. СССР заявил, что многосторонние силы несовместимы с целью нераспространения и отверг заверение США о сохранении ими права вето. В Москве опасались, что Западная Германия в любом случае направит часть ядерных ракет на СССР, даже если они находятся под смешанным управлением и вето США. В результате прямой или косвенный доступ ФРГ к ядерному оружию мог повлиять на положительный итог переговоров о запрещении ядерных испытаний.

Со своей стороны, Франция намеревалась изменить планы МСС и скоординировать сопротивление строительству обычных вооруженных сил. Заключение в январе 1963 года франко-германского договора о дружбе полностью расстроило не только планы Великобритании, но и США, которые при помощи членства Великобритании в ЕЭС, планировали сплотить более мелкие европейские государства и Италию в блок, чтобы предотвратить франко-германскую ось, доминирующую в Европе и трансформирующую ее в третью силу.

Ш. де Голль продемонстрировал намерение строить замкнутую в себе Европу. В будущем это неминуемо привело бы к выводу американских войск и распаду НАТО. При этом Франция могла пойти на соглашение с Москвой, решить вопрос об объединении Германии и ее нейтральном статусе. В британском правительстве сожалели, что они мало что смогут сделать, чтобы повлиять на события в ЕЭС в ближайшем будущем. «Такие великие дела будут решены без нас», – с сожалением говорил премьер-министр Великобритании²⁰. Г. Макмиллан охарактеризовал франко-германский договор как инструмент, при помощи которого де Голль надеялся подчинить немецкую политику французским

интересам. Для Великобритании решение германского вопроса подобным образом заставило бы пересмотреть обязательство по содержанию рейнской армии, так как радикально изменились бы обстоятельства их нахождения на территории Западной Германии.

Таким образом, в начале 1960-х годов политика Великобритании была направлена на укрепление «европейской опоры» НАТО и сплочение вокруг нее западноевропейских союзников. В случае ее успешной реализации Великобритания установила бы особые отношения с Францией, в которых она выступала бы в роли лидера, используя свои связи и технологии США; в рамках институтов Североатлантического договора осуществлялись бы военно-политические и экономические связи объединенной на принципах свободной торговли Западной Европы. С другой стороны, реализация подобных планов находилась в зависимости от позиции Соединенных Штатов, которые с началом переговоров с СССР по разоружению придерживались политики нераспространения ядерного оружия. В результате самой Великобритании было предложено отказаться от особых отношений с США, став на один уровень (безъядерный) с остальными союзниками по НАТО. Посредством механизма многосторонних сил США планировали связать атлантические государства и закрепить свою лидирующую роль. По этой причине проект многосторонних сил, хотя и решал проблему равенства всех союзников (за исключением США) и «ядерной дискриминации» ФРГ, не получил поддержки в Великобритании и Франции, которые стремились сохранить независимые ядерные силы.

¹*Kissinger H. A. The unsolved problems of European Defense // Foreign Affairs. 1962. Vol. 40. № 4. P. 515–541.*

²*Document 1/11 Second Draft of the Treaty for the Establishment of a European Union (Fouchet Plan II), 18 January 1962 / Hill Ch.; Smith K. E. European Foreign Policy: Key Documents. London, 2000. P.156.*

³*Mahan, Erin R. Gordonsville. Kennedy, de Gaulle, and Western Europe. Palgrave Macmillan, 2003. P. 47.*

⁴*Buchan A. Partners and Allies / Foreign Affairs. 1962. Vol. 41. № 1. P. 165–182.*

⁵*BRITAIN AND THE COMMON MARKET / HL Deb 03 August 1961 vol 234 cc217-80 URL: // <http://www.hansard.millbanksystems.com/lords/1961/> (Дата обращения 18.06.2013).*

⁶Document 1/11 Second Draft of the Treaty for the Establishment of a European Union (Fouchet Plan II), 18 January 1962 / *Hill Ch.; Smith K. E.* European Foreign Policy: Key Documents. London, 2000. P. 98.

⁷*Herter C. A.* Atlantica / Foreign Affairs. 1963. Vol. 41. № 2. P. 299–309.

⁸EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITY / HC Deb 03 August 1961 vol 645 cc1651-714 URL: // <http://www.hansard.millbanksystems.com/commons/1961> (Дата обращения 18.06.2013).

⁹FOREIGN AFFAIRS / HC Deb 18 May 1961 vol 640 cc1559-615 URL: // <http://www.hansard.millbanksystems.com/commons/1961/may/18/order-of-the-day> (Дата обращения 18.06.2013).

¹⁰*Spinelli A.* Atlantic Pact of European Unity / Foreign Affairs. 1962. Vol. 40. № 4. P. 544.

¹¹*Kissinger H. A.* Strains on the Alliance / Foreign Affairs. 1963. Vol. 41. № 2. P. 280.

¹²*Mahan Erin R.* *Gordonsville*. Kennedy, de Gaulle, and Western Europe. Palgrave Macmillan, 2003. P. 89.

¹³*White B.* Britain, Detente and Changing East-West Relations. Florence, KY, USA, 1992. P. 198, 181.

¹⁴PRIME MINISTER AND PRESIDENT KENNEDY (MEETING) / HC Deb 14 February 1961 vol 634 cc1240-1 URL: // <http://www.hansard.millbanksystems.com/commons/1961> (Дата обращения 18.06.2013).

¹⁵Bahams Meeting, December 1962 / CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet held at Admiralty House on Friday, 21st December, 1962. CAB 128/35 URL: // <http://www.nationalarchives.gov.uk> (Дата обращения 18.01.2013).

¹⁶*Mahan Erin R.* *Gordonsville*. Kennedy, de Gaulle, and Western Europe. Palgrave Macmillan, 2003. P. 141.

¹⁷Bahams Meeting, December 1962 / CONCLUSIONS of a Meeting of the Cabinet held at Admiralty House on Thursday, 3rd January, 1963. CAB 128/37 URL: // <http://www.nationalarchives.gov.uk> (Дата обращения 18.01.2013).

¹⁸*Mahan Erin R.* *Gordonsville*. Kennedy, de Gaulle, and Western Europe. Palgrave Macmillan, 2003. P. 194.

¹⁹*Adenauer K.* The German problem, a world problem / Foreign Affairs. 1962. Vol. 41. № 1. P. 59.

²⁰*Mahan Erin R.* *Gordonsville*. Kennedy, de Gaulle, and Western Europe. Palgrave Macmillan, 2003. P. 203.

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Н. Барышников, А. Х. Даудов

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XVIII – XXI вв.)

Изучение истории стран Северной Европы традиционно было связано с научной деятельностью определенных исследовательских центров России. Это было во многом вызвано рядом обстоятельств, которые на протяжении многих столетий откровенно переплетали историю нашей страны с историей скандинавского региона, исследованием войн на северо-западе Европы, а также рассмотрением в научно-исследовательском плане т.н. «балтийского вопроса». Дело в том, что, начиная с возникновения Древнерусского государства, связи нашей страны со Скандинавией являлись очень тесными. Они выражались в самых разнообразных формах, включая экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Также регулярно на Севере Европы вспыхивали войны, в которых неизменно принимала участие Россия. Можно даже сказать, что наша страна ни с кем столько раз в своей истории не воевала на Западе, как со Швецией, а в XX-м веке Советский Союз ни с кем столько не воевал, как с Финляндией. На протяжении первой половины XX-го века наша страна трижды заключала с Финляндией мирные договоры. Естественно, что подобные обстоятельства не могли не привлекать внимание исследователей.

При этом следует заметить, что интерес к истории стран Северной Европы в научных кругах России стал формироваться уже в XVIII–XIX веках, причем обычно тогда исследователи ограничивались либо рассмотрением самой ранней истории взаимоотношений Древнерусского государства со Скандинавией, либо изучением войн и международных отношений на севере Европы. Как по этому поводу заметил известный

скандинавист, профессор Г. А. Некрасов: «В дооктябрьский период создавались преимущественно конкретно-исторические исследования по балтийскому вопросу, русско-шведским и отчасти русско-датским связям». Историк далее к тому же подчеркнул, что «внутренняя история Скандинавских стран изучалась недостаточно»¹. Причем обычно в отечественной научной литературе не акцентировалось внимание на принадлежность того или иного ученого-скандинависта к соответствующему российскому исследовательскому центру. Исключение составляли лишь попытки определенных историографов указывать на объективно сложившуюся в 1960–1980-е гг. научно-исследовательскую школу изучения истории Финляндии в Республике Карелия². Также в последующий период наметились еще тенденции превращения еще Архангельска в центр по изучению истории Норвегии. Это стало особенно заметно после проведения в начале XXI-го века здесь XIV-й и XV-й **всероссийских конференций** по изучению Скандинавских стран и Финляндии. С другой стороны, существует даже некое представление, что, скажем, «дореволюционная историография по истории Швеции не сформировала каких-либо особых “школ” или крупных научных направлений; у нее не сложились прочные традиции подобно тем, которые существовали в Петербурге в области скандинавской филологии и языкознания»³.

Тем не менее, здесь явно незаслуженно замалчивалось то, что в России именно петербургская историческая школа все же стала той основой, при которой закладывалось научное осмысление истории скандинавских стран и Финляндии. В исследовательской литературе можно лишь вскользь встретить констатацию данного явления. Так, известный ученый профессор А. С. Кан заметил, что именно в Санкт-Петербурге «вплоть до Второй мировой войны сосредоточивались скандинавские студии»⁴. Другой же крупнейший отечественный скандинавист ленинградец И. П. Шаскольский прямо указал на то, что «во второй половине 1800-х гг. и начале 1900-х гг., почти все исследования истории российско-финских отношений были написаны и изданы в Санкт-Петербурге»⁵.

Но эти утверждения все же требуют развернутых пояснений. Действительно, в начале, прежде всего, именно в Петербурге стали появляться исследования, которые в той или иной степени затрагивали историю стран Северной Европы. Первым всплеском явного интереса к истории Скандинавии стало активное обсуждение в первой половине XVIII-го века в стенах Санкт-Петербургской Академии наук проблем генезиса

российской государственности. Немецкие историки, работавшие тогда в Петербурге (Г. З. Байер и А. Л. Шлёцер), выдвинули версию «норманнского следа» в истоках зарождения Древнерусского государства в эпоху раннего средневековья. У этой версии, как известно, появились тогда противники (М. В. Ломоносов), что, несомненно, придало возникшей дискуссии серьезную научную составляющую, а сами споры и отношение к «норманнской версии» условий возникновения российской государственности далеко перешагнули XVIII в. и затронули в концептуальном плане практически всех историков раннего русского средневековья вплоть до наших дней.

В результате развития данной дискуссии начал расти и интерес к истории соседних с Россией скандинавских государств. Причем тогда уже в Петербурге стали переводить и издавать первые конкретные исследования по истории стран Северной Европы, опубликованные до этого за рубежом. В частности, во второй половине XVIII в. был издан сокращенный перевод «Истории Дании» Л. Хольберга⁶ и «Истории Шведского государства» О. Далина.⁷

Но, с другой стороны, интерес к истории скандинавских государств в России стал также проявляться вследствие необходимости анализа наиболее острых событий, сопутствовавших развитию истории взаимоотношений России со странами Северной Европы. В частности, в Петербурге уже в XVIII в. появились первые работы по истории русско-шведских войн. В этом отношении, несомненно, представляет интерес составленная тогда «Гистория Свейской войны», которая была посвящена рассмотрению хода Великой Северной войны.

Но систематическое изучение истории скандинавских стран и Финляндии в Санкт-Петербурге, тем не менее, началось уже непосредственно лишь в середине и во второй половине XIX в. Причем, продолжая заложенную ранее традицию, тогда в центре внимания исследователей оставались, главным образом, военные сюжеты, причем, прежде всего, русско-шведские войны XVIII–XIX вв. Авторами этих работ являлись известные военные историки или участники самих этих событий из числа российских военачальников. В частности, тогда увидели свет книги генерал-лейтенанта русской армии, члена Российской АН А. И. Михайловского-Данилевского, а также члена Государственного Совета, почетного члена Императорской Военной академии генерала П. К. Сухтелена⁸.

Данные работы, фактически, заложили основу к дальнейшему изучению событий последней русско-шведской войны. Следующий же серьез-

ный шаг здесь был сделан уже в начале XX-го века, когда был подготовлен к изданию военным историком, полковником П. А. Ниве сборник переведенных на русский язык документов военно-исторического отдела шведского генерального штаба, посвященных событиям 1808-1809 гг.⁹ Это позволяло уже на двухсторонней основе взглянуть на события последней войны, произошедшей между Россией и Швецией. Неслучайно поэтому затем в 1910 г. П. А. Ниве издал свою весьма фундаментальную работу, раскрывающую ход боевых действий в тот период¹⁰. В результате в исследовании русско-шведской войны 1808–1809 гг. был достигнут несомненный успех, который в последующем отечественными исследователям превзойти пока не удалось.

Также во второй половине XIX в. были предприняты попытки исследования и более ранних русско-шведских войн, XVIII-го века. Любопытным при этом стало то, что к этому непростому тогда делу впервые начали привлекаться женщины. Так жена военного историка генерал-лейтенанта М. И. Иванина, Наталья Сергеевна Шпилевская, изучив шведский язык и шведскую литературу, впервые познакомила русскую публику с малоизвестными событиями русско-шведской войны 1741–1743 гг.¹¹. Кроме того, работавший некоторое время в качестве приват-доцента в Санкт-Петербургском университете А. Г. Брикнер подготовил исследование о последней русско-шведской войне в XVIII-м веке¹².

В то же время продолжалось научное осмысление, может быть, одной из самых популярных исследовательских тем по истории XVIII-го века, связанной с изучением событий Великой Северной войны. Именно тогда началась активная разработка отдельной, но до этого мало исследованной, т.н. «финской составляющей» хода боевых действий данного периода. В результате, благодаря творчеству основателя Русского военно-исторического общества генералу А. З. Мышлаевскому, стало возможным вывести этот достаточно слабо изученный ранее вопрос на научный уровень. При этом Мышлаевский, так же как и Ниве, вначале сумел создать весьма ценную подборку документов, раскрывающих ход боевых действий в 1708—1714 гг. «на Ингерманландском и Финляндском театрах»¹³, а затем издал и достаточно интересную в научном плане книгу о непосредственных боевых действиях на территории Финляндии в ходе Северной войны¹⁴.

Тем не менее, наряду с военно-историческими вопросами, которые стали активно подниматься в то время исследователями Петербурга, ко второй половине XIX в. все решительнее столичные ученые нача-

ли касаться внешнеполитических аспектов, затрагивающих проблему положения Северной Европы в системе межгосударственных отношений предшествующих эпох. В частности, в 1868 г. член Императорского Русского исторического общества, директор Государственного архива в Петербурге К. К. Злобин подготовил работу о дипломатических отношениях России и Швеции в период правления Александра I. Исследователь довел свое изыскание до момента присоединения Финляндии к России¹⁵. Эта работа явилась практически первой отечественной научной разработкой сюжетов, связанных с дипломатической борьбой на Балтике начала XIX в. Однако, как впоследствии было отмечено, книга К. К. Злобина была не лишена недостатков, поскольку, по мнению петрозаводского историка И. И. Кяйвярайнена, «автор этого сочинения впадает в упрощенчество, когда бездоказательно возлагает всю ответственность за возникновение войны на одну Швецию»¹⁶.

Но, в целом, изучение истории международных отношений на Балтике уже пробивало себе тогда дорогу. Объективно самым признанным и одним из основных историков, который серьезно затронул вопросы международной истории стран Северной Европы, стал финляндец по происхождению, профессор Г. В. Форстен. Он являлся выпускником Санкт-Петербургского Императорского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа, фактически, оказалась первым в России глубоко научным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Балтийского региона. Как затем отмечалось, в ней отсутствовало проявление любых форм «провинциализма или национализма». Развивая же исследуемую тему, Г. В. Форстен продолжил свою научную работу и в итоге в марте 1894 г. в Петербургском университете защитил двухтомную докторскую диссертацию: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях»¹⁷. Работа оказалась уникальным историческим исследованием. Она была основана на колоссальном привлечении зарубежных архивных источников. Несомненно, что именно стараниями Г. В. Форстера в нашей стране была заложена база отечественной скандинавистики, а петербургская историческая школа стала одним из важных научных центров по изучению истории стран Северной Европы. К тому же в Санкт-Петербурге у Форстена появились ученики и последователи. Уже в 1894 г. университет закончил М. А. Полиевктов, который затем в 1907 г. издал монографию – «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.)»¹⁸. Он также стал профессором

Петербургского университета. В то же время, с 1907 по 1909 гг., в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте учился еще один в будущем известный исследователь т.н. «балтийского вопроса» XVII в. Г. А. Замятин.

Одновременно, на рубеже веков, в Петербурге начали еще издаваться книги по религиозным аспектам истории Швеции и Дании¹⁹, а также по социально-экономическим проблемам в истории Скандинавии²⁰. Все это уже свидетельствовало об изменении определенных акцентов в изучении стран Северной Европы. Более того, в 1907 г. был опубликован краткий перевод новой книги по истории Дании²¹. Все это в целом указывало на расширение в России научных представлений о Скандинавии и об ее истории.

Однако менее изученной оставалась история Финляндии. О ней писалось только в плоскости рассмотрения проблем европейской дипломатии и решения т.н. «балтийского вопроса». Это не создавало более или менее стройного представления о конкретной финской истории, поскольку популярные в XIX в. исторические сюжеты, как отмечали впоследствии отечественные скандинависты, могли лишь достаточно неполно затрагивать весьма важные для истории этого государства вопросы²².

В этом отношении представляют определенный интерес первые работы, в которых непосредственно касались вопросов собственно истории финского народа. По имеющимся тогда научным представлениям в 1877 г. была издана книга – «О древней культуре западных финнов по данным их языка» выпускника Санкт-Петербургского университета, известного русского филолога, действительного члена Петербургской Академии наук Л. Н. Майкова²³. Выход в свет этого произведения уже явно свидетельствовал о возрастающем внимании к истории Финляндии, которое теперь стало пробуждаться в академических кругах Петербурга. Это было тем более показательно, поскольку до этого соседняя с Российской империей страна рисовалась лишь преимущественно только как «убогий и дикий край».

Однако сам начавшийся процесс исторического осмысления прошлого приобрел в России в большей степени публицистический или околонаучный характер. Причем это тогда относилось не только к работам, посвященным Финляндии и ее истории. Подобный подход был характерен и для сочинений, касающихся Скандинавии в целом. В частности, в тот период появились работы в будущем достаточно известных литераторов – выпускницы Смольного института благородных девиц Е. Н. Водо-

возовой и выпускницы историко-филологического факультета Высших женских курсов в Петербурге Т. А. Богданович²⁴. В 1897 г. в Петербурге вышла также еще целая брошюра, названная достаточно выразительно – «Скандинавы». Она была подготовлена писателем и школьным учителем Ф. Ф. Пуцыковичем, который в свое время тоже закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета²⁵.

Выход данных работ во многом можно объяснить тем, что в тот период скандинавские страны в глазах петербургской общественности становились достаточно любопытными и даже, может быть, интересными в научно-популярном плане государствами. Как отметил профессор А. С. Кан, тогда в России «былое пренебрежение сменилось где-то в 90-х годах XIX века **восхищением; увлекались самыми разными достижениями шведов и датчан, будь то в сфере молочного хозяйства, семеноводства и лесоводства, в сфере лечебной гимнастики, ручного труда в школе**» и т.д.²⁶. В результате в Петербурге стали обильно издаваться брошюры российских деятелей науки и культуры, в которых предпринималась попытка передать читателю впечатления от знакомства со Скандинавией в тот момент, когда российские туристы стали часто посещать эти страны²⁷. Все это говорило о том, что интерес к скандинавским странам у общественности России, очевидно, стремительно вырос. Что же касается научно-исторических представлений, то они, пока еще оставались на достаточно низком исследовательском уровне.

Ярким примером тому может служить изучение в данном случае истории Норвегии. Еще в 1837 г. в Журнале Министерства внутренних дел была опубликована первая, в общем-то, научная статья – «Три древние договора руссов с норвежцами и шведами». Эта работа принадлежала перу будущего академика П. Г. Буткова²⁸, который ранее некоторое время являлся чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе. Именно это назначение, а также служба в Совете Министерства внутренних дел, возможно, подвигли его к изучению сюжетов истории взаимоотношений стран Северной Европы и России. Сама же подготовленная им статья, тем не менее, долгое время являлась единственным произведением, в котором лишь в определенной степени затрагивалась история Норвегии.

Однако ситуация начала меняться. Внимание к истории норвежского государства в России резко усилилось, когда в 1905 г. эта страна отделилась от Швеции и провозгласила свою независимость. Причем, очевидно,

что в тот период, сама проблема, связанная с обретением ею независимости, несомненно, начала вызывать растущий интерес у российской общественности. Журнал «Исторический вестник» писал, что «маленькая Норвегия» вызвала «всесветный восторг своим чудным единодушием в решительную минуту борьбы за независимость»²⁹. В целом, на рубеже XIX—XX вв. о Норвегии появилось довольно большое количество научно-популярной литературы. Она затрагивала преимущественно этнографические и географические аспекты, нося в большинстве своем сугубо описательный характер³⁰.

Одновременно стал проявляться и интерес к вопросам, которые в большей степени были связаны с исторической наукой. В данном отношении, несомненно, серьезное внимание заслуживает книга - «Поездки скандинавов в Белое море». Эта работа была подготовлена и издана филологом-скандинавистом, преподававшим в Санкт-Петербургском университете, профессором К. Ф. Тиандером³¹. В книге автор постарался разобраться в древних скандинавских эпических произведениях – сагах, раскрывающих наиболее раннюю историю Норвегии, а также Исландии. Тиандер, таким образом, сделал значительный шаг в научном раскрытии практически мало исследованной до этого в России темы, связанной с эпохой викингов. Его произведение, которое было опубликовано «по постановлению Историко-Филологического Факультета» университета, свидетельствовало об уже явном нарастании в академических кругах Петербурга интереса к ранней скандинавской истории.

Относительно же освещения произошедшего в тот период разрыва в 1905 г. шведско-норвежской унии, то это событие в России оценивалось по-разному. В условиях нарастания в Норвегии движения за отделение от Швеции там пытались дать этому соответствующую, прежде всего, политическую характеристику. Причем международный аспект выступал тогда как один из наиболее важных с точки зрения рассмотрения происходивших событий. Свидетельством тому было большое количество статей, которые стали появляться преимущественно о Норвегии в журнале «Известия Министерства иностранных дел». Вообще обретение Норвегией независимости было воспринято в России позитивно, но по большей части здесь все же обращались лишь к описательной стороне этого вопроса.

Тем не менее, на рубеже XIX – XX-го вв. в Петербурге наряду с явно повышенным интересом к Скандинавии больше внимания стали также уделять и Финляндии. Причем во многом данное явление было тоже

продиктовано политическими обстоятельствами, но связано оно было с совершенно противоположным поводом. Дело в том, что именно тогда в Петербурге перешли в наступление на финляндскую автономию, пытаясь ограничить возможные тенденции к отделению Финляндии от России. Как заметил петрозаводский исследователь И. И. Кяйвяряйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине»³². В результате, теперь для российских властей требовалась уже организация идеологического обоснования начавшейся тогда т.н. «русификации». Как следствие этого, об истории и современном политическом положении Финляндии было издано в Петербурге небывалое до этого количество работ³³.

Тем не менее, несмотря на явно возникшую сугубо идеологического характера политическую востребованность в публикациях по «финляндскому вопросу», научная составляющая этих исследований тоже очевидно стала укрепляться. В этом плане яркими и достаточно обстоятельными явились книги ряда авторов, работающих в Петербурге. Прежде всего, весьма интересным представляется книга царского сановника К. Ф. Ордина, в которой он непосредственно коснулся российско-шведско-финляндских отношений. Его сочинения неоднозначно были восприняты в определенных кругах России. Труд К. Ф. Ордина, по мнению публициста и историка Б. Б. Глинского, например, был, «гнусной книгой, враждебной к любому проявлению вольнодумства, любой свежей мысли»³⁴.

Подобное отношение к данной работе, очевидно, было вызвано в большей степени также политическими соображениями ряда представителей российской общественности. Но К. Ф. Ордин тоже давал для этого соответствующий повод, поскольку его нельзя было считать в строгом смысле историком-профессионалом. В Санкт-Петербургском университете он получил сугубо естественно-научное образование. К тому же, после окончания университета К. Ф. Ордин поступил на государственную службу и дослужился до чина гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а также тайного советника состоявшего при министре внутренних дел. Тем не менее, интерес к истории привел его к тому, что в 1889 г. им все же было издано двухтомное сочинение «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам»³⁵.

Значение самого этого произведения, прежде всего, заключалось в том, что здесь впервые в отечественной историографии предпринималась попытка представить российскому читателю объемную историю россий-

ско-шведско-финляндских отношений. Как тогда вполне справедливо заметил сам автор: «Политические отношения России и Финляндии, бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы русские имеем весьма неопределенное представление»³⁶.

Другим же обстоятельством, которое явно подтолкнуло К. Ф. Ордина к началу исследования указанной темы, было очевидно то, что он смог познакомиться с рядом издававшихся ранее работ, касающихся российско-скандинавских отношений и написанных финскими и шведскими авторами³⁷. Содержание этих книг явно не соответствовало представлениям Ордина. Как он отметил: «...Образовалась уже по этому предмету на шведском и других иностранных языках целая литература, которая с примерным единодушием приводит понятия ее вырабатываемая и укореняет их в общем сознании не только у себя дома, но и за границей и даже у нас»³⁸. Конкретно, у него вызвала отторжение мысль, активно пропагандировавшаяся тогда в финских и шведских исследовательских кругах, о том, что присоединение Финляндии к России явилось условием, при котором Великое княжество начало формироваться в качестве «независимого государства», поскольку «сумело отвратить от отечества (Финляндии) опасность владычества, основанного на победах». В результате, как заметил Ордин, в подобного характера литературе, появилось представление, что Финляндия превратилось уже в «особое государство», где отношения с Россией начали формироваться по принципу унии двух равноправных стран³⁹. Это, собственно, и заставило автора начать свое исследование. В итоге появилось двухтомное сочинение, где вначале автор сосредоточился на раскрытии русско-шведско-финских отношений, начиная с раннего средневековья и заканчивая войной 1808–1809 гг. Второй том его произведения целиком посвящался условиям присоединения Финляндии к России, которое явилось результатом поражения Швеции в войне, «отдавшей Финляндию окончательно в собственность России»⁴⁰.

С момента издания книг К. Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-шведско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещения финляндских дел с русской точки зрения». Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX-го в. русским историком М. М. Бородкиным. Владение шведским и финским языками позволило Бородкину помимо российских источников использовать обширную документальную, исследовательскую и мемуарную литературу, опубликованную в

Северной Европе. Научная же плодовитость автора не могла не вызвать восхищения. Он сумел создать за крайне ограниченный срок – семь лет (1908–1915 гг.) весьма объемную, семитомную (!!!), историю Финляндии⁴¹. Неслучайно поэтому в марте 1913 г. М. М. Бородкин был избран действительным членом Русского исторического общества. Кроме того, он также являлся пожизненным членом Императорского русского военно-исторического общества.

Любопытным в данном случае является вывод, который автор делал в первом томе своего произведения, относящегося к истории Северной войны. М. М. Бородкин особо отмечает мысль, что нищая и разоренная в годы Северной войны Финляндия России была в целом не нужна, а сам ее захват, прежде всего, был вызван военно-стратегическими замыслами царя и связан только с необходимостью продолжения войны. Это утверждение являлась достаточно важным, поскольку к этому времени за рубежом уже четко сложилось представление о том, что Россия традиционно мечтала даже не столько о захвате финской территории, а продолжала и вплоть до начала XX в. еще угрожать Швеции, да и Норвегии.

В целом, можно говорить, что в дореволюционной русской историографии уже явно обозначились определенные приоритеты в изучении истории скандинавских стран и Финляндии, а петербургская историческая школа скандинавистов, фактически, заложила основы для формирования мощного российского центра по изучению истории стран Северной Европы.

Однако, как справедливо заметил профессор А. С. Кан, итоги революции 1917 г., а затем и гражданской войны привели работу по историческому исследованию скандинавских стран «к практическому исчезновению... в Советской России-СССР»⁴².

Объективно в то время начала происходить серьезная смена не только поколений исследователей, но и отношения к скандинавистике как науке. Теперь на первый план стали уже выходить работы, в которых, прежде всего, обращалось внимание на социально-классовые и экономические сюжеты развития стран Северной Европы. Преемственность могла наблюдаться в 20–30-е гг. лишь в том, что как, в свое время, основатель российской скандинавистики Г. В. Форстен, так и новые авторы, работавшие в Петрограде/Ленинграде, представляли собой исследователей, переехавших в Россию из Финляндии. Это были политические эмигранты, т.н. «красные финны», которых теперь, прежде всего, интересовали проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования

касающиеся вопросов современной социально-классовой борьбы. При этом в Ленинграде в большей степени тогда стали заниматься в научном плане лишь ранней историей Северной Европы⁴³, а также скандинавскими и финно-угорскими языками. Тем не менее, важнейшее значение тогда сохранили «ленинградские библиотеки – в то время главное в СССР хранилище скандинавских и финских печатных первоисточников»⁴⁴.

Действительно, в течение XVIII-го и особенно XIX–нач. XX-го вв. Санкт-Петербургские архивы и библиотеки приобрели значительное количество скандинавских архивных материалов и печатной продукции. В частности, Российская Национальная библиотека и Библиотека Академии наук в XIX-м – нач. XX-го вв. получали по одному обязательному экземпляру любой печатной продукции изданной, скажем, в Финляндии. Опираясь на эту фундаментальную исследовательскую базу, можно было продолжить научно-изыскательскую работу по изучению истории стран Северной Европы. В этом отношении в Ленинграде, таким образом, сохранились хорошие перспективы для дальнейшей плодотворной деятельности историков-скандинавистов, существовали эти перспективы в Ленинградском государственном университете. После многочисленных реорганизаций в сентябре 1934 г. в университете был образован исторический факультет, где стали работать известные ученые. В результате появилась возможность формирования нового поколения историков, которые занимались изучением стран Северной Европы.

Так в 1935–1940 гг. учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени Е. В. Тарле, написавшего в свое время книгу по истории Северной войны⁴⁵, стал будущий известный скандинавист Г. А. Некрасов⁴⁶. Также с 1936 г. на историческом факультете ЛГУ начал учиться в будущем крупнейший исследователь истории стран Северной Европы И. П. Шаскольский⁴⁷. Уже в 1940 г. им были опубликованы первые печатные работы, посвященные данным историческим сюжетам, а в 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию, относящуюся к ранней истории Северной Европы – «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». Далее же, фактически, продолжая дело Г. В. Форстена, он явно начал уделять наибольшее внимание т.н. «балтийскому вопросу», что выразилось в том, что в 1965 г. И. П. Шаскольский защитил докторскую диссертацию – «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.».

И хотя сфера интересов И. П. Шаскольского находилась в плоскости исследования проблем, связанных с ранней историей, небольшое количе-

ство его работ все же затрагивало вопросы русско-шведских отношений XVII–XVIII вв., где также еще просматривалась и финская история⁴⁸. Тем не менее, как заметил известный отечественный историк-скандинавист, профессор Санкт-Петербургского университета В. Е. Возгрин, «работы И. П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом⁴⁹. Более того, за годы научной деятельности И. П. Шаскольский сумел создать целую школу ленинградских скандинавистов, которые непосредственно изучали определенные проблемы, связанные с историей Нового времени скандинавских стран и Финляндии⁵⁰. В частности, ученики И. П. Шаскольского, выпускники ЛГУ, подготовили целый ряд кандидатских и докторских диссертаций по истории Северной войны. Так он был научным руководителем Ю. Н. Беспярых, который в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию («Россия и Финляндия во время Северной войны 1700–1721 гг.»), а в 1990 г. докторскую – «Западноевропейские источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм)», В. Е. Возгрин, который в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию («Русско-датские отношения в 1697–1714 гг.»), а в 1989 г. докторскую – «Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.)» и П. А. Кротова, который в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию («Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века»), а в 1999 г. докторскую – «Российский флот на Балтике при Петре Великом». Эти работы выгодно отличались обширным использованием шведских источников и научной литературы, что позволяло говорить о сохраняющихся тенденциях петербургско-ленинградского стиля скандинавведения. Неслучайно профессор А. С. Кан характеризовал И. П. Шаскольского не иначе, как – «беспорный глава ленинградских историков-скандинавистов»⁵¹.

Тем не менее, хотя И. П. Шаскольский и читал лекции на историческом и филологическом факультетах ЛГУ, главный центр изучения истории стран Северной Европы в то время сместился на базу Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР – там, где непосредственно работал этой крупнейший скандинавист. Именно здесь объединялись исследователи, занимающиеся изучением истории стран Северной Европы. В результате начали уже возвращаться определенные утраченные ранее позиции Ленинграду, как одному из основных центров отечественной скандинавистики.

Более того, ленинградские скандинависты стали играть важную роль в формировании новых центров по исследованию истории стран Северной Европы. Так еще после окончания Великой Отечественной войны И. П. Шаскольский временно в 1949–1953 гг. работал в Петрозаводске. Именно это, как представляется, во многом как раз и способствовало становлению в Карелии научной школы по изучению, прежде всего, истории Финляндии. К тому же многие будущие ведущие пертрозаводские специалисты по финской истории, такие как И. И. Кяйвярйянен, М. Н. Власова и др. свои диссертационные работы защищали именно в Ленинграде⁵². Здесь же они осуществляли и свою научно-исследовательскую работу, изучая соответствующие фонды ленинградских архивов⁵³. К этому также следует добавить, что и переезд из Ленинграда в Москву в 1946 г. Г. А. Некрасова⁵⁴, несомненно, тоже сыграл важную роль в начале складывания научного центра по изучению скандинавских стран и Финляндии непосредственно в столице СССР.

Таким образом, историки Ленинграда сыграли важную роль в становлении и организации советской скандинавистики, а Москва и Перозаводск, наряду с Ленинградом, превратились в важные центры по изучению истории стран Северной Европы⁵⁵. В результате, ленинградские скандинависты, группирующиеся, прежде всего, вокруг ЛОИИ, активно поддержали начавшееся в конце 1950-х–1960-е гг. укрепление отечественной школы по изучению истории стран Северной Европы, явились одним из главных стержней в развитии отечественного изучения истории Скандинавии и Финляндии. Неслучайно поэтому они оказались наиболее активными организаторами и участниками первых регулярных все-союзных научных конференций по изучению вопросов экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии⁵⁶, а также традиционных двухсторонних советско-финляндских и советско-шведских научных конференций и симпозиумов, посвященных истории, археологии и экономике этих стран.

Кроме того, также явно расширился круг лиц, кто непосредственно занимался историей стран Северной Европы. В частности, уже в 1960–1980-е гг. проблемам, связанным с революционной и социально-экономической историей этих стран, стали активно заниматься и публиковать первые свои работы такие известные ленинградские исследователи, как д.э.н. И. М. Бобович и д.и.н. М. М. Коронен⁵⁷. Отдельное направление в исследовании истории Финляндии открыл д.и.н. Н. И. Барышни-

ков, который впервые в Советском Союзе начал с 1960-х гг. исследовать вопросы, связанные с участием Финляндии во Второй мировой войне. В общей сложности, им было по данной проблеме подготовлено около 200 научных работ, в том числе и ряд крупных монографий⁵⁸, некоторые из которых были изданы непосредственно в Финляндии.

В результате, заложенные в 1960–1980-е гг. основы для изучения истории скандинавских стран и Финляндии в Ленинграде позволили создать непосредственные условия для возрождения в Петербурге нового научного центра по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. С 1998 г. в городе стали проводиться ежегодные международные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», материалы которых затем издавались в соответствующих сборниках⁵⁹. Кроме того в Петербурге с 1997 г. регулярно раз в два года стали проводиться «Скандинавские чтения», материалы которых затем становились основой к изданию достаточно объемных сборников, в которых затрагивались, прежде всего, этнографические и культурно-исторические аспекты развития стран Северной Европы. Также на основе материалов ряда российско-шведских научных конференций в 1998 г. был еще издан сборник «Шведы на берегах Невы», где постарались, как отмечено во введении к этому изданию, открыть «забытые или вовсе неизвестные страницы политической, военной и промышленной истории», которая раскрывает вопросы «научных и культурных связей Петербурга со Швецией»⁶⁰. С начала XXI века стали также активно проводиться конференции в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала». На них традиционно начали рассматривать исключительно вопросы, связанные с российско-финляндскими отношениями. Благодаря этому в 2006 г. в издательстве СПбГУ был даже издан сборник материалов трех первых этих конференций. В этом сборнике, названном «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.», авторы постарались раскрыть свое видение сложных вопросов советско-финляндских отношений накануне и в годы Второй мировой войны⁶¹.

Показательным также является то, что во всех этих научных мероприятиях весьма активное участие принимали сотрудники кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. Кафедра в 2000-е гг. начала решительно возрождать исторические традиции, заложенные в ее стенах еще Г. В. Форстенем. На Историческом факультете СПбГУ приступили к серьезной организации и проведению своих собственных научных

конференций, посвященных истории стран Северной Европы, превращая университет в важный научный центр по изучению истории Финляндии⁶².

Несомненно, этому также способствовало то, что на кафедре истории Нового и новейшего времени стали проходить специальные семинарские занятия по истории скандинавских стран и Финляндии, а также подготовлен полнокровный курс лекций по истории стран Северной Европы. Кроме того, также студентам исторического факультета стали предлагаться курсы лекций, посвященные истории Балтийского региона и истории северных империй Нового времени, а на филологическом факультете начали читаться курсы по истории Финляндии и истории скандинавских стран. Также для студентов кафедры истории Нового и новейшего времени регулярно организуются семестровые специальные лекционные курсы, касающиеся самых разных аспектов истории стран Северной Европы XVII–XX вв. Все это в комплексе позволяет в достаточной степени освоить историю скандинавских стран и Финляндии в Новое и новейшее время и создать уже прочную основу для продолжения изучения истории Североευропейского региона петербургскими исследователями.

¹*Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968. С. 12.

²См.: *Сукияйнен И. И.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии // Скандинавский сборник. VIII. Таллинн, 1964; *Такала И. М.* Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007 и т.д.

³*Некрасов Г. А.* Русская дореволюционная, прибалтийская и советская историография // История Швеции. М., 1974. С. 27.

⁴*Кан А. С.* Историк Г. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 4.

⁵*Šaskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 2. S. 114.

⁶История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. СПб., 1765–1766. Ч. 1–2.

⁷*Далин О.* Истории Шведского государства. Ч. I–IV. СПб., 1807.

⁸*Михайловский-Данилевский.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841; *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.

⁹Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808—1809 гг. Ч. 1–3. СПб., 1909.

- ¹⁰Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910.
- ¹¹Штилевская Н. С. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859.
- ¹²Брикнер А. Г. Война России со Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869.
- ¹³Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893.
- ¹⁴Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896.
- ¹⁵Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.
- ¹⁶Кяйвярйнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 11.
- ¹⁷Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1, 2. СПб., 1893–1894.
- ¹⁸Полиевктов М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907.
- ¹⁹Дементьев Г. Введение реформации в Швеции. СПб., 1892; Дементьев Г. А. Введение реформации в Дании. СПб., 1900.
- ²⁰Берендтс Э. Н. Государственное хозяйство Швеции. Ч. 1–2. СПб., 1890, 1892; Брикнер А. Г. Медные деньги в России 1656–1663 и денежные знаки в Швеции 1716–1719. СПб., 1864.
- ²¹Геделунд Л. Н. История Дании. СПб.; М., 1907.
- ²²См.: Кан А. С. Историк Г. Форстен и наука его времени... С. 51.
- ²³Майков Л. Н. О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: **Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen.** (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб., 1877.
- ²⁴Водозова Е. Н. Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб., 1889; Богданович Т. А. Страна, правительство и народ Швеции. СПб., 1906.
- ²⁵Пуцькович Ф. Ф. Скандинавы. СПб., 1997.
- ²⁶Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 297.
- ²⁷Грот Я. К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. СПб., 1874; Контев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии в 1892 г. СПб., 1893; [Краевский Д.] Беглые заметки туриста о Швеции и Норвегии. СПб., 1891 и др.
- ²⁸Бутков П. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Кн. 2.
- ²⁹Исторический вестник. 1908. № 7.
- ³⁰Гебель Г. Ф. К вопросу о колонизации Лапландии. СПб., 1909; Крюков Н. А. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; Кулакова-Горт Е. Я. Норвегия. СПб., 1909 и др.
- ³¹Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- ³²Кяйвярйнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году... С. 11.

³³Головин. Листки из настоящего и прошлого Финляндии. СПб., 1891; Финляндия. – СПб., 1898; *Сергеевский Н. Д.* К вопросу о коренных законах в.к. Финляндского. СПб., 1899; *Головинский М. В., Ядрышев Н. К.* История финского народа. СПб., 1901; *Бородкин М.* Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902; *Бородкин М. М.* Финляндский вопрос. СПб., 1905; *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911; *Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809—1909). СПб., 1911 и др.

³⁴Исторический вестник. 1890, апр. (Цит. по: *Кяйвяряйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году... С. 11).

³⁵*Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам... Т. I–II. СПб., 1889.

³⁶*Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам... Т. I. С. VII.

³⁷См.: Там же. С. 459–460.

³⁸Там же. С. VII.

³⁹Там же. С. VII–VIII.

⁴⁰Там же. С. X.

⁴¹*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобринкова. СПб., 1905.

⁴²*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 6.

⁴³См.: *Рыдзевская Е.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 /посмертное издание/.

⁴⁴*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 7.

⁴⁵*Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

⁴⁶См.: Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 319.

⁴⁷*Возгрин В. Е.* Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 5.

⁴⁸Полный перечень работ И. П. Шаскольского см.: *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 296–316.

⁴⁹*Возгрин В. Е.* Предисловие... С. 7.

⁵⁰См.: Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970; *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996 и др.

⁵¹*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 9.

⁵²*Saskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa... S. 121.

⁵³*Сукияйнен И. И.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии. С. 401, 402, 404.

⁵⁴Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. С. 319.

⁵⁵*Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР... С. 14.

⁵⁶Там же. С. 13–14.

⁵⁷*Бобович И. М.* Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; *Коронен М. М.* Советско-финляндские отношения – пример мирного сосуществования. Л., 1960; *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; *Коронен М. М.* В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1983; *Коронен М. М.* В. И. Ленин и финляндский путь «Искрь». Л., 1981.

⁵⁸*Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.-Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1941 гг. СПб.-Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010 и др.

⁵⁹См.: Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001–2011; <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

⁶⁰Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 5.

⁶¹От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

⁶²См., например: Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Сб. материалов коллференции «Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского)». СПб., 2007;

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМАТИКА В ОСВЕЩЕНИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

Максим Максимович Ковалевский оказался «самой яркой фигурой в русской либеральной историографии»¹. Его исследования отличались масштабностью, за ним заслуженно закрепилась известность как «выдающегося историка нового времени», «обеспечившего признание русской исторической науке на Западе»². Перечень научных и общественных интересов М. М. Ковалевского обширен, а список лишь опубликованных в 1875–1977 гг. работ составил 681 наименование³. О жизненном пути и взглядах Ковалевского, его общественной деятельности и вкладе в развитие российской науки и образования писали уже многие исследователи и, как уточнил один из этих авторов, «сегодня продолжают выходить книги и статьи, что <...> позволяет утверждать о сложившейся в российской историографии традиции “Ковалевсковедения”»⁴. В русле этого направления появлялись работы специализированные⁵ и обстоятельные труды общего плана⁶. Был отмечен интерес М. М. Ковалевского к сюжетам американской истории и современной ему общественно-политической жизни США⁷. Однако означенная тема не исчерпана, поэтому ее развитию применительно к «американской демократии» и жизни и деятельности ее поборника Томаса Джефферсона посвящена настоящая работа.

Обстоятельства в жизни М. М. Ковалевского способствовали познанию американской проблематики. Закончив в 1872 г. юридический факультет университета в Харькове, Ковалевский «продолжил свое образование в Германии, Франции и Англии». При Московском университете М. М. Ковалевский в 1877 г. сдал магистерский экзамен, в 1878 г. защитил магистерскую и в 1880 г. докторскую диссертации. Он значительное время преподавал в известных учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга и, участвуя в общественной жизни, приобрел заслуженное признание и как «ученый с мировым именем, историк, юрист, социолог и этнограф» и как

лектор, «чрезвычайно популярный в среде студенческой молодежи». В 1914 г. М. М. Ковалевский стал действительным членом Петербургской Академии наук, а до этого он в 1882 г. и в 1901 г. совершил две поездки в США, в ходе которых ознакомился с этой страной, воочию наблюдал за жизнью американцев и осуществлял насыщенные научные программы⁸. Таким образом, он как исследователь и преподаватель смог соединить в своей деятельности отдельные стороны и черты, характерные для московского и петербургского направлений крепнувшей тогда в России американистики. А последняя все активнее заявляла о себе как составная часть определившихся и крепнувших Петербургской и Московской исторических школ, объединявших не только специалистов по российской истории, но и ученых, занятых разработкой разных эпох и тем по истории зарубежных стран⁹.

М. М. Ковалевский в сравнении со многими его современниками-преподавателями активнее привлекал американские материалы. В лекционных курсах, предназначенных для студентов Политехнического института в Санкт-Петербурге и составленных при их участии, профессор Ковалевский расширил перечень известных американцев, оказавших особое воздействие на ход событий в Северной Америке. Помимо имен привычных героев (Дж. Вашингтона и Б. Франклина) профессор приводил имена и других видных политиков (Дж. Адамса, Дж. Мэдисона), усилия которых были направлены на укрепление американской государственности. Подчас слушатели и читатели узнавали мало известные факты (скажем о том, что для Вашингтона «...сделался настольной книгой “Дух законов” Монтескье»), они ознакомились и с взглядами демократа Т. Пейна. Лектор характеризовал политико-государственное устройство США как «демократической республики» с системой представительного правления, сообщал сведения, способствовавшие более емкому пониманию обстановки в молодой республике и поведения того же Джефферсона (пример, ремарка о том, что государственных секретарей нельзя считать руководителями «внутренней и внешней политики»)¹⁰.

М. М. Ковалевский в лекциях при освещении тех или иных поворотов или особенностей общественно-политической жизни США упоминал и Т. Джефферсона. Так, в сообщении об обретении страной независимости историк с долей осторожности констатировал, что «мотивирование этого решения было поручено Джефферсону, который является поэтому автором знаменитой “Декларации независимости”». По ходу лекции приводились «вычисления» Джефферсоном стоимости для американцев Войны за неза-

висимость (140 млн. долл.), отмечалась поддержка, оказанная Джефферсоном Дж. Вашингтону при перевыборах последнего на второй президентский срок. Обозначен был и вклад либерально-демократических деятелей в решение вопроса о Западных землях. Тогда инициатива пенсильванца «Вениамина Раша» об обязательном выделении участка «на нужды образования» при продаже земель в частные руки получила в Конгрессе содействие со стороны Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона. Ковалевский указывал и на особенность четвертых президентских выборов (36 переголосований кандидатур Т. Джефферсона и А. Бэрра на пост президента страны), побудившую в итоге принять 12 поправку к Конституции США¹¹. Однако известный профессор не представил в лекции развернутый рассказ о взглядах и действиях Джефферсона, сопоставимый по объему и значению с материалами в работе его современника – профессора С. Ф. Фортунатова. Фортунатов высказывал более связанные воедино концептуальные оценки таких данных, отчасти прояснявших события ранней американской истории и роль в них выдающегося американца¹².

Профессор Ковалевский прилагал значительные усилия для подробного освещения процессов и перемен, связанных с установлением в странах Запада представительного правления, норм парламентской деятельности и участия партий в общественно-политической борьбе¹³. В рамках проекта по изучению политического строя «современных государств» он в 1905 г. опубликовал емкий раздел о государственности «Северо-Американских Соединенных Штатов». В нем автор изложил историю создания Конституции США и принятия поправок к ней, характеризовал ветви и отдельные институты власти, рассказал о полномочиях президента страны и членов его администрации. Был затронут вопрос и о зарождении и развитии в стране политических партий¹⁴. Некоторые из этих материалов Ковалевский использовал и в других работах. В частности, это касалось сведений о действиях Т. Джефферсона, которые именитый профессор с небольшими изменениями приводил в рассмотренной публикации за 1906 г. («От прямого народоправства к представительству...») и в изданной при содействии «Кассы Взаимопомощи» С.-Петербургского Политехнического Института ранее охарактеризованной лекции за «1907–08 уч. год» («История Американских Учреждений»)¹⁵.

Часть этих же материалов фигурировала и в других работах М. М. Ковалевского. Причины повторений крылись в универсальности сведений по американской истории и участию в общественно-политической жизни США Джефферсона, а также в ограниченном доступе российских авторов

в конце XIX – начале XX в. к **зарубежным источникам и научной литературе**. Еще одно обстоятельство, объяснявшее подобные повторы, заключалось в том, что лекционные курсы подчас публиковали на основе записей слушателей и, возможно, по их инициативе. А раз так, то в силу несовершенства восприятия и фиксации материалов на слух, каждый набор слушателей мог основываться на какой-то общей базе лекций, вносить в нее некоторые изменения, уточнения и иную правку, что при сохранении сходства текстов рождало и отличия. Кроме того, по мере чтения курсов автор мог усложнять, перерабатывать и насыщать их новыми сведениями, а какие-то материалы переносить в другие работы¹⁶. Так, в одном переплете под заглавием «История Американской Конституции» оказались материалы по истории американских учреждений и собственно государства и Конституции США¹⁷.

Означенная работа оказалась достаточно редкой и в крупных библиотеках современного Санкт - Петербурга печатный экземпляр отсутствует. Эта литография была подготовлена в Москве в 1890 (1891) г. и часть американских (джефферсоновских) материалов ученый использовал в более поздних по срокам публикациях. В частности, то были сведения о том, что «Джефферсон, Ден и Мадисон» при разработке законов 1785 и 1787 гг. прилагали усилия к тому, чтобы в каждом из распродаваемых массивов западных земель резервировать участок (или 2 участка) для развития образования. В литографии были допущены опечатки дат обсуждения этих законопроектов, хотя лектор и полагал, что они «навсегда останутся связанными с именами Джефферсона, Кинга и Дена». В том же разделе «о поземельной политике американской федерации» Ковалевский выделил стремление Джефферсона не допустить распространение рабства на западные территории. При обсуждении законопроекта 1787 г. эту радикальную статью из первоначального проекта Джефферсона попытались было исключить, но, указав российский историк, по результатам борьбы в Конгрессе [Конфедерации] вновь в законопроект решили добавить «статью против рабства, впервые отредактированную Джефферсоном». И в лекции сообщалось: «С прибавлением к изготовленному проекту статьи против рабства, которая в существе своем была повторением плана, задуманного и предложенного Джефферсоном и Кингом, проект прошел в Конгрессе единогласно и сделался законом 1787 года»¹⁸.

Вторая часть литографии «История американской конституции» содержит подробный рассказ собственно о процессах конституционного развития США. Этот рассказ включал и разбор тех проектов устройства страны,

которые М. М. Ковалевский обозначил как «первые опыты американской федерации». В этой части литографии можно встретить как уже знакомые (по другим работам) материалы о деятельности Т. Джефферсона, так и не столь тиражируемые в печатных трудах российских американистов утверждения. Согласно тексту литографии, американцев к разрыву политико-государственных отношений с Великобританией усердно подталкивали С. и Дж. Адамсы, а «мотивирование этого решения было поручено Джефферсону». В работе сообщалось о структуре и содержании «Декларации независимости» США, подготовленной с учетом исторического опыта и наработок, известных ее автору. Ковалевский зафиксировал следующее: «затем Джефферсон переходит к перечислению всех тех действий, в которых Георг III проявил свое посягательство на основные права человека. Это перечисление сделано по образцу того, какое мы встречаем в декларации 1688 г.», поведавшей миру о причинах, приведших «к вторичному низвержению династии Стюартов»¹⁹.

По логике российского ученого, Джефферсон не проявлял излишней оригинальности, а для обеспечения победы американских патриотов использовал как прецедент позитивный опыт и наработки революции в Англии. Последние были известны и понятны жителям Британской империи, что усиливало проамериканский пропагандистский запал «Декларации независимости». Следовательно, ее автор не был виновен в плагиате и выступал не просто исполнителем воли радикального крыла в лагере американских патриотов, а подошел к выполнению своей миссии с весьма творческих позиций. В очерке же об исполнительной власти Джефферсон упоминался всего один раз. Он в ходе борьбы за пост президента США в полной мере испытал воздействие несовершенных статей скороспелого конституционного документа. «Поначалу, – утверждал Ковалевский, – конституцией определено было, что вице-президентом будет тот, кто получит наибольшее после президента число голосов, а именно Джефферсон и Аарон Бур (убивший на дуэли Гамильтона). Понадобилась перебаллотировка им тридцать шесть раз, пока один патриот не переменял свой шар и таким образом содействовал назначению Джефферсона»²⁰. В достаточно кратком абзаце отразилось весьма позитивное восприятие Ковалевским личности политического лидера и роли Т. Джефферсона в истории США. Ибо, политико-моральную позицию российского автора, его отношение к Джефферсону раскрыла всего одна фраза, одно слово в этой цитате. А именно, истинный «патриот» не мог голосовать за никчемного кандидата, к тому же на столь важных выборах, как президентские выборы 1800 г.

Отсюда и вырисовывалось отношение российского ученого к означенным участникам судьбоносных событий в период становления американской государственности и демократии.

Позитивный подход к изучению важных сторон американской демократии, воззрений и деятельности Т. Джефферсона в годы двух революций – американской и французской, М. М. Ковалевский демонстрировал и в подготовленном и опубликованном в Москве на рубеже XIX–XX вв. исследовании «Происхождение современной демократии». В короткий срок оно выдержало три издания и рецензии на него поместили многие печатные органы, что и подтверждало его значение для читательской аудитории в России²¹. В этом труде, прежде всего в главе «Англомания и американофильство», автор охарактеризовал воздействие, которое политические доктрины в изложении А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона и других американцев, их публикации о жизни общества, государственном устройстве и конституции заокеанской республики оказывали на теоретические разработки и конкретные предложения видных умов Франции. Российский ученый обратил внимание и на переписку и личное общение американцев с французами, когда «представители либерального движения» во Франции знакомились с «принципами американской свободы в тесном общении с Джефферсоном <...> американским агентом в париж» (написано со строчной буквой – Авт.)²².

Интересные материалы и умозаключения М. М. Ковалевский приводил о состоянии американской демократии и ее основных чертах, получивших отражение в принятых в эпоху борьбы за независимость США важнейших документах.

Среди таковых назывались (федеральная) конституция Соединенных Штатов и конституции штатов, в первую очередь основной закон штата Пенсильвания, не устанавливавший имущественный ценз для участия в выборах. Согласно замечаниям российского историка, прослеживалось воздействие государственных документов и заведенных в Америке порядков на французское общество (пример влияния «Декларации Виргинии на проект Лафайета»). При этом Ковалевский указывал на весьма умеренный характер федеральной конституции – как гарантии прав и свобод населения. Историк полагал, что такие положения не вошли в ее текст, а были приняты в виде конституционных поправок («Билля о правах») только в 1791 г. По его мнению, для основного закона США были характерны размытые формулировки, и этим он отличался от конституции Виргинии, содержавшей «философское изложение начал народного самодержавия».

Как и ранее американцы, французы кроме свободы включили в «число естественных прав человека <...> собственность и ее неприкосновенность» и «к обоим началам» присоединили еще равенство, понимаемое в американском смысле, т. е. в смысле равенство перед законом и судом, «отнюдь не равенство состояний». Автор книги полагал, что опыт демократии по-американски не дал французам и возможность узреть ее недостатки (к примеру, связанные с избранием кандидатов на должность). Таким путем читатель убеждался в воздействии на французов американского примера и в довольно-таки ограниченном демократизме его радетелей по обе стороны Атлантического океана²³.

А о воззрениях и политической позиции собственно Т. Джефферсона читатель судил по рассказу об отношении этого американца к событиям в предреволюционной и революционной Франции. С одной стороны, Джефферсон осуждал «обращение французской монархии в чистую деспотию» и сочувственно относился к борьбе третьего сословия за «возстановление народного представительства» (лето 1789 г.). С другой стороны, согласно приведенным Ковалевским материалам, по мере того как стремление масс к низвержению тысячелетней монархии и угнетения в обществе стало нарастать, Джефферсон в обширной корреспонденции к Пейну, Прайсу, Адамсу, Вашингтону и другим лицам обнаруживал «главнейшее препятствие к упрочению политической свободы во Франции <...> в нравственной испорченности французов». А в письме к Мэдисону (ноябрь 1788 г.) он заявлял о том, что «французский народ еще не созрел для тех благ свободы, на которые он имеет право». Наметившийся дрейф Джефферсона к осторожно-негативному восприятию нараставшей революционной стихии и упование на верхушечные реформы во Франции и едва ли не на добрую волю короля – «патриота», Ковалевский тщательно выделял и отслеживал. Историк для подтверждения умеренности политических воззрений и в целом позиций американского дипломата мимоходом лишал его и ореола теоретика американской революции. Коснувшись «мнимого манифеста Джефферсона», в примечании к этой фразе Ковалевский сообщал: «В последнее время приходят к заключению, что “декларация независимости” не имела своим автором Джефферсона»²⁴.

Итак, Джефферсон в интерпретации Ковалевского представлял скорее как либерал или весьма умеренный и рассудительный демократ, осознававший границы разумного и дозволенного для участников революционных выступлений. Соответственно от американцев отличались и поколения французов, еще не усвоивших нормы права и традиции английской

свободы и не прошедших серьезной школы самоуправления. Отчасти и поэтому для «нравственно инертных» европейцев (будь то во Франции или в России)²⁵ предпочтительным оказывался путь постепенных и выверенных реформ. «Слишком большая поспешность в проведении реформ, – констатировал историк, – не встречала сочувствия Джефферсона, но он даже открыто присоединился к тем, кто думал, что инициативу в деле отмены злоупотреблений и в устройстве Франции на новых началах должно принять на себя само правительство». И что же, согласно Ковалевскому, в ноябре 1788 г. Джефферсон мог советовать французам? В обращениях «к Мадиссону и Дже» (Дж. Джею. – Авт.) от 18 и 19 ноября американский дипломат утверждал: «Невозможно реформировать сразу вековые злоупотребления; необходимо добиться сначала того, что так легко достижимо, на что само правительство готово пойти, как-то: периодичность в созыве народного представительства, права его вотировать налоги и регистрировать законы, предлагая к ним изменения». В дальнейшем следовало добиваться во Франции отмены цензуры, «установления бюджета, а также и других существенных реформ в образе правления». Профессор Ковалевский писал и о том, что Джефферсон «даже составил примерный текст» королевской декларации, «подобной, по крайней мере по форме, той, которая так неудачно предложена была Людовиком XVI-м на заседании 23 июня 1789 года». О судьбе подготовленного американцем документа российский ученый не сообщал, но он перечислил круг всевозможных реформ «добровольно даруемых правительством» Франции, как-то: «исключительное право (Генеральных. – Авт.) штатов вотировать бюджет, их участие наравне с королем в законодательной деятельности, личную свободу и свободу печати». Впрочем, Джефферсон «старался воздержать патриотов от слишком резкой оппозиции двору» и, по заключению профессора, известный американец даже временно «готов был поступиться» в вопросах введения гарантий личной свободы и свободы печати, которые «повидимому особенно были ему дороги»²⁶.

Если учитывать время и обстоятельства написания исследования «Происхождение современной демократии», то вполне можно предположить, что ее автор – либеральный историк. М. М. Ковалевский весьма тщательно подбирал и цитировал суждения современников и очевидцев революции во Франции. Эти выдержки не только проливали свет на историю уже далекого XVIII столетия, но с помощью таких материалов ученый мог указывать и на некоторые острые проблемы в самодержавной империи Романовых. Иными словами, «устаи» Джефферсона вольно или невольно М.

М. Ковалевский озвучил и вызревавшие программные требования и установки либеральных кругов в России в период, предшествовавший революции 1905–1907 гг. В чем-то этой же цели могли служить и приведенные в книге сведения и заявления о политико-государственном строе США. Для характеристики притягательных для французов в XVIII в. (и для русских в преддверье века XX) установлений в заокеанской республике профессор Ковалевский ссылался и на мнение Ливингстона о преимуществах американской конституции перед английской. Последняя не представляла собой единого текста, а американская в виде компактного документа вводила четкое разделение ветвей государственной власти и «в основе гражданского и политического строя принцип равенства» – в этом она также расходилась с английской. «На принципе равенства, – утверждал Ливингстон, – построено все здание американской демократии». В книге Ковалевский, правда, оговаривал, что в Америке этот принцип не распространялся на имущественные отношения в обществе, но он без оговорок подробно цитировал слова американца о сути взаимоотношений народа и власти в молодой республике: «Вся политическая власть в Америке, – утверждал Ливингстон, – или сосредоточена в руках народа, или проистекает от него, как от первоисточника. Администраторы – не более, как его уполномоченные и он (народ. – Авт.) в праве менять их весьма часто. Сама конституция – его (народа. – Авт.) создание, и ничто не мешает ему <...> изменить ее во всякое время и даже установить новую». А в качестве весомых добавлений были названы укоренившиеся в Америке «драгоценные политические изобретения» – как-то: народное представительство и суд присяжных²⁷.

Дальнейшие материалы о политико-государственном устройстве США и порядках в этой стране Ковалевский черпал из писем Т. Джефферсона. В уцелевшем письме к аббату Арну от 19 июля 1789 г. американский дипломат развернуто объяснял устройство образованной при его участии республики. «Мы, – писал он, – признаем истиной в Америке, что необходимо допустить народное участие во всех сферах государственной жизни, но в известных границах, указанных самой природой. Мы думаем, что это единственный путь в обеспечении прочного, неизменчивого и честного правительства. Из этого общего положения <...> [следует] тот вывод, во-первых, что не осуществляя сам исполнительных функций, народ призван к выбору лица, которому поручается этот вид власти. У нас этот выбор производится каждые четыре года (разумеется выбор президента), во-вторых, народ не призван осуществлять непосредственно и законодательную власть, почему он и допускается нами только к выбору законо-

дателей; в третьих, – развивал свою мысль Джефферсон, – не его также дело судить о вопросах права, но зато он вполне способен высказываться в вопросах факта; и вот почему в лице присяжных он призывается нами к решению фактической стороны дела, тогда как применение <...> закона предоставлено постоянным судьям». Однако со слов автора ряд факторов (корпоративный дух, фаворитизм, партийные интересы, косвенное воздействие, др.) вели к тому, что «постоянные судьи <...> способны оказаться пристрастными». И «благодаря такому отношению к делу, присяжные, – согласно выводу того же письма Джефферсона, – сделали самым твердым оплотом английской и американской свободы»²⁸.

В означенном исследовании М. М. Ковалевского Т. Джефферсон выступал как достаточно умеренный политик, трезво оценивавший деятельность должностных лиц и возможности рядовых сограждан и масс в целом. Джефферсон усматривал и обосновывал необходимость разделения ветвей власти, введение предвыборов руководителей, организацию системы «сдержек и противовесов» и допускал дозированное привлечение рядовых американцев к участию в управлении страной. На последующих страницах книги ее автор приводил и другие высказывания Джефферсона, его советы французам (в пользу двухпалатной системы [парламента] – создания верхней палаты – сената, проведение судебной реформы по «американским образцам» и организацию «провинциальных и муниципальных собраний») ²⁹. Иными словами в работе Ковалевского Джефферсон впервые столь развернуто «заговорил» языком писем и советов, которые позволяли считать американца на тот период жизни скорее деятелем либерального толка, а не воинственным радикалом и пламенным демократом. Конечно в литературном наследии Джефферсона просматривались отдельные демократические принципы и нормы, но совокупность изложенных на основе американских и французских материалов положений книги Ковалевского в какой-то мере передавала устремления и либеральных кругов в России в преддверии революционного подъема. А идеал правового государства, опять-таки на американском примере, был существенно дополнен и развит известным российским ученым в его «Предисловии к русскому переводу» изданного в Москве труда В. Вильсона «Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений» ³⁰.

В этом достаточно кратком предисловии М. М. Ковалевский с опорой на американский опыт тезисно обозначил те важнейшие характеристики, которые, по его мнению, отличали сформировавшееся в эпоху нового времени на Западе современное правовое государство. «Итак, – по мнению

российского профессора, – первая черта правового государства» проявлялась в участии «всех его граждан в разной только степени, в политической власти». А «вторая черта» заключалась «в свободе личного самоопределения» его граждан. Развивая свою мысль, Ковалевский обозначил очередное отличие «современного государства» в признании «за каждым из своих подданных, рядом с полной гражданской правоспособностью, большую или меньшую сумму публичных и политических прав». А «участие граждан в политической власти, другими словами, признание за ними политических прав», – указывал автор предисловия, – «достигается широким господством начала самоуправления общества». «В правовом государстве, – утверждал Ковалевский, – публичные права граждан гарантированы: с одной стороны – народным представительством, с другой – местным самоуправлением». В предисловии воспроизводились и навеянные общественно-политической жизнью Америки рецепты соблюдения законности и законодательства со стороны властей и других структур. Российский ученый подчеркивал признание за каждым американцем «права обжаловать пред судом те действия правительства, которые, затрагивая интересы частного лица, в то же время являются, в его глазах, явным нарушением существующих законов». Следовательно, судебные инстанции, вплоть до Верховного суда страны, также выступали гарантами прав и свобод членов общества³¹. Насколько такая возможность оставалась гипотетической или реализовывалась в заокеанской республике – это вопрос отдельный, но в переводе работа американца Вильсона и предисловие к ней известного российского ученого вышли в свет в революционном 1905 г. и апробированные американцами и отмеченные Ковалевским особенности (черты) правового государства и рецепты защиты интересов граждан во многом были привлекательны и для критиков и противников российского самодержавия.

М. М. Ковалевский в кратком предисловии к книге Вильсона не называл имен создателей правового государства в Северной Америке. Но лица, знакомые с историей США, понимали, что в числе таковых важное место занимал Т. Джефферсон и некоторые знаменитые его современники. А плоды их усилий и усилий последующих поколений, защитников прогрессивных институтов и традиций, Ковалевский как историк и юрист весьма активно отображал в своих работах, будь то лекции для студентов или слушателей курсов, работы исследовательского плана или статьи для периодической печати. Ведь в отличие от московского профессора С. Ф. Фортунатова его современник и коллега М. М. Ковалевский вел более

интенсивную преподавательскую и исследовательскую деятельность. Он был активен и в деле просвещения читательской аудитории в России и ее ознакомления с особенностями жизни американцев, их достижениями в налаживании управления обширной страны, в создании правового общества и по другим важным направлениям. Во многом названным целям послужили и наблюдения и впечатления Ковалевского во время его поездок за океан в 1882 и 1901 гг. Собранные тогда материалы позволили ему «по возвращению на родину написать серию статей об экономической, государственно-политической и общественной жизни США». Статьи изначально появлялись в выходивших в Москве и Петербурге газетах и журналах. Некоторые из таких публикаций «вошли позднее в работу, посвященную истории федеральной конституции, часть материалов была использована в его многотомном исследовании “Происхождение современной демократии”, в разработанном специальном курсе по истории американских государственных учреждений <...>, цикле публичных лекций, напечатанных затем в “Русских ведомостях”»³².

М. М. Ковалевский отдавал приоритет изучению истории государства и права и сюжетов политического обустройства и управления в обществе, вопросов образования и религиозной тематике, но не забывал и жизненно важную для Америки и России аграрную тему. Он осветил ее в опубликованной в Москве в 1883 г. журналом «Русская мысль» отдельной работе, где отследил развитие земельного законодательства в британских колониях и в независимой республике и отметил то притягательное значение, которое возможности получения земли открывали перед массами американцев и мигрантов, к тому же пользовавшимися религиозными свободами. В этой статье историк выделил «знаменитый ордонанс 1787 года», которым американцы «доселе гордятся, как одним из величайших законодательных памятников», стоявшим в едином ряду «с декларацией независимости и федеральной конституцией» США. Ковалевский полагал, что этот важный ордонанс был плодом усилий многих знаменитостей, но все же называл Джефферсона и Кинга, как возможных его авторов. За Т. Джефферсоном ученый признавал и авторство важной статьи ордонанса 1787 г., запрещавшей рабство на Северо-Западной территории. В актив Джефферсона также была внесена и поддержка закона 1885 г., обязывавшего резервировать в каждом округе (в 36 кв. миль) одну секцию (в 1 кв. миле) для обеспечения нужд местного образования³³. Таким путем читателям сообщали о демократических изменениях в Америке, автором и непосредственным участником которых выступал выдающийся американец. Эти материалы

Ковалевский неоднократно приводил и в более поздних своих работах (см. ранее эту статью).

Российский ученый «большое внимание» уделил «постановке и формам народного образования в США», распространению в этой стране периодической печати и книгоиздательства, высокому уровню грамотности ее населения. Он рассмотрел влияние, которое школы, колледжи и университеты оказывали на экономическое и культурное развитие общества. Усилия на ниве просвещения автор связывал с процессами формирования национальной культуры и самосознания североамериканцев и их национального характера, проявлявшихся в общественной жизни и воздействовавших на утверждавшиеся в стране порядки. Таковые Ковалевский обозначил термином «американская демократия» и он упоминал не только ее позитивные, но и «темные» стороны (например, «стремление к равенству», заставлявшее «даже самые выдающиеся личности» ступшеываться «перед массой») ³⁴.

Вполне логично, что профессор Ковалевский рассматривал пути решения национального вопроса на материалах по истории Старого и Нового Света. Его интересовали позитивные и негативные итоги усилий американцев, на практике приступивших к осуществлению «идеалов европейского космополитизма». По мнению ученого, в движении к этой цели важное значение приобретала «проповедь на английском языке принципов свободы и гуманности, связанных с именем сколько же Шекспира, столько Франклина и Джефферсона». Такая пропаганда обращала «пеструю толпу старых и новых выходцев из всех концов мира в единую англо-американскую нацию». Поэтому многообразный опыт заокеанской демократии и республиканизма подсказывал некоторые решения в сложном сплетении национального и религиозного вопросов (включая и их культурный и языковой аспекты) в Российской империи ³⁵.

М. М. Ковалевский стремился к объективному освещению и восприятию событий в истории США. Порой он сообщал сведения, раскрывавшие ограниченность устремлений и демократизма руководителей молодого государства, либо даже бросавшие «тень» на светочей демократии по-американски и демонстрировавшие ее серьезные изъяны. Историк относил Джефферсона к наиболее известным и влиятельным деятелям демократической ориентации, но и о нем приводились мало известные данные. Указывая на особенности и трудности в решении национального вопроса в Соединенных Штатах, Ковалевский фактически указал на избирательность заокеанской демократии и упомянул о том, что «уже

Джефферсон, отправляясь от мысли о необходимости полного разобщения белых от индейцев, открыто высказывался в пользу переселения их массы на правый берег Миссисипи. Эта мысль осуществлена была однако не ранее 1830 г., в президентство Джексона»³⁶. Читатели в России, знавшие о трагических судьбах северо-американских индейцев, вряд ли могли трактовать это сообщение в пользу такой демократии и ее поборника Джефферсона.

Согласно собранным профессором Ковалевским материалам, демократические устремления американцев все же были сильны. Их развитию способствовали и успехи населения в организации и работе органов власти на местах, сложившихся в эффективную систему самоуправления. А она в ходе завоевания независимости вошла составной частью в государственно-политическую систему США и интересовала российскую общественность, осознавшую насколько местное самоуправление «несовместимо с самодержавием». Тема государственного устройства Соединенных Штатов затрагивалась и в связи с изучением общественно-политического и социально-психологического состояния американцев, а также влияния системы образования на жизнь в самых отдаленных районах страны³⁷. Ковалевский отметил усилия пионеров по распространению «идеи государственности и гражданского общежития на американский Запад». Профессор выделил «тех Джефферсонов и Синклеров», деятельность и «воззрения которых определили собою дальнейшую судьбу» американцев. По словам ученого, эти руководители «хорошо осознавали, что во всеобщем образовании <...> [лежал] не только ключ к обращению полуодичавших колонистов в граждан свободнейших государств в мире, но и тот цемент, который должен сплотить в одну массу пестрый этнографический состав, какой представляло собою их первоначальное поселение»³⁸. И эти утверждения обогащали представления о важных сторонах американской демократии, ее носителях и защитниках.

Направленность и формат статей М. М. Ковалевского в периодической печати не предполагал детального изучения описываемых событий и процессов и включал в основном сжатые упоминания об основных их участниках и творцах. И Томаса Джефферсона ученый относил к числу таковых. В то же время публикации Ковалевского отражали его стремление осмыслить ход американской истории, значение важных перемен в жизни заокеанского общества и государства. В этом отношении известный профессор сближался с петербургскими историками-американистами П. Г. Мижухевым и А. В. Бабиным. По общему же объему и наполнению

фактическими данными, изложению и осмыслению материалов, характеризовавших жизненный путь, воззрения и деятельность Т. Джефферсона, роль этого деятеля в жизни Америки, петербургские ученые имели определенные преимущества.

А работы С. Ф. Фортунатова и М. М. Ковалевского демонстрировали не спешное, но поступательное развитие российской американистики в целом и ее раздела – «джефферсоноведы» в их московских вариантах. При этом М. М. Ковалевский приводил некоторые сведения, доказывавшие ограниченность или условность ряда демократических начал и перемен, за которыми стоял Джефферсон и другие видные его современники. Порой отмечались ошибки и собственно Джефферсона и его окружения, в отдельных случаях указывались и изъяны республиканизма и демократии по-американски. Однако не эти материалы и характеристики преобладали в публикациях Ковалевского. В разных по жанрам работах он характеризовал Джефферсона скорее как разумного либерала или осторожного демократа, а не как «отца» американской демократии. При чтении некоторых выдержек из сочинений Ковалевского вряд ли Джефферсон представлялся радикалом и ярким революционером, пламенным борцом за свободу и демократию для всех без ограничения его современников. Скорее известный американец выступал сторонником частичных, постепенных и поэтапных реформ и перемен, к наступлению которых еще надо было готовить общественность долгое время. Хотя американская тематика в научной и образовательной деятельности М. М. Ковалевского оказывалась как бы в тени его интереса к европейской и российской истории, но и к истории Нового Света ученый обращался неоднократно. При этом процессы политико-общественной жизни, текущие, часто грозные события в России, очевидно, накладывали печать на восприятие и трактовку материалов из прошлого Северной Америки. Представленные в научно-литературном наследии этого разностороннего автора американские сюжеты, позволяют отследить пути развития американистики в царской России. Такие материалы интересны и для специалистов, которые в историографии выделяют Петербургскую и Московскую исторические школы (течения) и стремятся определить и изучить их важнейшие черты. И практически спустя столетие работы М. М. Ковалевского вольно или невольно наталкивают вдумчивого читателя на некоторые тревожные мысли о состоянии и перспективах развития или хотя бы существования американистики как важной части исторических исследований в рамках такого важного центра науки и образования как

Санкт-Петербургский государственный университет и в целом в условиях современной России.

¹*Могильницкий Б. Г.* История нового времени в России в пореформенный период // *Историография истории нового времени стран Европы и Америки.* М., 1990. С. 303.

²*Тарле Е. В.* Сочинения в 12 томах / Глав. ред. А. С. Ерусалимский. М., 1957–1962. Т. 2. С. 197, 221; Т. 11. С. 11, 394; Т. 12. С. 104.

³*Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851–1916 гг.). Библиография трудов М. М. Ковалевского // *История и историки. Историографический ежегодник 1980.* М., 1984. С. 298–337 (Особо. С. 303–330, 337).

⁴*Бодров О. В.* М. М. Ковалевский как историк Английской буржуазной революции XVII века // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография.* Сб. науч. статей. Выпуск 4. Казань, 2003. С. 62–87 (Особо. С. 63).

⁵Там же; *Погодин С. Н.* Великая Французская революция в освещении М. М. Ковалевского // *Clio Moderna. Зарубежная история и историография.* Сб. науч. статей. Выпуск 4. С. 41–52.

⁶*Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 269–321; *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005.

⁷*Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского // *Американский ежегодник.* 1989. М., 1990. С. 155–173; *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (*Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881–1900 гг.*). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

⁸М. М. Ковалевский был профессором: С.-Петербургского (Петроградского) политехнического института; С.-Петербургского и Московского университетов; Высших женских (Бестужевских) курсов в Москве. Подробнее см.: Ковалевский Максим Максимович // *Большая Российская энциклопедия.* Т. 14. С. 375–377; *Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851–1916 гг.). С. 298–300; *Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. С. 270, 273–277, 281–285, др.; *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. С. 3–4, 8–12, 14–19, др.; *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского. С. 155–156; *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (*Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881–1900 гг.*). С. 11–12, 23–24.

⁹Подробнее о полемике в научной среде по вопросу формирования исторических школ и определении их важных черт см.: *Дементьев И. П.* Введение // *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки.* М., 1977. С. 3–11 (Особо. С. 10); *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXIII. Л., 1991. С. 5–19; *Каганович Б. С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986; *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 106–108; *Панях В. М.* Б. А. Романов об издании судейников XV–XVI вв. // *Проблемы социально-экономической истории России / Отв.*

ред. А. А. Фурсенко. Л., 1991. С. 19–29 (Особо. С. 19–20). Итоги научной дискуссии кратко суммированы в работах: *Цамутали А. Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Часть I / Под ред. С. А. Кугеля. СПб., 1993. С. 138–142; *Ананьич Б. В.* О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // *In memoriam*. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. СПб., 1995. С. 78–86 (Особо. С. 78–79); *Погодин С. Н.* Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. Гл. I (Особо. С. 38–49).

¹⁰[*Ковалевский М. М. J.* История политических учений нового времени. Лекции, читанные проф. М. М. Ковалевским в С.-Петербургском Политехническом Институте в 1909–1910 гг. Изданные Студенческой Кассы Взаимопомощи при СПб. Политехн. Инс. 1909–1910. СПб., [1910]. С. 199, 206, 207–209, 213, 230–232, др. [*Ковалевский М. М. J.* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевского (1907–08 уч. год). Изд. Кассы Взаимопомощи СПб. Политехн. Институт. Студ. сост. С. Берштейн-Коган, Конст. Курсель. СПб., 1911–1912. С. 16–19, 29, 31, 37, 39, 49, 54–55, 66–85, 106–107.

¹¹[*Ковалевский М. М. J.* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевского (1907–08 уч. год). С. 40, 52, 69, 93, 106–107, 128.

¹²*Фортунатов С. Ф.* История Соединенных Штатов Сев. Америки. Выпуск II. 1912–13 уч. года. История Соедин. Штатов 19 века. М., [1913].

¹³*Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. М., 1906.

¹⁴*Ковалевский М. М.* Северо-Американские Соединенные Штаты // Политический строй современных государств. Сборник статей П. Г. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевского, Н. Е. Кудрина, В. М. Милюкова и М. А. Райена. М., СПб., 1905. Т. I. С. 272–400.

¹⁵Там же. С. 333–334, 351, 398; *Ковалевский М. М.* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевского (1907–08 уч. год). С. 40, 52, 69, 93, др.

¹⁶О списке лекционных курсов и других работ М. М. Ковалевского по американской тематике см.: *Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851–1916 гг.). С. 303–330 (Особо. С. 308, 310–313, 315, 316, 321, 323–325).

¹⁷*Ковалевский М. М.* История американской конституции. М., 1890– [1891?]. С. 3–80, 27–150.

¹⁸Там же. С. 72–73, 76, 78.

¹⁹Там же. С. 66, 70–73, 76–77.

²⁰Там же. С. 131. Не столь эмоционально окрашенный рассказ о «состязании» за пост президента США между Джефферсоном и Бэрром помещен и в лекции М. М. Ковалевского за «1907–08 уч. год». См.: [*Ковалевский М. М. J.* История Американских Учреждений. Лекции М. М. Ковалевского (1907–08 уч. год). С. 95.

²¹*Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851–1916 гг.). С. 310–312, 324; *Ковалевский М. [М. J.* Происхождение современной демократии. В 4 т. Издание К. Т. Солдатенкова. М., 1895–1897; *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. В 2 т. Издание К. Т. Солдатенкова. М., 1899–1901; *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 3-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб., 1912.

²²*Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. Т. I. С. 259–329 (Особо с. 296–297, 321–322).

²³Там же. С. 294–307, 318–321, др. (Особо. С. 298–301, 307, 320–321).

²⁴Там же. С. 322–323.

²⁵Обзор советов Джефферсона в отношении России см.: *Талья А. Ю., Ушаков В. А.* Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России). Гл. 3 (С. 63); *Партаненко Т. В., Ушаков В. А.* Взаимовосприятие России и Запада (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2006. С. 116–117.

²⁶*Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. 2-е изд. Т. I. С. 322–323.

²⁷Там же. С. 297–298, 321.

²⁸Там же. С. 325.

²⁹Там же. С. 323–329.

³⁰*Вильсон В. J.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / Перевод под редакцией А. С. Яценко. С предисловием М. Ковалевского. С приложением текста важнейших конституций. М., 1905. С. XXXIX–XLIII.

³¹Там же. С. XXX, XXXII–XXXV, XXXVII.

³²*Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века (Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты 1881–1900 гг.). С. 23. См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского... С. 155–157.

³³*Ковалевский М. М.* Поземельная политика североамериканцев // *Русская мысль*. Журнал научный, литературный и политический. 1883. Кн. IV. С. 152–194 (Особо. С. 170–175, 177–178).

³⁴*Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского... С. 158–160; *[Ковалевский М. М.]*. Национальный характер североамериканцев. Публичная лекция профессора М. М. Ковалевского, читанная 10-го марта в пользу женских курсов при 3-й московской гимназии // *Русские ведомости*. 1883. № 71. С. 1–2; № 72. С. 1–2; № 73. С. 1–2 (Особо. № 72. С. 2).

³⁵*Ковалевский М. [М.]*. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава, 1906. С. 5–6; *Ковалевский М. [М.]*. Национальный вопрос в Старом и Новом Свете // *Вестник Европы*. Журнал истории – политики – литературы. 1885. № 6. С. 668–731 (Особо. С. 697–731). См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского... С. 170–171.

³⁶*Ковалевский М. [М.]*. Национальный вопрос в Старом и Новом свете... С. 719.

³⁷*Ковалевский М. М.* Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // *Вестник Европы*. Журнал истории – политики – литературы. 1885. № 2. С. 793–820 (Особо. С. 794–797, 810, 819). См. также: *Соколов А. С.* Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского. С. 165–167; *Шершинева С. В., Ушаков В. А.* Конфликт и консенсус в ранней Америке: религиозный и психологический аспекты в освещении М. М. Ковалевского // *Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия*. Мат-лы XV Междунар. научн. конф. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2004 / Под ред. Доктора исторических наук, профессора С. Н. Полторака. СПб., 2004. С. 191–194; *Шершинева С. В., Ушаков В. А.* М. М. Ковалевский о религиозной жизни в ранней Америке // *Мавродинские чтения*: 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Мат-лы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 152–154; др. работы.

³⁸*Ковалевский М. [М.]*. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие... С. 812.

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В
ОЦЕНКАХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(НОВЕЙШИЙ ЭТАП)**

В своем развитии политическая наука в Украине достигла высокого уровня. Это связано в первую очередь с прозрачностью политической жизни в стране, свободным доступом к информации. В этой связи крайне интересна позиция украинских ученых по вопросу российско-американских отношений. Традиционно разделенная по политическим предпочтениям на две половины, эта страна представляет собой сложную структуру с теоретической точки зрения. Исторически сложившаяся двойственность во мнениях между населением западной и восточной Украины сохраняется до сегодняшнего дня.

Своеобразными центрами изучения международной политики и российско-американских отношений, в частности, в Украине являются Институт международных отношений Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, Центр международных исследований Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, Львовский национальный университет им. И. Франко. Огромный вклад в изучение международных отношений в целом вносят сотрудники Национального института проблем международной безопасности и Института мировой экономики и международных отношений. Отдельным и достаточно удачным направлением исследования является американистика и российско-американские отношения.

Среди украинских специалистов, занимающихся данной проблематикой, можно назвать следующие имена: Г. Н. Перепелица, С. Толстов, Е. Е. Каминский, А. Н. Шевцов, А. Гальчинский и др. Высокую оценку стоит дать работам ученых киевской школы американистики Института

мировой экономики и международных отношений, которая представлена отделом трансатлантических исследований во главе с профессором Е. Е. Каминским. Представители этой школы: Б. И. Канцелярук, А. Б. Потехин, Ю. Б. Гончар исследуют разные аспекты внешней политики США по отношению к бывшему СССР, странам Европы и современной Российской Федерации.

Кроме того, украинские исследователи в своих оценках часто опираются на мнения авторитетных российских ученых.

Основные темы работ касаются политического, военно-стратегического, экономического аспектов развития российско-американских отношений.

За основу взяты публикации, которые вышли в свет в 2000-х гг. Это обусловлено тем, что в эти годы особенно возрос украинский интерес к российско-американским отношениям. Он вызван, в первую очередь, новым витком политики расширения НАТО на Восток, в рамках которой Украина вступила в ПДЧ и стала потенциальным новым членом блока. Россия активнее влияет на внутреннюю жизнь Украины. В стране начинается полемика о будущей ориентации страны.

Среди основных проблем российско-американских отношений на европейском континенте стоит выделить следующие:

Влияние Организации Североатлантического договора на складывание европейской политики, и стремление России препятствовать чрезмерному американо-центристскому вектору политики ЕС¹;

Расширение НАТО на Восток и, тем самым, вовлечение в сферу влияния НАТО и соответственно США постсоветских стран (Украина, Грузия, Молдавия и др.), которые исторически находятся в сфере влияния Москвы²;

Разворачивание систем Противоракетной обороны вдоль границ России, что является стратегической угрозой безопасности РФ³;

Предложения Москвы о создании новой Системы европейской безопасности, альтернативной НАТО, реакция на выступления Москвы со стороны европейских лидеров и действия США в связи с данными пассажами России⁴.

Большое внимание изучению европейских процессов и, как следствие, развитию российско-американских отношений в рамках данного региона уделяется в научной деятельности Института международных отношений Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко. Специалисты-международники В. А. Манжола, Г. Н. Перепелица, С. П. Галака,

Е. А. Коппель, Е. С. Пархомчук и др. исследуют данную проблематику и влияние изменений политических векторов на европейском континенте для Украины. Аналогичные вопросы поднимаются в научных изысканиях ведущих специалистов Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины.

Вопросам стратегии Москвы в отношении Европы посвящены работы В. П. Горбулина⁵, А. Г. Цибуляк, С. П. Галаки⁶, О. А. Коппель и др.

Украинскими учеными «проблема Китая» во внешнеполитической стратегии США и РФ на рубеже XX–XXI вв. исследована мало. Среди монографий украинских политологов, где отдельным направлением аналитического анализа является реализация установок внешнеполитического курса США в регионе АТР, стоит выделить А. В. Дашкевича, Е. Е. Каминского, Б. М. Гончара, С. В. Проня⁷. Особенное значение имеют работы И. А. Храбана, В. О. Гречанинова, Е. Е. Каминского, В. И. Головченко, П. М. Игнатиева, И. Д. Дудко, где исследуется характер модернизации основных измерений глобальной системы международных отношений и системы регионального взаимодействия в АТР, национальные интересы США и РФ в постбиполярном мире, анализируются отношения США и РФ с азиатскими союзниками.

Стоит отметить монографию В. М. Чумака «Ядерная стратегия США»⁸, в которой осуществлен анализ ключевых элементов и проблем ядерной политики США и ядерного разоружения в мире. Существенный вклад в развитие этой проблематики внесли ученые из Национального института стратегических исследований – Г. М. Перепелица и А. М. Шевцов, а также О. С. Бодрук из Национального института проблем международной безопасности, которые фундаментально исследуют, в частности, вопрос ядерного разоружения Украины. Признание получили и работы ученых киевской школы американистики Института мировой экономики и международных исследований во главе с профессором Е. Е. Каминским. Представители этой школы: Б. И. Канцелярук, А. В. Потехин, Ю. Б. Гончар, И. Д. Дудко исследуют разные аспекты внешней политики США, а также российско-американские отношения.

Значительный вклад в изучение американской политической мысли внесли представители Одесской школы академика С. Й. Аппатова, сотрудники кафедры международных отношений Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Особенностью работ этих исследователей (И. М. Коваль, В. В. Глебова, О. И. Брусиловской, О. И. Войтовича, В. А. Дубовика) является концептуальное исследование внешней

политики США и разных глобальных и региональных проблем, как в период «холодной войны», так и после ее окончания.

Однако, учитывая политическую конъюнктуру в Украине, тот факт, что научные и научно-популярные издания остаются без какой-то заведомой политической маркировки, вызывает вопросы. Это, в первую очередь, касается работ, посвященных или в какой-то мере затрагивающих те или иные вопросы взаимодействия с Российской Федерацией. Причина в обиде, которая накапливалась столетиями, и которая теперь, когда наконец-то страна обрела независимость, может быть излита без каких-либо тяжелых последствий. Однако, что касается научной литературы, то в этой области, пожалуй, еще максимально сохраняется открытость и чистота от политических перипетий. Средства массовой информации засорены антироссийской риторикой в больших масштабах. Остается лишь надеяться на то, что научную сферу обойдет стороной подобная политика очернения и культивации заведомо предвзятого мнения у населения.

Стоит также отметить, что тенденция такова, что часто очень ярко подчеркивается исключительность роли Украины в вопросах отношений между Западом и Россией. Видится, что данная роль слегка переоценивается. Данной точкой зрения активно злоупотребляют. Вероятно, это есть часть национальной идеи об исключительности Украины в политическом, экономическом, культурном плане. В частности, в большей части исследований прослеживается тема неопределенности внешнеполитического курса страны. И даже тема двойственности, которая раньше выражалась в формуле «между США и Россией», сейчас вовлекает в себя большее количество участников. Это отражает сложнейшую ситуацию, с которой столкнулась страна.

¹Розумюк В. Теоретичні доктрини легітимізації зовнішньої політики США: від історії «кінця ідеології» до ідеології «кінця історії» // Дослідження світової політики : Зб.наук.пр. Вип. 29. 2004. С. 61–73 ; Шевчук О. В. Відображення парадигми національного інтересу у зовнішній доктрині Дж. Буша – мол. // Науковий вісник Одеського державного економічного університету. 2005. № 8 (20). С. 80–90 ; Дудко І. Структурні компоненти сучасної зовнішньої політики США // Дослідження світової політики : Зб.наук.пр. Вип. 19. 2002. С. 45–53.

²Гальчинський А. Україна на перехресті геополітичних інтересів. К., 2002 ; Цибуляк А. Г. Указ соч. ; Панасюк В. Україна як фактор збереження стратегічного

балансу на євроатлантичному просторі // Вісник Львівського університету. Вип. 23. 2008. С. 90–94.

³*Коппель О. А., Пархомчук О. С.* США, Росія, ЄС, НАТО в структурі механізмів регулювання нового міжнародного порядку // Актуальні проблеми міжнародних відносин. Вип. 88. Ч. II. С. 105–109; *Парохомський Б. О., Яворська Г. М., Герасимчук С. П.* Відносини у трикутнику ЄС – США – РФ у контексті європейської безпеки. Там же. С. 127–132.

⁴*Галака С. П.* Перспективи нового договору щодо європейської безпеки // Там же. С. 40–47.

⁵*Горбулін В. П.* ЄС – НАТО – Росія в новій архітектурі відносин в Європі // Актуальні проблеми міжнародних відносин. Вип. 88. Ч. II. С. 4–10.

⁶*Галака С. П.* Указ. соч. С. 45.

⁷*Городня Н.* Країни Східної Азії в першому десятилітті ХХІ ст. : регіональні інтеграційні ракурси та глобальні пріоритети // Дослідження світової політики; Вип. 50. К., 2010. С. 198–227; *Шевчук О. В.* Система безпеки Азійсько-Тихоокеанського регіону: фактори формування та тенденції розвитку; Миколаїв, 2010 (197 с.); *Пронь С. В.* Японія – США – Росія: співробітництво та суперництво в Азійсько-Тихоокеанському регіоні. 1951–2007 роки; Миколаїв, 2008 (296 с.); *Шевчук О. В.* Китай між США і Росією: геостратегічні відносини; Миколаїв, 2008 (448 с.) ін.

⁸*Чумак В. Г.* Ядерная стратегия США: от превосходства к нераспространению. К., 1999 (304 с.).

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Б. Рок

ПУТЕШЕСТВИЯ ПОЛЯКОВ ПО СЕВЕРО-ЗАПАДУ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Путешествие является одной из наиважнейших форм общественной коммуникации. Исследования путешествий связываются с проблематикой коммуникативности. Определение мобильности общества конкретного исторического периода может представлять собой важный фактор, свидетельствующий об уровне общего развития. Поэтому исследования, посвящённые истории путешествий, имеют такое большое значение. Основным источником в решении этой проблематики являются тексты, часто обладающие литературными достоинствами, которые содержат в себе описание конкретных путешествий, а также особый жанр писем, которые документируют поездку. Литературе путешествий было посвящено много серьёзных исследований в области теории литературы, а также письменности. Этой областью интересуются филологи, историки литературы. Также историки культуры опубликовали много работ, в которых, используя тексты, описывающие путешествия, сформулировали важные выводы о способах путешествий и об их влиянии на характер менталитета определённых общественных групп.

В Европе путешествия особенно участились в Новое время на рубеже XV-го и XVI-го веков. Одновременно появилось много описаний этих поездок. В Западной Европе в печатной форме они чаще всего публиковались сразу после путешествия. Общество Речи Посполитой быстро подхватило европейскую моду на путешествия. Спецификой культуры Польши, Литвы, Белоруссии и Украины того периода было создание рукописных текстов, которые хранились обычно в библиотеках магнатских дворцов или в домах местной шляхты, а также в приходских и

монастырских библиотеках. Эти рукописи были важной формой книгописания, которая доходила до довольно широкого круга читателей. Причем, факт, когда описание странствий принимало печатную форму, был довольно редким.

Проблематика истории путешествий, как уже подчёркивалось, рассматривается как форма общественной коммуникации. Проблематикой общественной коммуникации в истории периода начала Нового времени занимается много историков, которые выдвинули много значительных научных разработок для дальнейших исследований¹. В данном случае мы решаем многочисленные проблемы, касающиеся общечеловеческого взаимодействия во время путешествия конкретного человека в среде *постороннего, чужого* ему мира. Здесь, конечно, требуется обратиться еще к соответствующим работам социологов, но в первую очередь, к антропологам культуры. Учитывая эти труды, можно анализировать проблематику путешествий, используя такие понятия как «*чужой*», «*другой*» этнический стереотип. При помощи социологов и антропологов можно также определить отношение к «*чужому*» как к «врагу» или как к «брату» или же также как к «согражданину», а также возможно как просто к «соседу».

Следует также подчеркнуть, что при исследовании проблематики общественной коммуникации историки занимаются, в первую очередь, представлением определённых культурных отношений, которые завязывают конкретные единицы или группы, благодаря которым происходит соответствующий обмен информацией, сотрудничество и взаимодействие определённых кругов, входящих в контакт. В данном случае большое значение имеет в подобных исторических исследованиях методология одинаково равного трактования всех сторон, входящих в контакт. Стоит напомнить, что в традиционной историографии доминировало понятие «*культурного влияния*», которое утверждало существование в определённом взаимодействии «*активных*» и «*пассивных*» сторон². Современные концепции встреч и воздействий решительно порывают с такими взглядами³. Конкретные системы общественной коммуникации *предоставляют широкие возможности для взаимопонимания и сотрудничества*.

В рамках исследований путешествий с точки зрения общественной коммуникации важным аспектом в работе может быть анализ конкретных индивидуальных, межчеловеческих контактов во время самой этой поездки. Принимая во внимание подобные исследования, можно посту-

лирование составление списков людей, с которыми встречался путешественник, разумеется, отмечая место и время встреч, а также краткое описание увиденного этим человеком в момент совершения конкретной его поездки. Анализ таких данных в сопоставлении с другими совершенными тогда путешествиями может предоставить возможность сравнения информации, получаемой из разных подобных поездок в определённое время. Вготавливаемых списках следует, по мере возможности, указывать обстоятельства пребывания данного путешественника в местах, которые он посещал во время анализируемой поездки. Собранные такого рода факты могут дать возможность воссоздания в общих чертах общественной жизни тех, кто тогда путешествовал. Существенным является также определение способа общения путешественников с местным населением. Это были контакты с людьми, с которыми они встречались на постоялых дворах, почтовых станциях и в других различных местах по маршруту поездки. В первую очередь, интересными оказываются описания встреч с политиками, духовенством, учёными, а также с обычными жителями другой страны. Особый характер, как показывают источники, имели встречи путешественников с их соотечественниками. В сумме всегда подобные контакты имели соответствующее оформление в зависимости от условий, в которых осуществлялись путешествия. Представление совокупности этих контактов существенным образом дополнит картину каждого вояжа.

Принимая во внимание приведённые выше общие методологические основы, можно представить несколько путешествий поляков в XVIII веке по территориям европейского северо-востока, в частности, поездок в это время в Петербург.

Эти поездки были связаны с политической ситуацией, которая наступила после образования Тарговицкой конфедерации и третьего раздела Польши, и имели политический характер. В таких случаях имеем возможность почерпнуть множество информации относительно элементов поездки, а также других впечатлений, связанных с познанием новых, неизвестных мест. Поэтому мы можем, абстрагируясь от политической ситуации, сделать много интересных выводов в этой области.

Первое интересующее нас путешествие описал в виде своеобразного путевого дневника в форме писем Казимеж Константы Броэль-Плятер, инфлянтский староста (1749–1807). Письма Плятера были изданы в сере-

дине XIX века Юзефом Крашевским и заняли прочное место в польской историографии⁴.

Плятер прибыл в Петербург 10 или 11 октября 1792 года как один из посланцев конфедерации в целях воздания почестей императрице и с предложением вечного мира, а также торгового соглашения. К сожалению, посольство ничего не добилось в городе на Неве. Плятер это прекрасно осознавал и в своём путевом дневнике старался объяснить причину этих неудач.

С нашей точки зрения, в путевом дневнике обращает на себя внимание ряд интересных замечаний на тему дорог и почтовых станций. Автор совершил своеобразный обзор пути и сделал соответствующие выводы. Например, что от Риги до Петербурга он ехал в течение первой недели ноября. Этот проезд длился дольше, чем был от Варшавы до Риги. Он даже произвёл математический расчёт: одну польскую милю от Варшавы до Риги он проезжал за полтора часа, а от Риги – за два. Различие в скорости передвижения Плятер объяснял состоянием дорог: *«Настоящая причина такой долгой езды была в дорогах, испорченных осенними дождями и лихих лошадях, которые нам из-за недостатка хороших на почтовых станциях подсовывали крестьянские крысы, а также и устройство станций в империи было причиной опозданий»*⁵. Кроме того, по дороге путешественники должны были переправляться через опасные броды на реках или проезжать по слабо замёрзшему льду, в другом месте на речной переправе пришлось ехать по разваливающемуся мосту. Особенно много нареканий относится к теме неудобств на имперских почтовых станциях. Только перед Петербургом, – отмечал автор – стараются проложить новую дорогу от Стрельни. По этому же случаю делается следующая запись: *«Огромный покинутый императорский дворец, заложенный Петром В., в который он обычно приезжал на охоту и поэтому это место называется Стрельня»*⁶.

Освещая пребывание в Петербурге, Плятер пишет главным образом об официальных контактах с российскими сановниками, которых назначила императрица для польского посольства и о церемониале приёма у Екатерины. Как сообщается, уже при въезде в Петербург польское посольство ожидал специальный российский курьер, который сопровождал главу посольства до предназначенной ему резиденции. Далее, анализируя сложный придворный церемониал и степень важности царских чиновников, автор указывал на своеобразную «комедию», которую должны были разыгрывать все участники трудных переговоров. Плятер писал

о этом абсолютно неоднозначно: *«Мы тоже играем и будем играть [эту комедию], вообще вся наша жизнь – комедия, разыгранная на огромном театре, один из эпизодов которого я описываю»*⁷.

Очень интересным оказывается описание ещё одной поездки посольства Минского воеводства к Екатерине II в 1793 году. Это посольство возглавлял минский воевода Адам Хмара (1720–1805). Воевода отправился в путь в сопровождении небольшой свиты. Целью этой поездки было воздание почестей императрице и получение налоговых льгот. Предполагалась также возможность уступок со стороны монархии относительно существующих ранее польских прав, которые были отменены после второго раздела Польши и введения российской администрации. Описание этой поездки составил некий Ян Комар, называющий себя борковским старостой и королевским камергером. Оригинал описания находится в Библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве. Недавно он был издан как очень важный исторический источник⁸.

Это путешествие началось 12 сентября из вотчины Хмаровых Семкув, расположенной недалеко от Минска, дорога до Петербурга длилась недолго, всего две недели, до 25 сентября. Но, к сожалению, обратный путь из-за причины нескольких поломок кареты и трудностей, связанных с поисками соответствующих лошадей на почтовых станциях, занял целый месяц.

Путешествующие, возвращаясь поздней осенью, были должны преодолевать трудный путь по неутрамбованным дорогам и болотам, по которым едва было можно проехать. Однажды даже самому воеводе пришлось выйти из кареты и только тогда лошади при помощи всех ехавших могли вытащить повозку из глубоких рытвин. Собственно говоря, автор путевого дневника жаловался на все участки дороги. Они были полны ухабов и были «невыровнены», а мосты, как он отмечал, тоже были «отвратительнейшие»⁹. Также часто очень непригодными были почтовые станции, в которых трудно было приобрести необходимые продукты. Мы находим несколько записей только перед самим Петербургом о том, что дорога была «хорошая» и даже «очень хорошая», а станции удобные¹⁰.

По пути в Петербург поляки сделали много интересных наблюдений. Например, что за польской «старой границей», в первую очередь, не видно евреев, *«потому что этот народ их не терпит»*¹¹, поэтому на дорогах

нет трактиров, «куда могли бы проезжающие, едущие на соответствующих лошадях, заехать»¹². Вдоль тракта также было очень мало деревень, поэтому было трудно достать продукты. Автор путевого дневника жаловался также на высокие цены. Как он отмечает, по дороге можно было купить только «паршивую белую горилку», конечно, всегда «казённую»¹³, то есть с обязательной государственной пошлиной. В пути невозможно было купить пива, «продавался только квас, пиво можно было купить только в Петербурге»¹⁴.

В Петербурге члены посольства посетили Эрмитаж, Кунсткамеру и другие достопримечательности столицы. Огромное впечатление произвёл на них Эрмитаж со своей великолепной коллекцией скульптуры и живописи и «самых дорогих камней, жемчуга, бриллиантов et cetera»¹⁵. В Кунсткамере польские туристы, если пользоваться современной терминологией, видели много «разных натуральных диковинок»¹⁶, которые довольно подробно перечисляются. По этому случаю утверждается, что в этих собраниях находилась огромная позолоченная серебряная дароносица, «отобранная от князей доминиканов во время революции при взятии земель Смоленска, Киева etc в Дорпате»¹⁷, то есть после войн середины XVII века. Автор путевого дневника отметил также находящуюся в Кунсткамере библиотеку князей Радзивиллов, «забранную в Несвеже во время барской конфедерации», которая «в совершенном беспорядке валялась на земле, а также в первом помещении была разбросана по земле при входе в Кунсткамеру»¹⁸.

Петербург произвёл на поляков огромное впечатление. «Город, – писал автор путевого дневника, – поделён самыми каналами, а каналы дорогостоящей работой выложены тесаными камнями, а береги грубыми железными штакетниками огорожены»¹⁹. «Много дворцов, разной структуры, большие четырёхэтажных, каменных, крытых железными крышами. Улицы просторные, шириной до 45 локтей, выложенные камнями и поделённые для проходящих пеших, а некоторые улицы местами были выложены тесаными камнями»²⁰. Также и берега реки Невы были обложены тесаными «каменьями». В городе было поставлено много фонарей. Особое впечатление произвёл бронзовый памятник Петру I на коне²¹.

Весьма отрицательно характеризует автор путевого дневника россиян. Он указывал на огромное «своеволие» людей всех сословий. Писал, что даже в высших сословиях издевались над добродетелью. Ещё резче Ян Комар отзывался о «простом народе», характеризуя его как «хитрый,

*дерзкий, злобный, ленивый, беспутный, не имеющий жалости и милосердия над ближним, если бы даже умирающий для спасения просил подать напиток воды, то без оплаты он не подаст; вообще грубый, совершенно не подобный до других европейских народов, наконец, весьма склонный к воровству»*²². Он подчёркивает также склонность россиян к сибаритству: аристократы одевают своих жён в богатые наряды, стараются во время приёма гостей, чтобы столы ломились от яств. С другой стороны, польский шляхтич хвалил придворный церемониал императрицы и приравнял его к «*красивейшим*» в Европе²³.

Представленный путевой дневник можно анализировать в аспекте общественных контактов, которые можно трактовать как своего рода форму общественной коммуникации. Во время своего пути члены свиты воеводы чаще всего встречались со станционными зрителями, которые очень по-разному помогали путешественникам, довольно часто находим описания весьма неприятных эпизодов, касающихся обслуживания²⁴. К сожалению, в записях отсутствуют сообщения об интересных встречах с другими путешественниками. Что касается пребывания в Петербурге, где воевода со свитой принимали участие только в официальных приёмах, то в дневнике есть записи об аудиенции поляков у императрицы, о многочисленных обедах в домах российских аристократов²⁵. Также с сожалением следует отметить, что в дневнике нет более конкретных записей о том, как проходили эти торжества, кроме фамилии хозяина, не указываются фамилии других присутствующих гостей. Несколько большее внимание автор уделил въезду в Петербург и аудиенции у императрицы турецкого посла, но и в данном случае в дневнике нет каких-либо конкретных упоминаний о контактах поляков с послом из Стамбула или с кем-либо из многочисленной турецкой свиты²⁶. Существует запись об официальном показе гостям достопримечательностей города и его окрестностей²⁷.

Заканчивая краткий обзор этих документов, можно сделать вывод, что и Казимеж Константы Броэль-Плятер, польский сановник из Инфлянт и Ян Комар, очевидно, небогатый шляхтич Великого княжества Литовского, оказались очень быстрыми и точными в отображении жизни России, а самое главное – представили обширную характеристику русского менталитета.

Третий из анализированных текстов о путешествиях – это описание поездки некоего анонима, который в 1797 году отправился из Минска в Петербург. Цель этой поездки было довольно трудно установить. Несомненно, что это был шляхтич из Минского воеводства. Сохранился оригинал описания этой поездки, находящийся в Библиотеке Вильнюсского университета, и который удалось издать в польской и белорусской версиях²⁸. К сожалению, описание охватывает не весь маршрут пути, а лишь отрезок до старых польских границ и чуть дальше, но не до конечной цели поездки. Как и в других дневниках, оно пестрит от жалоб на качество дорог и придорожных трактиров. Однако в нём можно найти много интересных замечаний на тему окрестностей, увиденных во время это путешествия. Вероятно, стоит снова привести примеры оценки российского народа. Ярким в этом отношении является цитата о российских крестьянах: *«Хаты холопов российских далеко лучше выглядят, чем польских, потому что первые богаче. Но дальше в езде по краю видим много москалей, живущих так же плохо, как наши»* [конец цитаты]. Далее автор продолжал: *«Такое состояние людей в этой стране [продолжение цитаты о крестьянах] делает то, что просьбой и деньгами у них мало чего можно добиться. И ничего лучше на них не действует, чем кнут. Как у народов, которыми нельзя иначе управлять, чем угрозой, притом деспотичной»*²⁹.

Так же как и в предыдущем описании неизвестного автора в документе явно содержится удивление отсутствием в России евреев: *«Евреев нет, – и сразу в тексте добавляется, – нет трактиров, а вместо них кое-где возведены строения, которые называются постоялыми домами, при которых очень неудобные конюшни для лошадей»*³⁰.

Так же как и в предыдущем путевом дневнике отсутствует информация о более близких межчеловеческих контактах по пути его следования. Кроме того минский шляхтич приводит много интересных замечаний еще и на тему быта в Российской империи.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить явную заинтересованность польских путешественников российской действительностью того времени. Путешественники с большим интересом осматривали достопримечательности, в первую очередь, Петербург и его окрестности.

Особое внимание они обращали на состояние дорог и места постоя. Как обычно в такого рода текстах, здесь можно найти много жалоб на неудобства поездки. Однако в этих описаниях существуют и положительные оценки. Путешественников интересовали межчеловеческие контакты, они обращали внимание на менталитет простого народа, в этой области находим много разных записей. Но авторы описаний концентрировали своё внимание на представлении светской жизни российской элиты, они отмечали официальный характер таких встреч, а также подчёркивали европейский порядок придворного этикета. Следует обратить внимание на отсутствие упоминаний о религиозных различиях. В принципе совершенно нет каких-либо замечаний относительно православия. Можно даже отметить определённого рода религиозное единство обеих частей христианства.

¹Rozprawy z dziejów XVIII wieku. Z dziejów komunikacji socjalnej epoki nowożytnej pod red. J. Wójtowicza. Toruń, 1993; *Maliszewski K.* Komunikacja społeczna w kulturze staropolskiej // *Studia z dziejów kształtowania się form i treści społecznego przekazu w Rzeczypospolitej szlacheckiej*. Toruń, 2001.

²*Goban-Klas T.* Komunikowanie masowe. Zarys problematyki socjologicznej. Kraków, 1978.

³*Boksański Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław, 1997.

⁴Djariusz podróży z Warszawy do Petersburga hrab. Kazimierza Konst. de Bröhl Platera, starosty inflanckiego później podkanclerza litewskiego w r. 1792 odbytej przepisany przez Kraszewskiego J. I. [w:] *Czas. Dodatek miesięczny*. T. IV. Rok pierwszy, październik, listopad, grudzień. Kraków, 1856. S. 667–739.

⁵*Ibid.* S. 730.

⁶*Ibid.*

⁷*Ibid.*

⁸*Knychalska A.* Diariusz podróży do Petersburga, [w:] *Z dziejów kultury czasów nowożytnych. Wybór tekstów źródłowych* pod red. M. E. Kowalczyk. Toruń. S. 55–110.

⁹*Ibid.* S. 61 in.

¹⁰*Ibidem.*

¹¹*Ibid.* S. 105.

¹²*Ibid.* S. 105.

¹³*Ibid.* S. 106.

¹⁴*Ibid.* S. 106.

¹⁵*Ibid.* S. 92–93 i 86.

¹⁶*Ibid.* S. 87–88.

¹⁷*Ibid.* S. 88.

¹⁸*Ibidem.* S. 89. Gistory[b]laruskaj knigi. Tom I M.W.Nikala]u. Knixna] kul<tura W[likaga Kn]stwa Litouskaga. Minsk, 2009. S. 249; Bibliot]ka Radziwillow H]swixskou

ordinacji. Katalog isdanij iz fonda c]ntral<noj nauvnoj bibliot[ki im]ni {kuba Kolasa Nacional<noj Akad]mii Nauk B]larusi b]ka. Minsk, 2010. S. 20.

¹⁹*Knychalska A.* Diariusz podróży do Petersburga... S. 107.

²⁰*Ibid.* S. 107.

²¹*Ibid.* S. 107–108.

²²*Ibid.* S. 109.

²³*Ibid.* S. 76–78.

²⁴*Ibid.* S. 66–75 i 96–105.

²⁵См., например: *Ibid.* S. 76–78.

²⁶*Ibid.* S. 85–87, 89–90.

²⁷*Ibid.* S. 90 i n.

²⁸*Rok B., Kozakow J.* Opis podróży z Mińska do Petersburga z 1797 r. anonimowego szlachcica z Białorusi, [w:] *Z przeszłości Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych pod red. Matwijowskiego K., Ochmann-Staniszevskiej S., Roka B.* Wrocław, 1998. S. 109–120; *Rok B. Kozakow J.* Apisann] padaroxxa z Minska u P]c]rburg ananimnaga b]laruskaga \[hcica [w:] *Belaruski gistoryvny vasopis.* 1998. № 1. S. 55–63.

²⁹*Rok B., Kozakow J.* Opis podróży... S. 119; *Rok B., Kozakow J.* Apisann] pada-roxxa... S. 61.

³⁰*Ibid.*

V. РЕЦЕНЗИИ

В. Е. Возгрин

Рецензия на книгу: Tilman Plath. Zwischen Schonung und Menschenjagden. Die Arbeitseinsatzpolitik in den Baltischen Generalbezirken des Reichkommissariats Ostland 1941-1944. Essen: Klartext Verlag, 2012. 502 S. (Тильман Плат. Между снисхождением и охотой на людей. Трудовая политика в прибалтийских генеральных округах Рейхскомиссариата Остланд в 1941–1944 гг. Эссен: Клартекст Ферлаг, 2012. 502 с.).

ISBN 978-3-83-75-0796-6

Доктор Тильман Плат, научный сотрудник Кафедры истории Восточной Европы Грайфсвальдского университета, избрал указанную тему своей новой работы далеко неслучайно. История принудительного труда в оккупированной нацистами Прибалтике если и исследована, то фрагментарно как в хронологическом, так и тематическом смысле. Поэтому немецкий историк поставил перед собой задачу исследования этого явления в максимальной полноте и цельности. Более того, он ввел в свой труд и ряд сопутствующих сюжетов, не относящихся к основной теме прямо, но позволивших охарактеризовать и объяснить некоторые не совсем обычные (по сравнению с другими оккупированными областями СССР) черты нацистской системы принудительного труда в Прибалтике и Белоруссии, также входившей в Рейхскомиссариат Остланд.

Автор отмечает, что трудовую политику Рейха в Прибалтике он воспринял и оценил в плоскости своего исследования как показательную для нацистского господства в целом, как тесно связанную с более обширными вопросами всей гитлеровской системы принудительного труда. То есть как политику, постоянно эволюционировавшую, меняющуюся, в которой никак не устанавливалось равновесие между противоположны-

ми потребностями расистско-идеологических практик и военно-экономических нужд (S. 16). В этом смысле его труд, касающийся донине не исследованного в таком плане региона, особенно ценен, так как именно на фоне известного конфликта между расистской доктриной и военно-экономическими соображениями Прибалтика играла показательную роль. Здесь особенно ясно было видно, что нацистское управление находилось в состоянии постоянного колебания между репрессивной политикой и попытками сотрудничества («кооперации») с местным населением. Лишь задача максимального использования местных ресурсов в нуждах войны стала для немецкой оккупационной политики наименьшим общим знаменателем, что особенно ярко проявлялось в особенностях использования Рейхом труда жителей Прибалтики.

В центре всего исследования стоят напряженные отношения между рядом нацистских ведомств. С одной стороны это были сторонники планомерного и стабильного решения поставленных хозяйственных задач, с чем было связано и перемещение рабочей силы. С другой выступали функционеры, осуществлявшие вербовку в трех прибалтийских генеральных округах. Причиной этого противоборства являлся, среди прочего, вопрос о том, где использовать прибалтийскую рабочую силу – на местах или в Рейхе. Анализу этих и многих других обстоятельств периода оккупации Т. Плат уделяет основное внимание.

Исследование было осуществлено, главным образом, на основе актов германских и прибалтийских органов управления и других материалов периода оккупации, отложившихся в Историческом государственном архиве Латвии, Центральном государственном архиве Литвы, Государственном архиве Эстонии, а также Федеральном военном архиве во Фрайбурге и берлинском Бундесархиве (Лихтерфельде). Необходимым дополнением к этому корпусу источников послужили публикации документов, имеющие отношение к истории рейхскомиссариата Остланд, изданные в Германии. Кроме того Т. Платом была использована литература вопроса на прибалтийских, центрально-европейских и славянских языках.

Композиционно книга состоит из Введения и двух основных частей. При этом вводная часть представляет собой результат полноценной исследовательской работы, частично основанной на архивных материалах. Она имеет самостоятельную научную ценность не только для специалистов по истории Прибалтики, но и нацистской Германии. Здесь едва ли не впервые продемонстрированы факты использования нацистами опыта оккупации кайзеровской армией ряда восточных территорий в

годы Первой мировой войны, а также более свежий – опыт советских военно-политических и социальных акций на западных территориях, вошедших в состав СССР в 1940–1941 гг. (с. 29). Вторая содержательно важная часть Введения – широкая экспозиция истории многоплановых отношений Германии и трех прибалтийских стран в межвоенный период, в известной степени нашедших продолжение при новой оккупации. Самостоятельной ценностью обладает и анализ основных черт нацистской трудовой политики, в том числе принципов добровольного или принудительного использования иностранной рабочей силы в Рейхе и на оккупированных территориях.

В этой связи Т. Плат не мог обойти проблему коллаборационизма в целом, уже более 20 лет являющуюся предметом полемики европейских историков – сторонников, упрощенно говоря, двух точек зрения. Одни ученые (большинство российских, французских, датских и некоторых иных историков) однозначно ставят знак равенства между коллаборационизмом и осознанным предательством родины. Другие (немецкие, прибалтийские) рассматривают это явление как приспособление к оккупационному режиму с целью элементарного выживания, впрочем, не исключающее в ряде случаев и антисоветские мотивы.

Т. Плату свойствен дифференцированный подход к проблеме. Он считает, что большинство населения Прибалтики за год, прошедший между присоединением ее к СССР и началом оккупации, вряд ли успело проникнуться духом советского патриотизма и, соответственно, ненавистью к военному противнику государства, в котором оно оказалось не по своей воле. Поэтому автор, касаясь Прибалтики (но не «старых» советских республик!) подчеркивает этически нейтральный характер этого явления, объясняя его в основном аполитичной «кооперацией (сотрудничеством) оккупированных и оккупантов» (с. 37). Далее он разъясняет свою позицию своеобразием ситуации, сложившейся в Прибалтике, почему широкое сотрудничество, отчасти и политическое, с оккупантами было характерно именно в Остланде. «Национально-государственный вопрос из-за неоднократной смены оккупаций был необычно сложным, отчего попытки отнести местных политически активных лиц к числу предателей родины или же национальных героев априори обречены на провал» (с. 38).

Здесь же автор приходит к выводу о том, что начало известному расколу прибалтийского населения по этническому признаку было положено в первый год присоединения прибалтийских стран к СССР, когда были депортированы десятки тысяч эстонцев, латышей и литовцев (но не мест-

ные славяне!), и начался процесс демографической и культурной русификации оставшихся. Процесс национальной сегрегации возобновился при немцах, хотя и на основе иных отборочных критериев, и совершенно иными методами, но с похожим результатом – дальнейшей этнической стратификацией прибалтийского населения (с. 31).

Первая из основных частей книги посвящена непосредственным проводникам трудовой политики в оккупированных Эстонии, Латвии и Литве. Этих исполнителей решений, принимавшихся в Берлине, было несколько: Гражданская администрация¹, полиция, Вермахт, экономические ведомства, а также органы самоуправления. В целом они ничем не отличались от соответствующих структур в других оккупированных областях СССР, но имелись и некоторые местные особенности.

Так, рейхскомиссар Остланда Х. Лозе имел, в отличие от своего коллеги на Украине, весьма честолюбивые цели. Как выяснил немецкий историк, он не только считал себя полноправным господином Прибалтики в настоящем, но и претендовал на наследственный герцогский венец в будущем (с. 45). Необычным было и «расовое» членение местного населения, определенное А. Розенбергом. Т. Плат извлек из архива следующее откровение нацистского министра: «Эстонцы в культурном и политическом смысле – наиболее зрелый народ рейхскомиссариата... Эстонский народ, несмотря на свою принадлежность к финно-угорской языковой семье, именно в лице своего верхнего слоя, благодаря долгому сосуществованию с немцами и шведами, стал преобладающе нордическим» (с. 89). Поэтому местным властям предлагалось основное внимание уделять эстонцам, а не латышам и литовцам, из которых первые, по словам Розенберга, страдали комплексом неполноценности, а вторые – чувством необоснованного превосходства. Что же касается поляков и других славян Прибалтики, то они обрекались министром на «конечное решение» их вопроса.

В отношении полиции автор сделал вывод о ее прямом антагонизме гражданской администрации, что имело место на всем протяжении оккупации. Причиной этому было, во-первых, фактически подчиненное положение высших чинов СС и полиции Остланда упомянутой администрации. Во-вторых, гражданская администрация неизменно ставила все неудачи трудовой политики (например, в вербовке рабочей силы) в вину полиции, стремясь выглядеть при этом безупречной (с. 106).

Немалые трудности ожидали Т. Плата в оценке участия Вермахта в экономической эксплуатации края. Это касается, прежде всего, слабо

исследованного институционального положения хозяйственного ведомства армии в ее структуре. И лишь изучение материалов Берлинского архива позволило автору, к примеру, сделать выводы о причинах ликвидации Экономической инспекции Норд (1941), образования Инспекции вооружения и ее подчинения Экономическому штабу Ост (с. 139). В тех же фондах им были обнаружены данные о стремлении армейского Управления лагерями военнопленных предоставлять их в качестве рабочей силы на собственных условиях (и в собственных интересах), что служило причиной постоянных конфликтов между Вермахтом и гражданской администрацией Остланда. Однако они могли и объединяться, выступая единым фронтом против всеильного ведомства Ф. Заукеля, когда оно лишало их местной рабочей силы, отправляя ее в Рейх (с. 149).

Экономические ведомства Остланда также принимали участие в этом противостоянии, особенно после того, как в 1942 г. надежда Вермахта на захват кавказских нефтяных полей рухнула, а всевозрастающее значение получила выгонка горючего из эстонских сланцев. Поэтому первоочередной задачей для хозяйственных ведомств Остланда стало сохранение рабочей силы для использования ее в трудоемкой разработке упомянутых месторождений. В результате их деятельности имело место уникальное для оккупированных территорий явление: целый генеральный округ (эстонский) был уже в начале 1943 г. полностью освобожден от вербовки рабочей силы в Рейх (с. 168).

Что касается трех национальных органов самоуправления² Остланда, официально оформленных в марте 1942 г., то самостоятельность их была чисто внешней. Автор монографии приводит выписку из неопубликованного указания А. Розенберга по этому поводу: «Надзор над самоуправлениями должен проводиться таким образом, чтобы с одной стороны у них было чувство известной самостоятельности и ответственности, но чтобы с другой стороны ими не могло быть предпринято ничего, что противоречило бы германским требованиям. Управление должно целиком находиться там в руках немцев» (с. 184). Именно таким, подчиненным немцам, самоуправление округов оставалось на протяжении всего периода оккупации.

Последняя, самая крупная часть труда Т. Плата посвящена субъектам трудовой политики оккупантов: эстонцам, латышам, литовцам, местным и новоприбывшим (в т.ч. пленным) славянам, в меньшей мере – евреям и цыганам, а также остзейцам-репатриантам. Экономическое положение самой крупной из перечисленных групп, прибалтов, условия их вербов-

ки, условия труда и оплаты рассмотрены автором в отдельности по каждому году оккупации. Эта композиция оптимальна, так как в каждой главе, посвященной одному году, видны, во-первых, перемены в положении населения, а во-вторых, прослеживается и эволюция общей ситуации, которая была далеко не одинаковой в Эстонии, Латвии и Литве.

Несколько в ином ключе подана история славян в оккупированной Прибалтике. Поскольку они не представляли собой гомогенную группу, соответствующая глава разделена на тематические параграфы, посвященные местному славянскому меньшинству («Охота на людей как метод вербовки рабочей силы»), военнопленным, не обладавшим даже подобием прав, остарбайтерам и беженцам из РСФСР. В целом трудовая политика Рейха по отношению к славянам мало чем отличалась здесь от ситуации в других оккупированных областях СССР, чего нельзя сказать об упомянутых немцах-репатриантах.

Опираясь на архивные данные, Т. Плат приходит к выводу, что возвращение фольксдойче на свою прибалтийскую родину из эмиграции отнюдь не приветствовалось (исключение составляла Литва). Оказывается, имело место столкновение двух политических факторов: германизации Эстонии и Латвии, с одной стороны, и укрепления немецкой «народности» (Volkstums) в Рейхе – с другой. При этом последнее было сочтено более актуальным (с. 445). Любопытно, что такая политика была совершенно нехарактерна для других генеральных округов (о Литве уже упоминалось) и даже рейхскомиссариатов, например Тавриды, где план массового переселения немцев из Тироля не был отменен до самого конца войны. К сожалению, столь различный подход к указанной проблеме объяснения в книге не получил.

Вообще в исследовании Т. Плата не до конца использованы ресурсы компаративного метода. Если автор многократно сравнивает экономическое и политическое положение эстонцев и литовцев, латышей в целом и латгальцев, прибалтов и славянского меньшинства и т. д., то сравнения политики Берлина в Остланде и на других оккупированных территориях в книге практически отсутствуют. В этом отношении была бы интересна сравнительная оценка личной политики рейхскомиссара Остланда Х. Лозе с деятельностью, например, генерального комиссара Тавриды А. Фрауэнфельда. Последний прилагал немалые усилия к тому, чтобы придать трудовой политике Рейха в Крыму хоть какие-то человеческие черты, последовательно выступая против массовых репрессий не только на «своей» территории, но и на Украине. Так, он неоднократно слал в

Берлин свои протесты против политики жесточайших репрессий, проводившихся украинским рейхскомиссаром Э. Кохом, считая, что именно они привели к небывалому подъему партизанского движения. Между прочим, эти меморандумы, обнаруженные в 1945 г. союзниками в архиве рейхсканцелярии, послужили причиной уникально мягкого приговора бывшему генеральному комиссару. А. Фрауэнфельд пробыл в заключении всего около года³, тогда как Х. Лозе был осужден в 1948 г. на 10 лет за соучастие в массовых убийствах с использованием газовых камер⁴.

Впрочем, что касается последнего абзаца, то рецензент преступил здесь старое правило: критиковать положено лишь текст, а не то, что *не было написано*. Обратившись же к изложенным в книге Т. Плата промежуточным и конечным результатам его исследования, нельзя не отдать ему должное. Автором проделана огромная работа, в ходе которой подвергнуты анализу многие тысячи архивных источников, творчески использованы практически все книги и статьи по теме монографии. Поэтому и новые выводы, сделанные на столь доказательной основе, не только в высшей степени оригинальны, но и бесспорны. Специалисты по новейшей истории России и Европы, безусловно, высоко оценят этот фундаментальный труд немецкого историка.

¹Гражданская администрация (*Zivilverwaltung*) – общее обозначение четырех германских властных институтов, исполнявших различные управленческие функции по отношению к оккупированным восточным областям. К ней относились рейхсминистр и рейхскомиссар оккупированных восточных территорий, три генеральных комиссара и несколько гебитскомиссаров в Остланде – все с соответствующими аппаратами.

²Этот небуквальный перевод немецкого термина *Landeseigene Verwaltungen* был принят довольно давно, став затем в русском языке традиционным (см., например, : *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии. Таллинн, 1999. С. 215 и др.).

³Подробнее о политике А. Фрауэнфельда в Крыму см.: *Возгрин В. Е.* История крымских татар. Т. IV. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 46–53.

⁴*Klee E.* Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945. Frankfurt a. M. 2003. S. 378–379.

Рецензия на работы проф. В. А. Ушакова: «Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов». Санкт-Петербург: Полторацк, 2010. - 160 с.; «Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX века)». Санкт-Петербург: Нестор, 2006 (в соавторстве с Т. В. Партаненко) - 156 с.; «Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)». Санкт-Петербург: Полторацк, 2012 (в соавторстве с А. Ю. Талья) - 244 с.

ISBN 978-5-904819-07-1

ISBN 5-303-00296-9

ISBN 978-5-904819-48-4

Рассматриваемые работы проф. В. А. Ушакова представляют собой, по сути, трилогию и посвящены таким важным, деликатным и по сей день злободневным вопросам как восприятие Россией Запада и Запада Россией. Безусловно, рассматриваемая тема настолько масштабна, сложна и многогранна, что полностью осветить ее в нескольких работах невозможно, так что авторы данных исследований были обречены на определенную конспективность и выбор четкого (пусть даже узкофокусного) направления повествования, что и было ими проделано на высоком профессиональном уровне. Первая книга – «Взаимовосприятие России и Запада» акцентирует внимание читателя на трех основных (как представляется) направлениях – контакты XVII – начала XVIII вв. – время, когда Запад по сути заново открывал для себя эту удивительную и загадочную страну – Московию, не то азиатскую, не то околоевропейскую, но в любом случае непознанную и интригующую, далее рассматриваются контакты XVIII в. – Россия эпохи петровских преобразований и далее на протяжении всего XVIII в., **который рассматривается многими историками (как отечественными, так и зарубежными) как век «культурного**

ученичества России», время, когда наша страна буквально ворвалась в Европу, заставив считаться с собой и, наконец, контакты первой половины XIX в., время царствований императоров Александра I и Николая I, когда членство Российской империи (особенно после победы над наполеоновской Францией) в «Европейском клубе» уже никем не оспаривалось, но, тем не менее, противоречивость внутреннего развития России вызывала большой интерес у западноевропейской общественности и заимобразно русская дворянская и разночинная интеллигенция, побывавшая в Европе как во время заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. да и позднее, уже в ходе многочисленных частных путешествий также испытывала большой интерес к европейской жизни, тем более что испытывая на себе огромное влияние Великой Французской Революции Европа вступила в новую, принципиально новую фазу своей истории – период промышленной революции. Безусловно, нельзя не согласиться в теми выводами, которые делает автор, что «в XVIII столетии не все на Западе были рады пробуждению и возмужанию России при Петре I», но, тем не менее, «многие же авторы в те десятилетия приветствовали преобразовательные усилия Петра Великого и после других монархов, указывали на очевидное сближение России и Европы, ориентацию россиян на европейские образцы в политике, культуре, быту и т.д.».

Усилиями ряда философов–просветителей в то время галерея российских монархов пополнилась новыми значительными персонами: стереотип Петра Великого как царя – плотника, царя – строителя, царя – реформатора и преобразователя дополнил и быстро создаваемый образ «Семирамиды Севера» – друга мыслителей и прогресса Екатерины Великой. Но позитивно настроенные к России наблюдатели могли отличать и половинчатость, незавершенность шагов по модернизации страны, насильственные методы внедрения реформ. И далее, «с рубежа XVIII – XIX столетий, возможно и под влиянием революций в Америке и Франции, иностранные наблюдатели уже независимо от их отношения к Российской империи, ее народам и монархам, все чаще стали писать о недостаточности тех реформ и преобразований, которым с начала XVIII в. подвергались общество и государство». Действительно, Россия первой четверти XIX в. уже не была чем-то бесконечно далеким и непонятным для Европы, как это было столетием ранее, и теперь ее уже оценивали, что называется, по «европейским стандартам». Поэтому нельзя не согласиться с тем выводом, который делает проф. В. А. Ушаков в заключение своего исследования: «Под воздействием передовых теорий и идей, в ходе

революционных потрясений общественная и политическая жизнь ряда стран в Старом и Новом Свете получала серьезные импульсы к развитию. Набирали силу и социально-экономические перемены («промышленный переворот»). Империя Романовых хотя и не стояла в стороне от названных веяний, но подвижки вызревали и проходили еще медленно, а после 1825 г. они во многом застопорились, о чем в той или иной форме и сообщали иностранцы (Ж. де Сталь, Ф. Б. Гагерн), посещавшие и изучавшие Россию». И далее «вряд ли баронесса Ж. де Сталь или полковник Ф. Б. Гагерн смогли удержаться в рамках дозволенной обстоятельствами дозированной критики изъянов российской действительности, заведенных в стране порядков, а характеристика строя в России, ее правителей и их окружения в исполнении ряда авторов грешила не только очевидной тенденциозностью (как негативного, так и апологетического свойства), но и содержала многие зерна горькой и неприятной правды, коловшей глаза и современникам описываемых событий, и историкам, и последующим поколениям россиян и жителей Западной Европы».

«Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX в.) – исследование, предпринятое проф. В. А. Ушаковым в соавторстве с Т. В. Партаненко. Как следует из заглавия исследования, в нем анализируются обоюдные впечатления европейцев и американцев о России и русских путешественников о Европе и Новом Свете (как известно, в 1783 г. на политической карте мира появляется новое государство – Соединенные штаты Америки). Исследование состоит из трех глав. Это «Образ России во Франции в XVIII–XIX веках», «Европа в описании путешественника из России: взгляд критический и взгляд благосклонный» и, наконец, «Американцы о России и русские наблюдатели в США». Выбор данных направлений в освещении проблемы взаимовосприятия не случаен и строго логичен. Как совершенно верно отмечают исследователи, «начало устойчивого внимания к России относится к правлению Петра I. С 1700 до 1775 гг. нарастало культурное внимание Франции к нашей стране, это время стало мощнейшим толчком к формированию образа России во Франции. Конечно, оценки французских путешественников и дипломатических агентов русского государства, быта и нравов его населения весьма неоднозначны, зачастую тенденциозны и поверхностны, но встречаются и весьма серьезные и тонкие замечания, как, например, мемуары аббата Жана Шаппа д’Отроша «Путешествие в Сибирь». Весьма интересным и даже можно сказать пророческим выглядит утверждение аббата, выделенное авторами исследования: «Петр I кажется создателем

новой нации, но нет никакой перемены в устройстве правительства, – пишет Шапп д’Отрош, – нация все время находится в рабстве (выделено мной С.Щ.), и он еще сильнее затягивает узы рабства. Он заставляет все дворянство служить без всякого изъятия. В народе набирает толпу молодых рабов (выделено мной С.Щ.) и распределяет их в академии и школы, без учета их талантов и желаний». Безусловно, весьма меткое замечание, недаром книга аббата д’Отроша вызвала бурную реакцию как во Франции, так и в России. Екатерина II даже попыталась вступить в полемику с дерзким французом, что, как верно заметили авторы исследования, это ей не удалось. В самом деле, возражать на верные замечания убедительно вряд ли возможно.

Но, безусловно, культурные контакты России и Франции на протяжении всего XVIII века крепнут и, в конце концов, становятся определяющими в облике правящего класса России. Как совершенно верно замечают авторы исследования, последняя четверть XVIII в. стала переломной в русско-французских отношениях. Их улучшение, интерес Франции к России, зародившийся после визита Петра I в Париж в 1717г., стали причиной посещения России многими французами. Действительно, описания Москвы и вообще России, русской жизни, оставленные К.-К. Рюльером, Ф.-А. Тесби де Белькуром, Ф.-М. Гриммом, Ш.-Ж. Роммом, Виже-Лебрен и др. представляют довольно полную картину нашей страны в XVIII в. Но, безусловно, одним из наиболее ярких явлений французской мемуарной литературы конца XVIII в. (как совершенно справедливо отмечают авторы исследования) считаются мемуары дипломата графа Сегюра, которые рисуют Россию отсталой страной, в которой правит во благо народа мудрая Екатерина II. Как отмечают авторы, «отдельные, порою колкие, реплики дипломата не во многом изменяют этот фон». Необходимо оговориться, что в задачу данной рецензии не входит освещение каждого аспекта исследования, предпринятого В. А. Ушаковым и Т. В. Партаненко. Это сделало бы ее слишком громоздкой и малоинтересной. Подводя итог весьма объемной первой главы, посвященной формированию образа России во Франции в XVIII–XIX вв., хочется отметить, что она дает читателю внушительный объем информации по данной теме. Нельзя не согласиться и с основными выводами, сделанными в ее конце. «В XVIII в. Россия признается как одна из реалий в окружении Франции, становится одним из побудителей движения ее общественной жизни. Продолжается вместе с тем формирование взгляда на нашу страну как на опасного и агрессивного врага. В то же время, проявляется направле-

ние, утверждающее Россию своеобразной страной, к которой не подходят мерки Франции и которую следует принять такой, как она есть». И далее «в конце XVIII в. насущным для Франции становится позитивный образ России. Воздействие на Россию жестко предполагалось обязательным, но не военным, завоевательным, а религиозным, культурным, политическим».

Глава вторая исследования посвящена описаниям Европы русскими путешественниками. В ней отмечается, что «со времен Петра Великого жители Российского государства все чаще выезжали за границу. В годы правления императрицы Екатерины II поездки в Европу были привычными». Можно полагать, что к концу XVIII века сформировались и основные подходы в русле которых российские путешественники воспринимали жизнь за границей. Они либо противопоставляли Россию и Европу, либо искали сходное в развитии двух регионов. Авторы исследования, надо сказать, весьма остроумно распределили всех русских путешественников на «тип Фонвизина» – неприятие зарубежных порядков и «тип Карамзина» – т.е. путешественника, которому эти порядки в основном нравятся. В то же время они констатируют, и с этой констатацией нельзя не согласиться, что «право авторов выделять те или иные характеристики, рисовать жизнь и «чудеса» заграничные в соответствии со своими критериями, видением и пониманием мира». И далее «сопоставление разных точек зрения на зарубежную действительность, столкновения разных подходов к ней и оценок, а порой и сравнение с российскими примерами и образцами – это возможность лучше представить и понять реальное состояние дел и в России, и за ее пределами». Как говорится, лучше не скажешь!

Третья глава исследования посвящена описанию формирования образа России в глазах американцев и оценкам русскими наблюдателями США. Буквально с самого возникновения нового государства на североамериканском континенте, оно привлекало внимание российских государственных деятелей. Этот интерес, возможно, начался с известного восклицания Екатерины II: «Если бы я потеряла столько земли, сколько ее потерял английский король в Северной Америке, я бы пустила себе пулю в голову!» Необходимо отметить, что еще со времени Войны за независимость американцы начинают посещать Россию. Как отмечается в исследовании «политическая культура американцев влияла на передовые умы России. Известна негативная реакция самодержцев – Екатерины II и Николая I на распространение в обществе вольнодумства, а тем более

на попытки изменить само общество». С победой американской революции новые, республиканские идеи начинают распространяться и в русском обществе. Как известно, представители «русского флага» – военные моряки (И. Д. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и др.) провели много времени в новой стране за океаном и скорее всего лично общались с отцами основателями» – Дж. Вашингтоном, Б. Франклином, Т. Джефферсоном и др. Соответственно, на родину русские моряки возвращались не с пустыми руками. Они привозили важные сведения о политической системе, культуре американцев, о конституциях и законах, сведения о положении североамериканских индейцев, рабстве негров и т.д. Как отмечают авторы исследования, «в России интерес к общественным порядкам и системе управления в Америке распространялся даже при дворе». Далее в исследовании отмечается, что «в последней четверти XVIII в. между Россией и США установился своего рода «мост», и по нему устремились путешественники. В России побывали такие выдающиеся представители новой нации, как один из героев войны с англичанами контр-адмирал Пол Джонс и сын второго президента США Дж. Адамса – Дж. К. Адамс (в будущем гос. секретарь и шестой президент страны). Далее можно упомянуть дипломата Дж. Б. Миллигена, торговца М. Фишера – мл., сенатора Дж. А. Бейарда и многих других. А из россиян первыми в Новый Свет направились Федор Каржавин и Василий Баранщиков. По возвращении они несколько раз опубликовали свои записки о пребывании на Карибах, а Каржавин также и в США.

К каким же выводам приходят авторы исследования? Приведем вполне уместную здесь пространную цитату, так как она наиболее емко и полно подводит итог исследования: «Две цивилизации, две культуры – российская с многовековым наследием, и более молодая, формирующаяся американская имели и точки соприкосновения и многочисленные различия. Оценка и интерпретация таковых зависела как от мироощущения россиянина или американца, так и от индивидуальных качеств того или иного автора. Граждане США исходили из норм и установок складывавшегося в ту пору так называемого американского образа жизни, они разделяли и часть стереотипов поведения и восприятия, которые существовали среди европейцев». И далее, говоря о суждениях русских путешественников, авторы исследования отмечают, что «они высказывали суждения разного плана, даже резкую критику в отношении американской действительности. Но в целом же со стороны американцев в оценках и характеристиках были очень заметны негативные или нейтрально-негативные тона, а

у россиян, скорее преобладало благожелательное отношение». Впрочем, как отмечают авторы исследования, точку в этом вопросе ставить еще рано.

Наконец, третья, на наш взгляд наиболее интересная, книга проф. Ушакова, написанная им в соавторстве с А. Ю. Талья, посвящена великому американцу, одному из «отцов – основателей» США, третьему президенту этой страны Томасу Джефферсону («Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)»). Действительно, роль Т. Джефферсона в становлении американского государства трудно переоценить. Он с полным правом считается «отцом американской демократии». Вообще же диапазон интересов этого человека был настолько велик, что трудно было назвать область человеческой деятельности, в которой Джефферсон не был бы сведущ. В связи с этим хотелось бы упомянуть один весьма показательный эпизод из американской истории уже XX в. Президент Дж. Ф. Кеннеди, принимая в Белом доме большую группу американских ученых, заметил, что давно уже резиденция американских президентов на видела такого представительства выдающихся интеллектуалов, если не считать того времени, когда Т. Джефферсон обедал здесь в одиночестве. Как отмечается в исследовании, интерес в России к возникшему в Северной Америке государству, его институтам и законодательству проявляли, прежде всего, склонные к реформаторским веяниям круги. Во второй половине XVIII в. в **Российской империи** выявились сторонники введения аристократической конституции, а в последние годы XVIII в. вокруг наследника престола великого князя Александра Павловича сформировался особый круг, в планы которого входило изучение политико-правового опыта и истории государственного строительства в других странах. Весьма показательны поэтому (как опять таки отмечают авторы исследования), что американцы активно содействовали подробному ознакомлению Александра I с принципами и нормами общественно-государственного устройства США. Президент Джефферсон рассуждал о необходимости составить для русского императора «краткий систематический обзор» американской конституции. Оказывается, Джефферсон даже лично отбирал наиболее интересные, с его точки зрения, труды об американской конституции, которые через американского консула Л. Гаррисона в Петербурге переправлял Александру I. Известно, что русский император с большим уважением и даже симпатией отзывался о Джефферсоне и его стране. Конечно, взаимный обмен любезностями обычная практика политиков, но в данном случае

мы можем констатировать, что хорошие отношения между Александром I и Т. Джефферсоном способствовали установлению полновесных дипломатических отношений между нашими странами. Было бы неверно подозревать Т. Джефферсона в политической наивности и думать, что он надеялся реально повлиять на порядки в огромной крепостнической державе, которой являлась Российская империя. Возможно, Джефферсон понимал, что необходимость реформ в России назрела, но, как отмечают авторы исследования, «весьма прозорливый Джефферсон полагал в то время, что в России благие порывы Александра I (несмотря на уверения последнего в твердом желании провести реформы) встретят сопротивление аристократии и ожидаемые перемены будут сорваны».

В заключение хотелось бы отметить, что исследование А. Ю. Талья и В. А. Ушакова «Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)» займет достойную нишу в трудах современных отечественных американистов. Нельзя не согласиться с выводом, который делают сами авторы: «Сочинители прошлых времен, и ныне здравствующие и плодотворно работающие исследователи своими трудами, безусловно, расширили горизонты познания прошлого Америки, их усилиями наши представления о воззрениях, жизни и деятельности Т. Джефферсона приобретали все более многогранный и зримый вид». И далее: «Однако работа даже самого маститого исследователя или писателя вряд ли будет свободна от недочетов, каких-либо преувеличений или иных упущений, которые и не позволят провозгласить абсолютные истины». К сказанному можно только добавить, что хотя все, что создано человеком несовершенно, как несовершенна и рассматриваемая в нашей рецензии работа, но, тем не менее, предпринятое В. А. Ушаковым и А. Ю. Талья исследование, безусловно, расширило наши познания на заданную тему и, несомненно, вызывает самый живой интерес среди тех, кто серьезно интересуется историей США, а также историей русско-американских отношений.

VI. ХРОНИКА

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРОВЕДЕННЫЕ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (АПРЕЛЬ– СЕНТЯБРЬ 2013 г.)

Кафедра истории Нового и новейшего времени за апрель – сентябрь 2013 г. провела две научных конференции

ПРОГРАММА

II-й международной научной конференции

РОССИЯ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

8 апреля

Первое пленарное заседание

Проблемы изучения истории стран Северной Европы: итоги и перспективы

Возгрин В. Е. Политическая позиция Карла XII и Девлет-Гирея II (новейшая историография Прутского похода); *Кротов П. А.* Русско-шведская морская баталия в шхерах Аландских островов 27 июля 1720 г.: спорные вопросы и перспективы изучения; *Плат Т.* Ни Север, ни Восток? Локализация Санкт-Петербурга с западной точки зрения на примере немецких переселенцев в конце XVIII-го века; *Септинен И. Т.* Северная лига 1800–1801 гг.: возможности и проблемы.

Второе пленарное заседание
**Проблемы изучения истории стран Северной Европы:
итоги и перспективы**

Чапиевский Э. Польша и Финляндия в составе Российской империи: разные дороги к независимости; *Кресе П.* Изменения русско-финской границы 1811–1940 гг.; *Уитто А.* О чем не рассказывает русская литература о «зимней войне»?; *Вассоевич А. Л.* Эволюция взглядов на финское руководство в Германии и в СССР в годы Второй мировой войны; *Сиика-ахо А.* Взгляды историков на отношение Сталина к Финляндии: идеология, реальная политика или отношения «ненависть-любовь»?

9 апреля

Третье пленарное заседание
История и повседневность

Рок Б. Путешествия поляков по северо-западу России в XVIII в.; *Коваленко Г. М.* Плен и эвакуация: русская провинция начала XIX в. глазами Аделаиды Хаусвольф и Эрика Густава Эрстрёма; *Шкваров А. Г.* Статистические данные по смешанным бракам солдат и матросов гарнизона Гельсингфорса за 1810-е–1860-е гг. (По материалам Национального архива Финляндии); *Флинк Т.* Уно Сигнеус в Санкт-Петербурге в 1845–1858 гг.; *Кругликова Я. В.* Корреспонденция русского академика М. И. Ростовцева с финским археологом А. М. Тальгреном (по материалам рукописного фонда библиотеки Университета Хельсинки).

Четвертое пленарное заседание

Талвитие Х. Великое княжество Финляндское и его влияние на русско-финские отношения; *Геуст К.-Ф.* Добровольцы-военнопленные в финской армии в «зимней войне» и «войне-продолжении»; *Васара В.-Т.* К вопросу о возможности продолжения деятельности финских крайних правых организаций после их роспуска в 1944 г.; *Мартикайнен Т.* От войны к миру: общество Гражданских ветеранов «войны-продолжения» – сотрудничество без границ; *Ляхтеенкорва П.* Единственный частный

президентский архив в Финляндии – из истории и деятельности Архива У. Кекконена.

10 апреля

Пятое пленарное заседание

Страны Северной Европы, проблемы внешней политики

Ляхтеенмяки М. Идентичность пограничной зоны в переломе: кризис 1918 г. в Терийоки; *Корунова Е. В.* Внешнеполитические ориентиры скандинавских стран накануне Второй мировой войны; *Катцова М. А.* Прибалтика или Скандинавия? К проблеме национального и политического самоопределения Финляндии в 1920–1930-е гг.; *Барышников В. Н.* Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала т.н. «зимней войны»; *Веригин С. Г.* Деятельность агентурной финской разведки на Карельском фронте в 1941–1944 гг.

Шестое пленарное заседание

Минккинен А. Ленин и Финляндия; *Хотькова Е. С.* Северная Европа во внешней политике России на современном этапе; *Борисенко В. Н.* Современное восприятие скандинавской социально-экономической модели в России; *Павликова М. М.* Образ России в Финляндии и Финляндии в России: в продолжение темы «застывшего дискурса» (по материалам печатных изданий); *Калиничев А. А.* Община ингерманландских финнов в государственной системе Швеции и России.

Подведение итогов работы

ПРОГРАММА

XV-й международной научной конференции

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

16 апреля 2013 г.

Пленарное заседание

Жаров Б. С. Людмила Юльевна Брауде – филолог-скандинавист. К 85-летию со дня рождения; *Вассоевич А. Л.* Советско-финляндские отношения в радио эфире «Петербургского исторического клуба»

17 апреля 2013 г.

Пленарное заседание

Поульсен-Хансен Л. П. Соборное уложение Алексея Михайловича и его перевод Расмусом Эребо; *Барышников В. Н.* «Чудо зимней войны»? Экономический аспект участия Финляндии в войне против СССР в 1939-1940 гг.; *Бекман Й.* Пронацистская деятельность в Хельсинки в 1960-е гг. вдовы Рейнхарда Хейдриха.

Секционные заседания

Первая секция

Экономика, война и политика

Базарова Т. А. Несостоявшийся визит Карла XII в Санкт-Петербург: Один из нереализованных проектов возвращения короля из Османской империи в Швецию (1711 г.); *Славнитский Н. Р.* Укрепления Ингерманландии и Финляндии в «Аншалъте крепостей» 1724 г.; *Коваленко Г. М. А.* В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг.; *Шкваров А. Г.* Русская армия и финские национальные войска в 1812 г. на территории Великого княжества в Финляндии; *Балащенко Ю. Д.* Барон Эмиль Сёдеркройц – истинный европеец из финской глубинки; *Баданов В. Г.* Олонецкое земство

в борьбе с финским ирредентизмом в годы реформ П. А. Столыпина; *Катцова М. А.* Фашистская пропаганда в Скандинавии в 1933–1945 гг.; *Веригин С. Г.* Социально-экономическая политика финского режима на оккупированной территории Карелии (1941–1944 годы); *Макуров В. Г.* Сопrotивление населения Карелии финскому оккупационному режиму в 1941–1944 гг.; *Журавлёв Д. А.* Судьбы граждан Финляндии в документах медицинской службы Красной Армии 1941–1946 гг.; *Фокин В. И.* Финляндия и внешняя политика Европейского Союза.

Вторая секция

Балтийское море: сотрудничество и противостояние

Кротов П. А. Шведский прам «Элефант» – личный трофей Петра Великого; *Шлямина Е. О.* Роль Ф. М. Апраксина в укреплении обороноспособности Санкт-Петербурга в годы Великой Северной войны; *Лебедев А. А.* Выборгское сражение 1790 г. в свете известного, но «неудобного» источника; *Самыловская Е. А.* Офицеры Балтийского Военно-морского флота в составе католической общины Санкт-Петербурга в первой трети XVIII века; *Партала М. А.* Некоторые вопросы разведывательного обеспечения боевых операций Балтийского флота в Первую мировую войну; *Кондратенко Р. В.* К вопросу о приобретении Россией подводной лодки Норденфельда; *Петров П. В.* К вопросу о строительстве Царской (Военной) пристани в Петергофе; *Горелов В. В.* Особенности судопроизводства на военно-морском флоте Российской империи в 1880-х – 1900-х гг.

Третья секция

Исторические источники, взгляды и оценки

Возгрин В. Е. Корреспонденция Харальда и Анны Скавениусов как источник по истории Петербурга; *Йоутсен Н. Л.* Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского И. М. Оболенский (по архивным материалам); *Дубровская Е. Ю.* «Революция в почтовом конверте»: отклик жителей Карелии на петроградские события весны – лета 1917 года; *Лобанова Д. Р.* Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Historiallinen Aikakausi»); *Васара В.-Т.* К вопросу о последствиях путча в Мянсяле в феврале 1932 г. (по материалам Архива парламента Финляндии); *Репников П. Ю.* Нарушение Женевской конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» в ходе

рейда финского диверсионного отряда на Петровский Ям; *Балашов Е. А.* Состояние финских оборонительных линий на Выборгском направлении накануне генерального наступления Красной Армии летом 1944 года; *Шрадер Т. А.* Контакты петербургских учёных этнографов с коллегами из музеев в Стокгольме (начало XX века); *Кривдина О. А.* Обзор датских научных каталогов по скульптуре (1995–2002 гг.); *Ивлева С. Е.* Забытый гравёр-иллюстратор Георгий Дерикер (1821/2–1847); *Дудина А. А.* Русские эмигранты в Швеции в первой половине XX века: отечественная и зарубежная историография; *Дубинко-Гуца Е. О.* Внешняя политика Дании как область скандинавских исследований.

Четвертая секция

Наука, культура и религия

Терюков А. И. М. А. Кастрен и Я. К. Грот (К 200-летию со дня рождения М. А. Кастрена); *Мусаев В. И.* Первый православный финляндский архиепископ Антоний (Вадковский): штрихи к биографии; *Хмыров Д. В.* «Календарный бунт» на Валааме как отражение актуальных проблем Православной Церкви в начале XX века; *Шкаровский М. В.* Трифоно-Печенгский монастырь в 1939–1944 гг.; *Михалкова Т. К.* Келтонкирхо. История и современность; *Александрова Л. Б.* Карло Франческо Басси и палладианство в архитектуре Финляндии; *Бурков В. Г.* К истории эмблем Большого королевского герба Дании; *Сутягина Л. Э.* Влияние феномена Северного музея (Nordiska museet) на развитие российских этнографических музеев на рубеже XIX–XX столетий на примере МАЭ РАН; *Фруменкова Т. Г.* Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина и середина XIX в.); *Кагарлицкий В. Е.* Роль реформ 1968 года в совершенствовании образовательных программ в Дании; *Галинова А. М.* Петербург, Выборг, Новгород начала XIX в. глазами Аделаиды фон Хаусвольф; *Ляшенко С. В.* По Финляндии с доктором А. В. Елисеевым; *Суворова Л. В.* Лев Пумпянский о финской выставке в бюро Добычиной в апреле 1917 года.

Подведение итогов конференции

ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИКА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УНИВЕРСИТЕТА ПАРИЖ VIII СИЛЬВЕНА ПАТТЬЕ

10 апреля 2013 г. на Историческом факультете состоялась открытая лекция Сильвена Паттьё, молодого преподавателя Новейшей истории из университета Париж VIII (Венсенн-Сен-Дени). Организованная по инициативе кафедры истории Нового и новейшего времени, лекция привлекла большое количество слушателей, так что в 50-й аудитории, несмотря на ее внушительные размеры, яблоку было негде упасть. Тема выступления «Чернокожее население Франции: новые исторические и историографические подходы», достаточно неожиданная для российской аудитории, несомненно, сыграла большую роль в этом успехе, как, впрочем, и личность французского гостя, уроженца Экс-ан-Прованса.

Приглашенный Французским университетским колледжем для чтения недельного цикла лекций на тему социальных движений во Франции с 1871 по 2000 гг., Сильвен Паттьё впервые оказался в городе на Неве. Он – автор ряда научных статей и двух монографий на тему социального туризма, профсоюзного движения и общественной организации «Туризм и труд», которая будучи связана с CGT¹, занималась организацией каникул для рабочих². Однако круг его интересов шире. Он также занимается изучением истории чернокожего населения во Франции и места расового вопроса во французской историографии (в социальном смысле, разумеется, а не в биологическом). Непременный участник ежегодного семинара, проводимого по этой тематике университетом Париж VIII совместно с Калифорнийским университетом Беркли, С. Паттьё является автором романа «Des impatientes» («Нетерпеливые») (Paris, 2012). Этот первый роман французского историка, героини которого – чернокожие подростки, учащиеся «трудного» лицея в одном из иммигрантских пригородов

Парижа, получил немало благожелательных откликов в силу остроты затронутых в нем социальных проблем.

Именно теме чернокожего населения Франции, проблемам, связанным с изучением истории его присутствия на французской территории, и было посвящено выступление С. Паттё на Историческом факультете СПбГУ. Последовательный перевод для большей вразумительности обеспечила к. и. н. Т. Н. Гончарова, хотя в зале, отрадно отметить, было достаточно большое количество франкофонов.

Присутствие во Франции чернокожих, то есть уроженцев Африки южнее Сахары, а также Антильских и Коморских островов, Мадагаскара, Реюньона, Новой Каледонии или Гвианы, изначально констатированное в XVII в. и возросшее с конца 1950-х гг., имеет непосредственное отношение к французской колониальной истории и насчитывает более трех веков. «Новые работы историков позволили, – отметил С. Паттё в начале своего выступления, – поставить на обсуждение во Франции понятие расовых групп и самое понятие расы, истолковываемое как производное социума, а не биологическая данность. Во Франции расовый вопрос не имел столь фундаментального политического значения, как в Соединенных Штатах, например, и французский республиканский универсализм долгое время тяготел к тому, чтобы его затушевывать. Тем не менее, какую историю чернокожего населения писать? Существует ли риск создания искусственной связи между очень разными его представителями? Думается, что необходимо учитывать все разнообразие и своеобразие выходцев из Африки во Франции, чтобы попытаться написать социальную историю чернокожего населения, при том, что уже существуют работы, являющие собой первые тропинки для будущих исследований».

С. Паттё изложил результаты своих изысканий о чернокожих сутенерах в Марселе в 1920-е гг.³ Колониальный порт, Марсель был одним из главных пунктов прибытия во Францию туземных солдат и рабочих во время Первой мировой войны и одним из первых городов метрополии, где сконцентрировалось значительное чернокожее население. Чернокожие моряки, уроженцы Африки или Антильских островов, были многочисленны в Марселе в силу портовой его активности. Однако многие из них, продолжая числиться на кораблях или докерами, в поисках легкой жизни предпочитали нелегальный заработок в качестве сутенеров белых девиц. Конечно, это лишь один, низший срез чернокожего населения. Одновременно, в 1920-е гг. в Париже Эме Сезэр и Леопольд Седар Сенгор изобрели концепт негритюда, а многочисленные африканские и антильские сту-

денты были у основания многочисленных журналов и ассоциаций вокруг колониальных и расовых вопросов. С. Паттьё осветил различные аспекты проработанной им темы: источниковую базу, место расового фактора в создании хорошо идентифицированной группы чернокожих сутенеров, соперничество чернокожих и корсиканцев за контроль над пользующимися дурной славой заведениями и т.д. Кроме того, С. Паттьё рассказ о французских историках, работающих над смежными темами⁴, и раскрыл перспективы изучения истории чернокожего населения во Франции.

По завершении речи французского лектора имела место оживленная дискуссия. Студентов и преподавателей волновало будущее Франции, которое, по их мнению, скомпрометировано слишком большим наплывом чернокожих иммигрантов, в семьях которых рождаемость больше, чем в семьях коренных французов, что чревато в будущем всякого рода осложнениями, а может быть и исчезновением французов как нации. Ответы С. Паттьё звучали скорее успокаивающе. Несмотря на то, что во Франции существует закон, запрещающий собирать сведения об этнической и расовой принадлежности⁵, такая информация существует. В соответствии с ней, чернокожие иммигранты составляют всего 4% от общего населения Франции (около 1,9 млн. из 65 млн.). И хотя по другим данным общее количество чернокожего населения во Франции зашкаливает за 3 млн. (между 3 млн. и 5 млн.), тем не менее, по словам С. Паттьё, не так страшен черт, как его малюют.

Был поднят и вопрос о восприятии чернокожего населения во французском обществе, в целом, значительно более позитивном по сравнению с несколько агрессивным имиджем арабов, выходцев из Алжира, Марокко или Туниса. Большую роль в формировании этого восприятия, вероятно, сыграла правительственная пропаганда Первой мировой войны, когда тиражировался образ добродушного чернокожего, большого ребенка, готового на самопожертвование. Тем не менее, бывают случаи, когда чернокожие, как и магрибинцы, при приеме на работу становятся жертвами дискриминации по расовому признаку. Хотя, закончил С. Паттьё на оптимистической ноте: все больше выходцев из иммигрантских семей успешно устраиваются в жизни, и это касается как чернокожих, так и магрибинцев. Так, три четверти арабских и чернокожих иммигрантов, которые прибыли во Францию до 1975 г., были рабочими и лишь 6% принадлежали к средним или промежуточным социальным слоям. Теперь ситуация радикально отлична: количество рабочих среди молодого поколения иммигрантов резко упало, в то время как возросло и про-

должает возрастать количество работающих в обслуживающем секторе, а это означает, что некоторым из выросших во Франции детей иммигрантов посчастливилось воспользоваться возможностями республиканского социального лифта. Проблема же безработицы существует как среди иммигрантов, так и среди коренного населения.

Вообще же из слов С. Паттье можно было сделать заключение, что бесполезно сетовать и печалиться по поводу чернокожей и арабской иммиграции во Францию и связанных с нею проблем, а надо воспринимать реальность такой, какая она есть, пытаться извлечь из всякой ситуации нечто положительное. Наличие большого количества различных культур на французской территории – достояние Республики и огромное богатство, которого следует не стыдиться, а наоборот приумножать и культивировать.

¹Confédération générale du travail (Всеобщая конфедерация труда) – национальный профсоюзный центр Франции, основанный в 1895 г.

²См.: *Pattieu S.* Tourisme et travail, de l'éducation populaire au secteur marchand (1945–1985). Presses de Sciences Po, 2009; *Le même*. Les camarades des frères. Trotskistes et anarchistes dans la guerre d'Algérie. Paris, 2002; *Le même*. La «vie de château», ou les gains symboliques du tourisme populaire, France 1945 – années 1980 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2009. № 2 (avril–juin).

³*Pattieu S.* Souteneurs noirs à Marseille, 1918–1921. Contribution à l'histoire de la minorité noire en France // *Annales HSS*. Novembre – décembre 2009. № 6. P. 1361–1386.

⁴См., например: *La France noire. Présences et migrations des Afriques, des Amériques et de l'océan Indien en France*. Sous la direction de Pascal Blanchard. Paris, 2012.

⁵Закон этот был принят в 1789 г. и подтвержден Конституцией 1958 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ПОСЛА США В СССР ДЖЕКА МЭТЛОКА

17 мая 2013 г. кафедра истории Нового и новейшего времени совместно с Генеральным консульством Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге организовала встречу студентов и преподавателей Исторического факультета с доктором философии, профессором Принстонского и Колумбийского университетов Джеком Мэтлоком.

Д. Мэтлок является одним из крупнейших американских дипломатов, который долгое время занимался проблемами американско-советских отношений. Он поступил на дипломатическую службу в 1956 г., а с 1971 по 1974 гг. уже являлся директором по делам Советского Союза в Госдепартаменте США. Далее в 1979–1980 гг. Д. Мэтлок был заместителем директора Института зарубежной службы, а затем работал в аппарате Совета национальной безопасности. Кроме того, в 1981–1983 гг. Джек Мэтлок являлся послом США в Чехословакии, после чего в течение трех лет работал специальным помощником президента Р. Рейгана и старшим директором по делам Европы и СССР в Совете национальной безопасности США. Самым примечательным в дипломатической карьере Джека Мэтлока, однако, стало то, что в 1987–1991 гг., в период «перестройки» и дальнейшего распада Советского Союза, он являлся послом Соединенных Штатов Америки в СССР. Именно о данном периоде своей деятельности и рассказал в своем выступлении на Историческом факультете американский дипломат, обратив наибольшее внимание, как в конце 1980-х – нач. 1990-х гг. складывались американско-советские отношения, и какова была в столь драматический период советской истории позиция руководства США.

Свое выступление Джек Мэтлок начал, однако, далеко отойдя от основной темы доклада. Вначале он поделился с весьма представительной аудиторией профессорско-преподавательского состава факультета и

студентами, в первую очередь, своими личными впечатлениями об эпохе Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Именно тогда, как отметил американский дипломат, у него впервые появилась заинтересованность в изучении русского языка и культуры. В частности, Джек Мэтлок сказал, что в ту эпоху на него очень большое впечатление произвела речь советского дипломата А. Я. Вышинского, которую представитель СССР произнес на конференции 1945 г. в Сан-Франциско, в момент создания там Организации Объединенных Наций. Сделав такое предисловие, он далее уже кратко рассказал обо всей своей дипломатической биографии и карьере в Госдепартаменте США. Причем Джек Мэтлок сразу же постарался обозначить основные цели и задачи, которые он видел в своей внешнеполитической миссии и подчеркнул, что для него «была важна взаимная выгода общения сторон, взаимный учёт интересов». Затем перед участниками встречи уже непосредственно стала раскрываться позиция высокопоставленного американского дипломата, когда он, работая в аппарате Белого дома, в 1985 г. принимал участие в подготовке первой встречи лидера СССР М. С. Горбачёва с президентом США Р. Рейганом. Тогда в условиях динамично развивающейся «холодной войны», очевидно, требовались соответствующие обоюдные действия двух сторон с тем, чтобы не допустить продолжения опасной тенденции к жесткой конфронтации двух сверхдержав между собой. В данном случае, вспоминая о том периоде, г-н Мэтлок отметил, что «события в СССР и мире происходили крайне быстро по историческим меркам, однако, несмотря на такую спешку, стороны смогли благополучно урегулировать все вопросы».

Перейдя далее к оценке складывавшейся в конце 1980-х гг. ситуации, Джек Мэтлок представил слушателям свое весьма любопытное видение международной истории, основанное на анализе развития советско-американских отношений того периода. Он твердо заявил, что, по его мнению, «холодная война» закончилась уже к концу 1988 г. Объясняя это необычное утверждение, Дж. Мэтлок постарался соотнести время окончания советско-американской конфронтации со знаменитой речью на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 г. М. С. Горбачева. Тогда советский лидер призвал «в пользу демилитаризации международных отношений». Джек Мэтлок, со своей стороны, заметил, что все последующие события «только подтверждали этот факт». Однако, по мнению американского дипломата, произошедшее далее было тенденциозно искажено политологами и публицистами, которые, реконструируя фрагменты международной истории, нередко становились творцами раз-

личных оторванных от реалий того времени трактовок происходивших событий, которые затем уже превращались в соответствующие мифы. Он прямо указал на то, что сейчас прочно «продолжают существовать некоторые мифы, противоречащие истории “холодной войны” и влияющие на сегодняшнюю политику». Так, по мнению посла, неправильно считать, что «холодная война» прекратилась с распадом Советского Союза. Согласно Дж. Мэтлоку, советско-американская конфронтация начала прекращаться раньше развала СССР и закончилась, прежде всего, благодаря переговорам, которые в то время вели советские и американские лидеры. Распад же Советского Союза не мог произойти, подчеркнул посол, по воле внешних факторов, поскольку, как показывает практика, «внешнее давление лишь усиливает недемократические режимы». В крушении же СССР, по мнению докладчика, «был во многом виноват, прежде всего, первый президент России Б. Н. Ельцин, который вступил в сговор с лидерами Украины и Белоруссии».

Далее, перед собравшейся аудиторией, Дж. Мэтлок раскрыл еще ряд типичных заблуждений, которые, по его мнению, теперь стали характерны для формирования представлений об истории финальной части «холодной войны». В частности, американский дипломат считает очевидным заблуждением, что разрушение коммунистического строя в СССР произошло только благодаря давлению с Запада. «Это рождает, – подчеркнул посол, – ложное понимание того, что “американская мощь” может трансформировать режим в других странах». Он далее отметил: «Так, именно этим ошибочным убеждением объясняется военная агрессия США по отношению к ныне существующим авторитарным режимам». По его же мнению, в реальности распад СССР произошел из-за попытки Горбачева реформировать советскую систему, причем благодаря этому коммунистическая партия потеряла прежний контроль над государством и обществом. «Парадоксальным образом, – заметил Дж. Мэтлок, – лидер КПСС навредил интересам партии, пытаясь защитить интересы страны, следуя при этом курсом реформ».

Третий характерный для господствующих сейчас заблуждений является миф, выделенный докладчиком, отражающий сложившееся в мировом сообществе мнение, что «“холодная война” фактически была Третьей мировой войной». Это, по представлениям Дж. Мэтлока, «ведет к опаснейшим заблуждениям в том, что метафорические войны можно выигрывать теми же методами, что и реальные. К тому же, – добавил дипломат, – не было прямого военного конфликта между СССР и США,

ни одна из сторон не сдалась, а окончание войны оказалось на пользу обоим конфликтующим сторонам». Указывая на это, Дж. Мэтлок далее отметил, что из расхожего утверждения о «холодной войне» как о Третьей мировой вытекает и «четвертый миф» о том, что в «холодной войне» Россия потерпела поражение. По мнению г-на посла, это не соответствует реальности. «Победили все, кто остановил гонку вооружений и провел эти важнейшие переговоры!» – подчеркнул Джек Мэтлок. В подтверждение этой мысли он заметил, что в момент распада СССР Россия не являлась суверенным государством, а всего лишь частью Советского Союза и твердо указал на то, что миф о «победе Запада над Россией» «выгоден только тем силам, которые не хотят считать Россию частью Запада».

Также г-н Мэтлок особо оговорил, что в период дезинтеграции советского пространства США выступали за сохранение Союза. В Вашингтоне явно поддерживали, как заметил американский дипломат, подписание нового союзного договора всех республик, входящих в СССР, за исключением лишь стран Прибалтики. Об этом свидетельствует и выступление президента Соединенных Штатов Дж. Буша (Старшего) в августе 1991 г. в Киеве. Там четко прозвучала идея поддержки данным начинаниям и продемонстрировано неприятие курса на «убийственный национализм». В этих условиях поддержка Горбачева означала поддержку Союза. При этом дипломат признался, что американцы особо беспокоились, что в случае распада СССР могло появиться множество ядерных стран. Проблема была и в том, подчеркнул г-н Мэтлок, что очень часто союзные республики действовали по команде из Москвы, и во многих из них вообще не хотели реформ и перестройки, а «поэтому Запад не виноват в распаде СССР».

Заканчивая свое выступление, г-н посол проинформировал студентов и преподавателей Исторического факультета о возможности далее расширенного обмена мнениями на интернет-пространстве по затронутой им теме с тем, чтобы как можно больше людей могли познакомиться с фактическими обстоятельствами окончания «холодной войны» и продолжить их обсуждение. Он сообщил, что по его инициативе создан Интернет-форум для ученых и дипломатов (<http://endofcoldwarforum.org>), где помимо возможности ознакомления с важными документами эпохи окончания «холодной войны», можно еще активно осуществлять обмен различными мнениями по данной проблеме. Также американский дипломат представил свой блог – jackmatlock.com, где на русском и английском языке существует возможность задать вопросы непосредственно ему.

В заключение Джек Мэтлок высказался о перспективах дальнейшего сотрудничества между двумя странами. Дипломат отметил, что, «безусловно, бывшие разногласия и мифы продолжают влиять на текущую политику, однако между странами не имеется глубоких расхождений по принципиальным вопросам, наоборот, им требуются совместные усилия для преодоления наиболее важных и актуальных вызовов XXI столетия – преступности и терроризма». В этом смысле перезагрузка отношений, которая произошла в 2009 г., дала положительные результаты, а все недо-разумения имеют меньшую ценность, чем сходство главных интересов. Иными словами, г-н Мэтлок с оптимизмом смотрит в будущее. Последней фразой дипломата стало поздравление российской аудитории с недавним Днём Совместной Победы над фашизмом.

После окончания выступления началась достаточно оживленная дискуссия. Первым возможностью задать вопрос г-ну послу воспользовался студент кафедры истории славянских и балканских стран, который попросил Джека Мэтлока рассказать об отношении Соединенных Штатов Америки к юридическому противостоянию между СССР и Литовской союзной республикой на рубеже 1980–1990-х гг. Студент пытался в данном случае уточнить, как данная проблема виделась послу США в Москве. На это Дж. Мэтлок ответил, что «правительство США никогда не признавало включение Литвы и других прибалтийских республик в состав СССР». Далее он заметил, что «в силу этого даже существовала практика, когда действующий посол США в Советском Союзе не имел права общаться с представителями официальных советских властей прибалтийских республик». В то же время Дж. Мэтлок признал, что оппозиционные деятели в Литве часто посещали американского дипломата и рассматривали с ним возможность поддержки США провозглашения независимости Литовской республики, что ставило, как он заметил, его в сложное положение. «Ведь, – пояснил американский дипломат, – возможное применение силы Москвой против сепаратистской республики осталось бы безнаказанным, так как США не были готовы начать войну с СССР из-за Литвы». Более того, по признанию Дж. Мэтлока, он «советовал литовцам ставить вопрос о независимости в рамках советского законодательства, которое давало возможность выйти из состава Союза при условии, что на местном референдуме этот шаг поддержит 2/3 голосовавших». Надо было, по мнению посла, «убедить общество в этом шаге, благо, что в Литве было много антисоветски мыслящих людей даже среди русского населения этой республики». Тем не менее, амери-

канский дипломат высказал свое мнение, указав на то, что «сторонники независимости спешили», о чем свидетельствовала его встреча в марте – апреле 1990 г. с министром иностранных дел СССР Э. Шеварнадзе. Вспоминая о данном времени, Дж. Мэтлок отметил: «Советский дипломат [Э. Шеварнадзе] особо беспокоился, что ускорение провозглашения независимости Литвы может иметь непредсказуемые последствия» и просил американского посла «посодействовать в задержке этого процесса хотя бы до успешного избрания Горбачева президентом СССР, т.е. на 10–14 дней». При этом в то время Джек Мэтлок старался не афишировать свою посредническую миссию и не привлекать внимание советской общественности активными американо-литовскими контактами. Однако попытка притормозить процесс отделения не удалась – «слишком сильно не доверяла литовская сторона Горбачеву, опасаясь с его стороны ответных мер», хотя он тогда литовским представителям «ответственно заявлял», что «их оценка ситуации не совпадает с его». В конечном итоге, в самые короткие сроки Литва все же провозгласила независимость и «ничего страшного, – как заметил Дж. Мэтлок, – не произошло, хотя Горбачев предпринял ответные меры экономического давления». По мнению г-на посла, – Горбачев «сделал меньше, чем мог, но больше не захотел». По свидетельству Мэтлока, государственный секретарь США Дж. Бейкер «достаточно часто встречался с литовскими представителями без всяких ограничений, что свидетельствовало о мягкости мер Горбачева».

Дав, таким образом, столь развернутый ответ на проблему советско-литовских отношений Дж. Мэтлок показал свою готовность к реальной дискуссии. И она, действительно, продолжилась. Студентка IV курса кафедры истории Нового и новейшего времени Н. Голуб задала сразу два вопроса американскому дипломату. Во-первых, она поинтересовалась, «какие из 15 постсоветских республик являются наиболее важными союзниками для США». Также американскому дипломату был задан вопрос относительно реакции Америки на нежелание Украины сразу же после распада СССР расставаться с ядерным оружием. Г-н Мэтлок ответил вначале на второй вопрос, признав, что «действительно, украинский парламент отказался передавать ядерные боеголовки, в то время как в США хотели оставить всё ядерное оружие только России». Посол сообщил, что тогда начались переговоры, окончившиеся соглашением, по которому «боеголовки отправлялись в Россию, а последняя признавала существующие границы Украины, включая Крым». Относительно же первого вопроса, то Дж. Мэтлок признался, что у американской стороны, «кроме

Прибалтики, не было каких-либо особых интересов». Поясняя эту мысль, он заметил: «В дальнейшем же главные интересы связывались с Россией, хотя отношения с Горбачевым складывались отличные. Когда Ельцин в июне 1991 г. был с визитом в США, он должен был пообещать президенту Дж. Бушу (Ст.) подписать союзный договор. Американцы в тот период считали суверенной державой именно СССР, он был первичным!».

После этого инициативу участия в дискуссии с американским послом твердо взяли на себя студенты четвертого курса кафедры истории Нового и новейшего времени. Вопрос уже задал В. Чарахчан, который спросил у Дж. Мэтлока, не желал бы тот «что-либо изменить в своей карьере, если бы представилась такая возможность». На это г-н посол ответил, что вполне удовлетворен тем, как складывалась его дипломатическая жизнь. Поясняя это, он заметил, что еще «в 1960-е гг. КГБ пытался предотвратить всякие контакты между людьми». Г-ну Мэтлоку же, как он считает явно повезло – американский дипломат в Москве познакомился со многими известными поэтами и актерами Советского Союза, включая Ахмадуллину, Вознесенского и др. Но только при Горбачеве «с ними можно было встречаться без риска для последних». В предшествующий этому период Дж. Мэтлок лишь только ожидал, что так произойдет, но благодаря «перестройке» на его же глазах все в СССР изменилось, и этим он вполне удовлетворен.

Далее студентка IV курса кафедры Древней Греции и Рима Ю. Кудина спросила мнение г-на Мэтлока о его личном видении причин начала «холодной войны». На это г-н посол ответил просто – «причина заключалась в разной природе противостоящих сторон». Объясняя эту мысль, он отметил: «После победы большевиков в России началось идеологическое противостояние. США до 1933 г. не признавали СССР, но призраки этого противостояния проявились и после Второй мировой войны. Особенно большую роль сыграла советская оккупация стран Восточной Европы, когда Советский Союз заставил принять свою систему и опустил «железный занавес» между двумя мирами. Американцы вывели из Европы войска, СССР этого не сделал. Американцы боялись сталинской диктатуры пролетариата». Этой фразой Мэтлок закончил свой ответ на столь обширный и во многом достаточно непростой вопрос. Но, вероятно, учитывая необходимость принять во внимание также мнение и советской стороны, предложил взглянуть на проблему начала «холодной войны» с точки зрения возможности ее вообще не допустить, учитывая определенную перспективу иметь «здесь иной путь». В данном случае,

Дж. Мэтлок зачитал отрывок из книги помощника президента СССР по международным делам А. С. Черняева, где автор предлагал иную альтернативу в истории советско-американских отношений, нежели созданную в то время атмосферу конфронтации.

Наряду со студентами на встрече присутствовали также и петербургские историки, интересующиеся советско-американскими отношениями. В частности, вопрос Дж. Мэтлоку задал сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, который, поинтересовался мнением г-на Мэтлока о новой форме интеграции на постсоветском пространстве – Евразийском союзе. На это г-н посол ответил, что «не владеет детальной информацией касательно именно этой формы интеграции, однако искренне приветствует любые попытки уменьшить преграды, разделяющие народы». Как он подчеркнул: «Одной из трагедий распада СССР стало появление границ. Может быть, не все хотят нового объединения, но это проблема исключительно России и остальных постсоветских республик». Другой гость встречи, выпускник кафедры истории Нового и новейшего времени Кононов В. А. спросил американского посла: «В чем заключалась его задача по влиянию на советско-югославские отношения». На это Джек Мэтлок сказал, что «пока он занимал свой пост, много чего было...». Далее же, поясняя это, отметил, что «в тот период параллельно велось 86 отдельных переговоров по самым разным вопросам». В целом же, подчеркнул Мэтлок, он «не имел влияния на американскую политику по Югославии, но при этом американская сторона хотела сохранить союз в Югославии, но Сербия и Хорватия сделали это невозможным».

Последний вопрос, как оказалось, в начавшейся тогда весьма интенсивной дискуссии, выпало задать аспиранту кафедры истории Нового и новейшего времени О. Гордееву, который поинтересовался – связано ли было поражение СССР в «холодной войне» с неудачей Советского Союза в Афганистане, о чём, как отметил О. Гордеев, говорится в книге Джорджа Крайла «Война Чарли Уилсона». Г-н Мэтлок признался, что «книгу не читал, хотя знаком с ней по рецензиям». Американский посол при этом сказал, что «хотя Ч. Уилсон и играл какую-то роль, основные решения принимались президентом на основе советов внутри его администрации, в том числе на основе его – Джека Мэтлока – мнения». Далее он пояснил: «Война сыграла негативную роль для СССР, но не послужила причиной его распада». Кроме того, г-н Мэтлок признался: «По прошествии времени было бы лучше, если бы у власти в Афганистане осталось то прави-

тельство, т.к. альтернатива в лице движения Талибан оказалась худшей. С другой стороны, – отметил г-н посол, – американцы сочли вторжение в Афганистан признаком советского империализма, что подтверждалось эмиссарами моджахедов, показывающими фотографии мёртвых детей, женщин стариков, жертв советских войск, от вида которых даже Р. Рейган плакал». Дав, таким образом, достаточно нестандартный по своей сути ответ, Джек Мэтлок явно показал, насколько глубоко он понимал в тот период конкретные механизмы принятия решений во внешнеполитическом ведомстве США и явно готов был продолжать начавшуюся по данному вопросу дискуссию.

Но к этому времени, однако, встреча американского дипломата со студентами и преподавателями исторического факультета уже, очевидно, приблизилась к финалу. Обмен мнениями уже в несколько раз превысил академические возможности формата подобных рода мероприятий. В результате под гром аплодисментов, адресованных Джеку Мэтлоку, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени д.и.н., профессор В. Н. Барышников выразил общее мнение, что подобного характера мероприятия полезны и должны теперь стать хорошей традицией для будущих встреч с американскими дипломатами и учеными.

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СНО КАФЕДРЫ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
В 2012/2013 УЧЕБНОМ ГОДУ**

В 2012/2013 учебном году Студенческое научное общество кафедры истории Нового и новейшего времени провело девять штатных заседаний, а также участвовало в организации и проведении студенческой конференции «Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг. в истории, культуре и общественной жизни второй половины XX века» и международного студенческого семинара «Актуальные проблемы истории Европы в XX веке» совместно с преподавателями и студентами Вроцлавского университета.

Стоит отметить, что в этом году активное участие в деятельности СНО «Новист», кроме студентов, принимали аспиранты и магистранты нашей кафедры (Виена-Туули Васара, Олег Гордеев, Мария Яковлева, Владислав Кагарлицкий). СНО, по-прежнему, не ощущает недостатка в желающих выступить с докладом, кроме того, в этом году заметно возросла численность слушателей на заседаниях. Однако определенная часть студентов кафедры, к сожалению, неактивна. Это особенно касается младших курсов. Следует отметить, что в деятельности научного общества на протяжении всего года принимали участие одни и те же студенты, которые и составили «костяк» СНО. Традиционно студентов больше привлекают заседания, которые сопровождаются просмотром фильмов или демонстрацией фотоматериалов, презентаций. В 2012/2013 учебном году были показаны документальные и художественные фильмы, посвященные падению Берлинской стены – «Goodbye, Lenin!», развитию культуры в странах Скандинавии – «Вопящие шедевры», экранизации романов Чарльза Диккенса «Большие надежды» и Роберта Пенна Уорена «Вся королевская рать».

Что касается общей тематики заседаний, то в рамках деятельности СНО за 2012/2013 учебный год проявился интерес студентов к сюжетам и личностям в истории Германии, США, Швеции. Стоит отметить, что в этом году состоялось заседание СНО, посвященное художественной литературе как историческому источнику, вызвавшее особенно большой интерес у студентов кафедры. В дальнейшем планируется проведение нескольких подобных заседаний.

Октябрьские заседания СНО 2012 г. прошли под темой «История Германии: от раскола к объединению». 11 октября с докладами выступили следующие студенты: Екатерина Степанянц, студентка вечернего отделения, 5 курс – «Политика денацификации в Германии»; Дмитрий Данчук, студент дневного отделения, 5 курс – «Идеологическое противостояние ФРГ и ГДР»; Артем Филимонов, студент дневного отделения, 2 курс – «Звезда и автомат: роль RAF в политической жизни ФРГ». А 18 октября состоялся просмотр и обсуждение фильма «Goodbye, Lenin!», посвященный проблеме восприятия жителями ГДР объединения Германии в 1989 году.

В ноябре 2012 г. заседания СНО «Новист» были посвящены европейской художественной литературе и ее значению как исторического источника. Студенты кафедры организовали совместный поход в кинотеатр и просмотр фильма «Большие надежды» (экранизация романа Ч. Диккенса). 29 ноября состоялось заседание на тему «Художественная литература как исторический источник», свои доклады представили: Виталий Боварь, студент 4 курса кафедры истории Средних веков – «Отсутствие человека в романе Луи-Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи»; Анастасия Меркулова, студентка нашей кафедры, 3 курс – «Послевоенная Германия в «Луковице памяти» Гюнтера Грасса»; Константин Котельников, студент 2 курса нашей кафедры – «Отражение социально-экономического положения Германии в период Веймарской республики в произведениях Э. М. Ремарка».

После традиционного каникулярного перерыва, активная деятельность СНО была продолжена в марте 2013 г. Два заседания в этом месяце были посвящены истории скандинавских стран. Участие в них принимали студенты кафедры Анастасия Меркулова («Шведско-немецкие отношения в период Второй мировой войны»), Никита Катаев («Актуальные проблемы современного шведского общества») и магистрант Владислав Кагарлицкий с докладом «Творчество театральных групп Дании». На следующем мартовском заседании состоялся просмотр фильма о совре-

менной исландской музыке «Вопящие шедевры» и доклад о развитии исландской культуры Ярославы Максименко, студентки 2 курса.

В апреле 2013 г. перед участниками заседаний была поставлена задача освящения сюжетов из истории США. 11 апреля с докладами выступили Артем Филимонов, студент 2 курса, «Музыка времен Гражданской войны в США» и Дарья Ганзенко, студентка 4 курса, «Наг Тернер – черный ужас Юга».

16–17 мая по инициативе студентов кафедры, активных участников СНО и при участии Католического прихода Св. Екатерины Александрийской в Санкт-Петербурге, на Историческом факультете была проведена студенческая конференция «Второй Ватиканский собор 1962–1965 гг. в истории, культуре и общественной жизни второй половины XX века». В ходе работы конференции 16 мая была организована встреча студентов и преподавателей факультета с Его Высокопреосвященством архиепископом Иваном Юрковичем, апостольским нунцием в РФ; к тому же, 17 мая с докладами, кроме приглашенных участников, выступили студенты нашей кафедры: Виктор Абрамов, 5 курс, Иван Асеев, 5 курс, Дарья Ганзенко, 4 курс, и Анастасия Меркулова, 3 курс.

Кроме перечисленных заседаний, при участии СНО «Новист» и активных студентов кафедры на нашем факультете состоялись следующие мероприятия:

21–22 февраля 2013 г. студентами кафедры совместно с еврейской молодежной организацией Гиллель были организованы дни Еврейской культуры на Историческом факультете.

28 февраля 2013 г. прошла встреча студентов и преподавателей с консулом по вопросам прессы и культуры Генерального консульства США в Санкт-Петербурге Стивенем Лабенски. Мероприятие было организовано кафедрой истории Нового и новейшего времени совместно с Генеральным консульством США в Санкт-Петербурге при участии СНО «Новист».

Студенты кафедры также имели возможность посетить 17 мая 2013 г. выступление доктора философии, посла США в СССР в 1987–1991 гг. Джека Мэтлока, которое было организовано усилиями кафедры истории Нового и новейшего времени.

Ключевым событием второго семестра стал международный научный семинар молодых учёных «Актуальные проблемы истории Европы в XX в.», который состоялся 16 мая 2013 г. Конференции и семинары, проводимые совместно с коллегами с факультета исторических и педагогических наук Вроцлавского университета стали уже традиционными.

Доклады представили следующие студенты и аспиранты кафедры: Олег Гордеев, Мария Яковлева, Екатерина Степанянц, Ярослава Максименко, Наталья Голуб.

Подводя итоги проделанной за год работы, следует отметить, что заседания СНО вызвали широкий интерес студентов кафедры и факультета, результатами года активной работы стали успешно проведенные заседания и мероприятия, инициированные участниками кафедрального научного общества. В прошедшем учебном году СНО продолжало работу по информированию студентов обо всех событиях научной жизни кафедры истории Нового и новейшего времени. Студенческое научное общество будет и в дальнейшем стремиться к наиболее эффективному оповещению студентов о грядущих событиях. СНО «Новист» планирует продолжать свою активную работу по намеченным для себя направлениям.

ГЕРМАНИЯ ГЛАЗАМИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Учебная поездка студентов и преподавателей кафедры истории Нового и новейшего времени в Германию летом 2013 года

В соответствии с достигнутой договоренностью о сотрудничестве кафедры истории Нового и Новейшего времени с институтом Истории Восточной Европы Грайфсвальдского университета им. Эрнста Морица Арндта с 1 по 7 июля была организована учебная поездка студентов, аспирантов и преподавателей кафедры (руководитель делегации профессор В. Е. Возгрин) на территорию федеральной земли Мекленбург–Передняя Померания, а также посещение столицы Германии Берлина.

Организаторы поездки, в первую очередь, дали возможность ознакомиться с красотами города Грайфсвальда. Этот старинный город стоит на берегу Грайфсвальдского залива, в устье реки Рикк, между островами Рюген и Узедом. Название Грайфсвальд впервые упоминается в документах, датированных 1248 годом, а с 14 мая 1250 года Грайфсвальд стал официально называться городом. Жителями города тогда стали поселенцы из Фрисландии, Шлезвига-Гольштейна и Нижнерейнско-Вестфальской области. Здесь также проживали семьи датского и славянского происхождения. Сам город был основан монахами монастыря Эльдена, заложившими недалеко от него еще в 1199 году свой монастырь. Руины монастыря сохранились, летними вечерами в полуразрушенном большом зале монастыря проходят концерты. Участники поездки получили возможность подробно ознакомиться с оставшимися постройками знаменитого монастыря цистерцианцев и прикоснуться, таким образом, к истокам истории города

В ходе многократных пешеходных прогулок по городу можно было почувствовать, что Грайфсвальд, как и многие северные города Герма-

нии, был членом Ганзейского союза и развивался как торговый центр. Однако в эпоху Тридцатилетней войны Грайфсвальд вошел в состав Шведского королевства, что также оставило свой след в исторических памятниках этого города. Немецким же он опять стал только после окончания Наполеоновских войн и передачи Передней Померании Пруссии. Экономический подъём Прусской Германии во второй половине XIX века также отразился на развитии Грайфсвальда. С 1863 года город получил железнодорожное сообщение с остальными частями Германии, что, кстати, участники поездки очень хорошо почувствовали, поскольку прибыли на главный железнодорожный вокзал города, построенный еще в XIX веке.

Теперь, как отмечали организаторы поездки, большим шагом в развитии энергетической отрасли земли Мекленбург–Передняя Померания стало строительство газопроводной трассы NordStream, соединяющей Россию и Германию. Конечный участок газопровода, открытый в 2011 году при участии Президента РФ и Федерального канцлера Германии, находится всего в 20 км от Грайфсвальда в городе Лубмин, что также представляло интерес для студентов-историков, которые в большей своей части занимаются изучением периода Новейшего времени.

В целом, участникам поездки не пришлось долго разбираться и в плане средневековой части старого Грайфсвальда. Улицы города оказались прямыми, как в Петербурге, и расположены по принципу шахматной доски. Старинный центр города сегодня реконструирован и привлекает разнообразием архитектурных стилей. В центре города три церкви, самая большая — собор Святого Николая, также являющийся символом города. Особенно красива церковь Святой Марии — величественное сооружение из кирпича в готическом стиле. Её построили в XIII веке, и это самая старая церковь Грайфсвальда.

Перед ратушей находится рыночная площадь — сердце города. Ее окружают здания, построенные в готическом и ренессансном стилях. Особенно примечательны два средневековых дома в стиле северо-германской кирпичной готики, расположенные прямо напротив ратуши, построенной в XV веке. В начале XVIII века после пожаров она была восстановлена. Перед ратушей в 1945 году бывший тогда военным комендантом и начальником гарнизона города Грайфсвальда полковник Рудольф Петерсхаген передал город советским войскам без военных действий. Таким образом, он спас многих людей от смерти, а город от разрушений. Теме Второй мировой войны и подвигам советских солдат посвящен

небольшой мемориал недалеко от центральной площади, где установлена стела с надписью: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины (1941–1945 гг.)».

Если немного пройти от площади по центральным улицам, то можно выйти в центр студенческой жизни — университетский комплекс. Главное здание университета было построено в 1747–1750 годах, когда вся Передняя Померания была под господством Швеции. В главном здании находятся актовый зал с парадным портретом шведского короля Густава III и ректорат. Это высшее учебное заведение было основано еще в позднее средневековье в 1456 году по инициативе бургомистра города Генриха Рубенова, и оно входит в семерку старейших университетов Германии. В ходе экскурсии участники поездки посетили одну из старейших аудиторий университета, посидели на старинных студенческих скамьях. Особый интерес вызвал рассказ об университетской тюрьме, одно из помещений которой удалось увидеть, зайти внутрь и рассмотреть уникальные надписи на стенах, оставленные немецкими студентами былых веков.

С конца XIX века Грайфсвальдский университет уже считается одним из ведущих научных центров Германии по изучению Балтийского региона и стран Северной Европы, что предопределило перспективы сотрудничества кафедры именно с этим университетским центром Германии. Здесь 4 июля прошла российско-германская конференция молодых историков «Россия глазами немцев, Германия глазами русских». Организаторы конференции приняли российских коллег в одном из парадных залов университета. Тон плодотворной работе конференции задал директор Института истории и заведующий кафедрой Скандинавской истории профессор Енс Олесен, открывший первое пленарное заседание. Дискуссионный характер заявленных тем, присутствие известных профессоров придавало конференции особый статус. Стоит отметить, что и немецкие и российские молодые специалисты справились с возложенной на них ответственностью. Доклады в большинстве своем сопровождались наглядными презентациями, оживленная дискуссия способствовала обмену опытом, а как результат, было принято решение проводить подобные научные мероприятия и в дальнейшем.

Наряду с подробным знакомством с городом Грайфсвальдом и с его университетом участники поездки также совершили экскурсию в еще один из крупных городов Передней Померании—Штральзунд. В сопровождении заботливых немецких студентов, а также преподавателей уни-

верситета — директора института Истории Восточной Европы профессора М. Ниендорфа и одного из главных организаторов этой поездки д.н. Т. Плата — делегация познакомилась с достопримечательностями этого старинного ганзейского города. Его центральная часть с 2002 года входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Кроме того, была также организована поездка на крупнейший из островов в пределах Германии — остров Рюген. Здесь участники делегации совершили пешеходную прогулку к охотничьему замку XIX века, откуда открывалась величественная панорама окрестностей, а также осмотрели сохранившиеся на острове постройки, относящиеся уже к событиям нацистской Германии. Участникам поездки показали комплекс Прора — самый масштабный строительный проект Третьего рейха — «Величайший морской курорт мира». Этот так называемый «Прорский колосс» сооружался в 1936–1939 годах по проекту архитектора Клотца как единое и весьма мрачное здание некоего нацистского «дома отдыха». Шестиэтажная постройка была воздвигнута на расстоянии 150 м от побережья Балтийского моря и протянулась как единое строение на протяжении четырех с половиной километров. Здесь предполагалось разместить 20 тысяч «отдыхающих». Организаторы экскурсии показали короткометражный фильм и небольшую музейную экспозицию, посвященную истории того времени. Приходилось только поражаться масштабности проведенных здесь когда-то работ и абсолютной бессмысленности по большей части пустующего в настоящее время гигантского сооружения. Это наблюдение стало еще более понятным, когда через некоторое время участников поездки доставили до пышущего курортной жизнью городка Бинц. Этот курорт появился в Германии во второй половине XIX века и был наиболее знаменит в начале XX-го века. До Первой мировой войны в этих местах ежегодно отдыхало около 10 тысяч человек, но и впоследствии здесь также собирались «сливки германского общества».

После знакомства с Передней Померанией, молодежная делегация СПбГУ переместилась в Берлин, где ее стали знакомить с историческими достопримечательностями столицы Германии. Естественно, что и здесь наибольшее внимание уделялось историческим объектам и музеям. Была организована подробная экскурсия в Германо-российский музей по истории Второй мировой войны — «Берлин-Карлсхорст». Очевидно, что интерес к этому музею был вызван, прежде всего, тем, что в Германии сейчас подобные экспозиции фактически нигде не представлены. А здесь сохранилось большое количество мемориальных экспонатов, относящихся-

ся к подписанию исторического Акта о безоговорочной капитуляции Германии, произошедшей в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. После знакомства с этим музеем немецкие коллеги предложили посетить музей Берлинской стены, история которой также является неотъемлемой частью германо-российских отношений. Для историков было, несомненно, интересно познакомиться с Немецким историческим музеем, расположенным в здании Цейхгауза на улице Унтер-ден-Линден. Масштаб экспозиции и ее прекрасное оформление позволили прикоснуться к немецкой истории с древнейших времен до настоящего времени.

Особый интерес вызвало посещение здания Бундестага. Стоит отдельно поблагодарить немецких коллег за эту экскурсию. Экскурсовод подробно рассказал о деятельности германского парламента, провел российскую делегацию по внутренним помещениям, например, удалось посетить библиотеку, комнату отдыха.

Особый интерес, безусловно, вызвал осмотр знаменитых надписей советских солдат на стенах этого здания в 1945 году. Сохранившиеся до наших дней, они представляют несомненную историческую ценность. Наряду со знакомством с внутренними помещениями, участникам поездки удалось подняться под купол бывшего Рейхстага, где сейчас находится смотровая площадка, с которой открывается великолепная панорама исторического центра Берлина.

После окончания музейной программы немецкие коллеги дали возможность участникам поездки свободно погулять по городу, почувствовать атмосферу и оценить ритм жизни немецкой столицы.

В целом, недельная поездка в Германию оказалась весьма насыщенной и полезной. Она позволила лучше узнать немецкую историю, посмотреть на нее глазами самих жителей Германии, а также лучше понять немецких людей, которые постоянно с большой теплотой и приветливостью относились к своим петербургским гостям. Важно и то, что теперь подобные учебные поездки и обмены студенческими делегациями с Институтом истории Восточной Европы Грайфсвальдского университета будут регулярными, поскольку делегация немецких студентов в сентябре 2014 года уже прибудет в Санкт-Петербург.

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

УДК 94(420).06

Сидоренко Л. В. **Проблема постоянной армии и Славная революция в Англии 1688–1689 гг.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 15–28.

В статье рассматривается проблема политической и конституционной роли института английской постоянной армии в эпоху Славной революции 1688–1689 гг. Автор описывает тенденцию роста числа солдат при Карле II и Якове II и непопулярный в стране процесс католизации вооружённых сил; анализирует причины неспособности английского короля эффективно использовать свою огромную армию против вторжения Вильгельма Оранского; раскрывает планы голландского статхаудера в отношении английских вооружённых сил. В статье отдельно показывается процесс определения правового статуса постоянных вооружённых сил в постреволюционное время, конституционирование армии в государственной системе страны.

Ключевые слова: Славная революция, постоянная армия, Вильгельм Оранский, Яков II, Англия.

УДК 94(47).06 + 94.(47).07

Возгрин В. Е. **Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII–конец XIX в.) /часть I** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 29–53.

В статье рассматривается национальная политика Российской империи в отношении германских переселенцев в Крыму и коренных жителей полуострова крымских татар в период с XVIII по конец XIX вв.

Ключевые слова: Крым, национальная политика Российской империи, германские переселенцы, крымские татары.

УДК 94(44).034

Гончарова Т. Н. **Жан-Жак Руссо и женщины: парадоксальные отношения** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 54–66.

Жан-Жак Руссо был парадоксальной личностью. У него была репутация женоненавистника, вследствие заявлений о том, что женщины должны всецело принадлежать своим семьям и детям и не выходить за рамки домашнего очага, – и это в то время, когда просвещенное общество проводило так много времени в салонах, где дамы вели разговоры на самые разнообразные темы. И все же среди читателей и почитателей Руссо было много женщин из избранного аристократического общества, приходивших в восторг от сентиментальности его романа-бестселлера «Новая Элоиза» и пребывавших под глубоким впечатлением от его идей о воспитании, выраженных в педагогическом романе «Эмиль». Как объяснить это явное противоречие – вот задача, которую ставит перед собой автор статьи.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо, парадокс, Век Просвещения, салоны, «Новая Элоиза», «Эмиль».

УДК 94(47).072+94(44).05

Соколов О. В. **Русско-французские отношения накануне войны 1805 г.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 67–84.

В статье анализируются причины начала Россией войны с наполеоновской Францией в 1805 г. Большое внимание уделяется благоприятному, в целом, восприятию Франции в России накануне военных действий и враждебному Наполеону настрою императора Александра I и узкой группы англофилов и придворных кругов.

Ключевые слова: русско-французские отношения, война третьей коалиции 1805 г., Александр I, англофилы, публицистика.

УДК 94(72).03

Петрова А. А. **Военные кампании 1810–1826 гг. в Испанской Америке: Перуанский поход Хосе де Сан-Мартина** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 85–105.

В статье рассматривается один из наиболее загадочных и неоднозначных эпизодов в биографии Хосе де Сан-Мартина (1778–1850) как военачальника — его Перуанский поход (1820–1822). Анализируются разные точки зрения на ход и результаты этого похода и место и роль Хосе де Сан-Мартина в борьбе за освобождение Испанской Америки.

Ключевые слова: Хосе де Сан-Мартин, Война за независимость, Испанская Америка, военное искусство.

УДК 94(44).083+94(430).085

Евдокимова Н. П. **Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 106–123.

В статье рассматривается состояние франко-германских отношений после Локарнской конференции, отмечается неудовлетворенность Германии развитием этих отношений. Попыткой придать ускорение этому развитию стала встреча и беседа министров иностранных дел Франции и Германии – А. Бриана и Г. Штреземана 17 сентября 1926 г. в Туари. В ходе беседы обсуждались вопросы о германских репарациях, о возможности сокращения численности оккупационных войск, о контроле над разоружением Германии, другие вопросы. При готовности вместе с союзниками пойти на ряд уступок Германии, А. Бриан проявил твердость в вопросе обеспечения безопасности Франции: от Германии требовалось устранить нарушения в военной сфере, обнаруженные в ходе инспекции Межсоюзнической комиссией военного контроля.

Ключевые слова: франко-германские отношения, А. Бриан, Г. Штреземан, беседа в Туари, репарации, оккупация, контроль над разоружением Германии.

УДК 94(430).086

Пленков О. Ю. **Консервативные немецкие геополитические представления и гитлеровское планирование войны на Востоке** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 124–135.

В статье рассматривается вопрос о преемственности старых немецких консервативных представлений о геополитике и гитлеровского геополитического планирования. В итоге автор приходит к выводу, что проследить какой-либо преемственной линии невозможно. Иными словами, Гитлер в своей геополитике был совершенно оригинален и стремился к революционному пересмотру всего геополитического порядка в Европе.

Ключевые слова: немецкий консерватизм, национал-социализм, геополитика, Гитлер, немецкая колонизация, этнические немцы, нацистское геополитическое планирование.

УДК 94(73).07

Филимонов А. Е. **Генерал Конфедерации Томас Джексон и битва на Бивердем-Крик (битва у Меканиксвилля) 26 июля 1862 года: собственный просчет или влияние обстоятельств?** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 136–143.

В научном сообщении анализируются причины неудачи генерала Конфедерации Томаса Джонатана Джексона в сражении на Бивердем-Крик (у Меканиксвилля) 26 июня 1862 года. Автор рассматривает роль Джексона, отводившуюся ему в плане генерала Р. Э. Ли, условия марша и боя, итоги сражения. Особое внимание уделяется взаимодействию войск Джексона с другими частями армии Северной Виргинии. Одновременно в сообщении даются оценки действий Джексона среди сослуживцев и историков.

Ключевые слова: Гражданская война в США, кампания на Полуострове, Семидневная Битва, армия Северной Виргинии, Т. Д. Джексон, Р. Э. Ли.

УДК 94(481).081

Сапронов И. М. **Значение Первой мировой войны для развития нефтяной индустрии Великобритании и США** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 144–152.

В статье проведен анализ обусловленности развития нефтепромышленности таким фактором, как Первая мировая война, а также намечены основания для дальнейшего изменения «баланса сил» между крупнейшими экономиками. Крупнейшие мировые нефтяные тресты отбросили в сторону противоречия ради достижения победы в войне против общего врага, однако конфликт между компаниями разгорелся вновь с большей силой после окончания войны. На основе статистического и фактиче-

ского материала автором сделан вывод о том, что Первая мировая война открыла «эпоху нефти».

Ключевые слова: нефть, история нефтяной промышленности, экономическая история, Первая мировая война.

УДК 94(44).083

Яковлева М. Г. **Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918–1939 гг.)** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 153–158.

Среди эмигрантов, покинувших Родину после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны, оказалось значительное количество женщин и детей. В связи с этим остро встал вопрос об образовании и воспитании молодого поколения в условиях эмиграции. В первые годы эмиграции переселенцы надеялись в скором времени вернуться в Россию, поэтому они боролись за сохранение национальной культуры и русских традиций. Именно в дореволюционных традициях русского образования они и хотели воспитать своих детей, оказавшихся вместе с ними в изгнании.

Ключевые слова: эмиграция, Россия, Франция, Русское зарубежье, образование, воспитание, дети.

УДК 94(420)''1960''

Чепик В. Н. **Интеграционная политика Великобритании в Западной Европе и проблема реорганизации НАТО в начале 1960-х годов** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 159–171.

В статье рассматриваются вопросы политики Великобритании по сплочению западноевропейских членов НАТО и ее влияние на темпы и направления интеграционных процессов в Западной Европе. Автор утверждает, что правительство Великобритании стремилось укрепить западноевропейскую опору альянса посредством ассоциации двух экономических группировок ЕЭС и ЕАСТ, а также установления особых отношений Великобритании с Францией, в которых бы она, используя свои связи с США, выступала в роли лидера. В статье прослеживается отрицательное влияние берлинского и кубинского кризисов на реализацию планов Великобритании. Автор делает вывод о зависимости плана Великобритании от готовности США дать согласие на англо-француз-

ское ядерное сотрудничество. В то же время утверждается, что США, в период переговоров с СССР по разоружению, придерживались политики нераспространения ядерного оружия и посредством создания многосторонних сил планировали заставить Великобританию и Францию отказаться от собственного ядерного оружия. Появление такого плана стало препятствием на пути реализации интеграционных планов в Западной Европе.

Ключевые слова: интеграция, НАТО, разоружение, особые отношения, ЕЭС, многосторонние силы.

УДК 930 (47) “18/21”

Барышников В. Н., Даудов А. Х. **Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.)** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 172–190.

Статья посвящена тому, как складывались традиции изучения истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII – XXI вв.). В ней раскрываются этапы формирования отечественной скандинавистики в России, и определяется роль Петербурга как одного из важных исследовательских центров по изучению истории скандинавских стран и Финляндии.

Ключевые слова: отечественная историография, скандинавистика, история стран Северной Европы.

УДК 94(73).046

Талья А. Ю., Ушаков В. А. **Томас Джефферсон и американская тематика в освещении М. М. Ковалевского** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 191–208.

Ряд видных ученых в С.-Петербурге и Москве сыграли выдающуюся роль в организации и развитии американистики в дореволюционной России. Среди них был хорошо известный российский историк, правовед, социолог М. М. Ковалевский. В этой статье рассмотрены его основные научные труды и курсы лекций по истории американского права и государства с тем, чтобы охарактеризовать их автора как выдающегося ученого и влиятельного лидера либерального движения в царской России. Статья также рассматривает мнение Ковалевского об «Американской

демократии» и ее верном защитнике – знаменитом государственном деятеле США Томасе Джефферсоне.

Ключевые слова: США, история США, Т. Джефферсон, М. М. Ковалевский.

УДК 930(477)''21''

Голуб Н. Б. **Российско-американские отношения в оценках украинских исследователей (новейший этап)** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 209–213.

В данной статье раскрывается вопрос изучения российско-американских отношений украинскими учеными. Автор исследует круг проблем, которые интересуют исследователей в наибольшей степени. Кроме того, затрагивается вопрос объективности выдвигаемых точек зрения.

Ключевые слова: история российско-американских отношений, украинские историки, новейшая историография, объективность.

Щеголев С. И. **Рецензия на работы проф. В. А. Ушакова: Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов. Санкт-Петербург: Полтораки, 2010; Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX века). Санкт-Петербург: Нестор, 2006 (в соавторстве с Т. В. Партаненко); Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России). Санкт-Петербург: Полтораки, 2012 (в соавторстве с А. Ю. Талья)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. 2013. С. 231–238.

Труды д.и.н. проф. Ушакова, представляющие собой, по сути, трилогию, посвящены таким важным, деликатным и по сей день весьма злободневным вопросам, как восприятие России странами Западной Европы и США и Россией Западного мира. Рассматриваемые в рецензии работы, проливающие свет на малоизученные стороны этих вопросов, безусловно, расширили наши познания и вызывают самый живой интерес среди специалистов – американистов и всех тех, кто интересуется историей контактов России и Западной цивилизации.

Ключевые слова: взаимовосприятие, Россия, Запад, представления, стереотипы, демократия, Томас Джефферсон.

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS

Sidorenko L. V. Standing Army problem and the Glorious Revolution of 1688–1689.

The article deals with the problem of political and constitutional role of English standing army during the Glorious Revolution of 1688–1689. The author describes tendency of growing the quantity of soldiers during Charles II and James II, and also unpopular in society process of including Catholics in army staff; analyses reasons of impossibility of James II to use his huge army effectively against the invasion of William of Orange. The author also opens plans of Holland stadtholder for using English military forces. The crucial point of the article is covering the process of defining the legal status of the standing army in postrevolutionary time, constitutional settlement of the army in British state system.

Keywords: Glorious Revolution, standing army, William of Orange, James II, England.

Vozgrin V. E. German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (18th – late 19th century) /Part I/.

The article discusses the national policy of the Russian Empire in respect of the German settlers in the Crimea and indigenous inhabitants of this peninsula Crimean Tatars from 18th to the end of the 19th century.

Keywords: Crimea, national policy of Russian Empire, German settlers, Crimean Tatars.

Goncharova T. N. **Jean-Jacques Rousseau and women: the paradoxical relationship.**

There is a paradox about Jean-Jacques Rousseau. He had the reputation of a misogynist because he wrote that women belong to their families and children and they should stay home – and that at a time when the enlightened society spent so much time in the Salons where conversation was notoriously conducted by women. And yet, many of Rousseau’s readers and admirers were women of the best aristocratic society, who were delighted by the sentimentality of his bestseller novel “La Nouvelle Heloise” and deeply influenced by his ideas on education as expressed in his pedagogical novel “Emile”. How to explain this apparent contradiction is the purpose of the present essay.

Keywords: J.-J. Rousseau, paradox, Age of Enlightenment, salons, “New Heloise”. “Emile”.

Sokolov O. V. **Russian-French relations on the eve of the war of 1805.**

The article analyzes the causes of the beginning of Russian war against Napoleonic France in 1805. Much attention is paid to a beneficial in general perception of France in Russia on the eve of hostilities and to a hostile mood of the Emperor Alexander I and of a small group of Anglophiles and court circles towards Napoleon.

Keywords: Russian-French relations, War of the Third Coalition in 1805, Emperor Alexander I, Anglophiles, Political Essays.

Petrova A. A. **Military campaigns 1810-1826 in Spanish America: Peruvian campaign of Jose de San Martin.**

The article reveals one of the most enigmatic and controversial episodes in the biography of Jose de San Martin (1778–1850) as a military leader – his Peruvian expedition (1820–1822). The different points of view on the progress and results of the campaign and the role and place of Jose de San Martin in the struggle for the liberation of Spanish America are analyzed.

Keywords: Jose de San Martin, the War of Independence, Spanish America, the art of war.

Evdokimova N. P. Clear space and cul-de-sac's in the French-German relations in the middle of 1920-s years.

This article is dedicated to the relationship of France and Germany after the Locarno conference when Germany wasn't satisfied with the development of these relations. The meeting of foreign affairs ministers of France and Germany – A. Briand and G. Stresemann was held on September 17 1926 in Thoiry. It was the attempt to precipitate the development of these relations. On the agenda of this conference there were the next questions: Germany's reparations, possibility of reducing the occupation forces, control of disarmament of Germany and others. Ready to make some concessions to Germany, Briand manifested the solidity in the question of guarantee security of France. Germany had to remove the transgressions in military sphere which internally commission of military control had exposed during the inspection.

Keywords: French-Germany relations; Aristide Briand; Gustav Stresemann; conversation in Thoiry; reparations; occupation; control of disarmament of Germany.

Plenkov O. Y. German conservative political views and Hitler's war planning in the East.

The question of continuity of old German conservative representations of geopolitics and Hitler's geopolitical planning is considered in this article. As a result the author comes to a conclusion that no successive line can be tracked. By other words, Hitler in the geopolitics was absolutely original and sought for revolutionary revision of all geopolitical order in Europe.

Keywords: German conservatism, national-socialism, geopolitics, Hitler, German colonization, ethnic Germans, nazi geopolitical planning.

Filimonov A. E. General of the Confederation Thomas Jackson and the Battle on Beaver Dam Creek (Battle of Mechanicsville) on July 26, 1862: own miscalculation or influence of circumstances?

The article analyzes the causes of General Jackson's poor performance in the battle on Beaver Dam Creek (battle of Mechanicsville) on 26 of July 1862. The author considers the role of Jackson in General Lee's plan, conditions of march and fight and the results of the battle. Special attention is paid to cooperation of Jackson's division with other units of the Army of Northern

Virginia. The paper also presents the evaluation of Jackson's command by his fellow-officers and historians.

Keywords: American Civil War, Peninsula campaign, Seven Days battles. Army of Northern Virginia, T. D. Jackson, R. E. Lee.

Sapronov I. M. Importance of World War I for development of the oil industry of Great Britain and USA.

This article analyzes conditionality of development of the petroleum industry by such factor as World War I, and also the bases for further change of "balance of forces" between the largest economies are planned. Largest world oil trusts rejected contradictions to achieve a victory against the general enemy, however the conflict between the companies arose again with a bigger force after the end of war. On the basis of a statistical and actual material the author made a conclusion that World War I opened "an oil era".

Keywords: oil, oil industry history, economic history, First World War.

Yakovleva M. G. The problems of education of children of Russian immigrants in France (1918–1939).

Among the emigrants who had left Russia after the October Revolution and the Civil War which had followed it was a huge amount of women and children. Due to that fact the major problem was how to educate young generation in emigration. The emigrants believed they could get home soon that's why they fought for saving Russian culture and traditions among their youngsters.

Keywords: emigration, Russia, France, Russian foreignness, education, upbringing, children.

Chepik V. N. Integration policy of the Great Britain in Western Europe and the problem of reorganization of NATO in the early 1960s.

The article deals with the problems of integration policy of Great Britain among Western European allies in NATO. The author claims that Britain was trying to strengthen the "European pillar" by the means of economic association of EEC and EFTA as well as establishing special relations in nuclear weapons with France. The article reveals the negative effect of Berlin and Cuban crises on integration plans in Europe. The author concludes that the success of Great Britain policy depended on the United States readiness to permit Anglo-French

special relations. On the other hand the author emphasizes that the United States couldn't do that because of the policy of non-proliferation of nuclear weapons they pursue as well as starting the negotiations with the Soviet Union on disarmament. Instead the USA suggested multilateral force plan, which was to make Britain to refuse of nuclear weapons and prevent the further development of integration in Europe.

Keywords: integration, NATO, disarmament, special relations, EEC, multilateral force.

Baryshnikov V. N., Daudov A. H. Study of History of the Nordic countries in St. Petersburg (18th – 21st centuries).

The article is devoted to how the tradition of studying the history of the Nordic countries took shape in St. Petersburg (18th – 21st centuries). It reveals the stages of formation of national Scandinavian studies and defines the role of St. Petersburg as one of the important research centers for the study of the history of the Scandinavian countries and Finland.

Keywords: national historiography, Scandinavian studies, history of the Nordic countries.

Talya A. Y., Ushakov V. A. Thomas Jefferson and American subjects in the interpretation of M. M. Kovalevsky.

The several prominent scientists in St. Petersburg and Moscow played a significant role in the organization and development of American studies in pre-revolutionary Russia. Among them was the well-known Russian historian, lawyer, sociologist M. M. Kovalevsky. This article focuses on his principal scientific works and his courses of lectures on history of American Law and Government in order to characterize its author as the outstanding scientist and influential leader of liberal movement in tsarist Russia. And also the article reveals Kovalevsky's opinion about «American Democracy» and its true supporter and famous U. S. statesman Thomas Jefferson.

Keywords: the United States, U. S. history, Th. Jefferson, M. M. Kovalevsky.

Golub N. B. Russian-American relations in the estimates of Ukrainian researchers (new stage).

In this article the question of research on the Russian-American relations by Ukrainian scholars is revealed. The author determines the circle of problems which interest the researchers most. Besides special attention is dedicated to the question of credibility of these points of view.

Keywords: history of Russian-American relations, Ukrainian historians, newest historiography, objectivity.

Shchegolev S. I. **Review on the works by Professor V. A. Ushakov: Russia in the Interpretation of a Foreigner: Formation of Views and Stereotypes. St-Petersburg, 2010; Mutual Perception of Russia and of the West (18th – the first half of the 19th centuries). St-Petersburg, 2006 (in collaboration with T. V. Partanenko); Thomas Jefferson and American Democracy (perception in Russia). St-Petersburg, 2012 (in collaboration with A. Y. Talya).**

Works by doctor of historical Sciences V. A. Ushakov represent in fact a trilogy and are dedicated to such significant, delicate and still very topical questions as the perception of Russia by the countries of Western Europe and USA, and the perception of the West by Russia. The works considered in the review shed light on the little known aspects of these issues, certainly expand our knowledge and cause the keen interest among the specialists in American culture and history and among all those who are interested in the history of contacts between Russia and Western civilization.

Keywords: mutual perception, Russia, the West, views, stereotypes, democracy, Thomas Jefferson.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Возгрин Валерий Евгеньевич, д-р ист. наук, проф. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Ганзенко Дарья Сергеевна, студентка 5-го курса Исторического ф-та, научный руководитель канд. ист. наук, доцент С. В. Шершнева.

Гончарова Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, ст. преп. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Голуб Наталья Борисовна, студентка 5-го курса Исторического ф-та, научный руководитель д-р ист. наук, проф. В. А. Ушаков.

Даудов Абдулла Хамидович, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории народов стран СНГ, декан Исторического ф-та СПбГУ.

Евдокимова Нина Петровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Петрова Ариадна Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Пленков Олег Юрьевич, д-р ист. наук, проф. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Рок Богдан, д-р ист. наук, проф. Института истории г. Вроцлава (Республика Польша).

Сапронов Игорь Михайлович, бакалавр Исторического ф-та 4 курс, научный руководитель канд. ист. наук, доцент В. Н. Борисенко.

Сидоренко Леонид Владимирович, канд. ист. наук, ст. преп. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Соколов Олег Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Талья Анна Юрьевна, сотрудник Российской национальной библиотеки.

Ушаков Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ.

Филимонов Артем Егорович, бакалавр Исторического ф-та 3 курс, научный руководитель канд. ист. наук, доцент С. В. Шершнева.

Ченик Виктор Николаевич, аспирант Исторического ф-та, научный руководитель канд. ист. наук, доцент В. Н. Борисенко.

Щеголев Сергей Игоревич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ, Исторический ф-т СПбГУ.

Яковлева Мария Геннадьевна, аспирантка Исторического ф-та, научный руководитель д-р ист. наук, проф. В. Е. Возгрин.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

№ 11

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: *Т. Н. Гончарова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 25.11.13.

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Заказ 30-05/13. Усл. печ. л. 17.

Тираж 300 экз.

Отпечатано на базе копировально-множительного участка

Исторического факультета СПбГУ

199034 Санкт-Петербург

Менделеевская линия, д. 5